

Interlinguistica Tartuensis

VI

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 858 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

ОБЩАЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИКА
И ПЛАНОВЫЕ ЯЗЫКИ

Interlinguistica Tartuensis 6

ТАРТУ 1989

Редакционная коллегия серии:

П.Аристе, В.П. Григорьев, А.Д. Дуличенко,
С.Н. Кузнецов, М. Линнамяги, П.Нурмекунд

Ответственный редактор серии и выпуска А.Д. Дуличенко

Сборник содержит материалы интерлингвистической конференции "Плановые языки: итоги и перспективы", прошедшей в Тартуском университете 22-24 октября 1987 г. и приуроченной к столетию функционирования международного вспомогательного языка эсперанто.

В общеинтерлингвистическом разделе сборника помещены материалы, раскрывающие сущность науки о международном языке, ее связи с мировой языковой ситуацией, необходимость работы по установлению языковых универсалий, а также мотивов и принципов создания международных искусственных (плановых) языков. В эсперантологическом разделе рассматриваются вопросы ценности эсперанто для лингвистики, его социолингвистические параметры, нерешенные грамматические, лексические, лексикографические, фразеологические и проч. аспекты.

Предыдущие выпуски серии "Interlinguistica Tartuensis":

Вып. 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия акад. П.А. Аристе. (УЗ ТартуУ, Вып. 613). Тарту, 1982. - 200 с.

Вып. 2. Теория и история международного языка. (УЗ ТартуУ, Вып. 644). Тарту, 1983. - 123 с.

Вып. 3. История и современное состояние интерлингвистики. (УЗ ТартуУ, Вып. 671). Тарту, 1984. - 183 с.

Вып. 4. Вопросы общей и частной интерлингвистики. (УЗ ТартуУ, Вып. 775). Тарту, 1987. - 160 с.

Вып. 5. Интерлингвистическая теория и практика международного вспомогательного языка. (УЗ ТартуУ, Вып. 791). Тарту, 1988. - 184 с.

ТАРТУСКАЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

"ПЛАНОВЫЕ ЯЗЫКИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ"

(22-24 октября 1987 г.)

22-24 октября 1987 г. в Тартуском государственном университете состоялась научно-теоретическая конференция по интерлингвистике "Плановые языки: итоги и перспективы". В ней приняли участие ученые вузов и академических учреждений Тарту, Таллина, Москвы, Минска, Донецка, Одессы, Симферополя, Тернополя, Вильнюса, Свердловска, Киева и др. городов страны. Местом проведения такой конференции Тарту избран неслучайно. В Эстонии существуют давние интерлингвистические традиции. В 80-90-е гг. XIX в. в Тарту работал И.А. Бодуэн де Куртене, специально занимавшийся вопросами интерлингвистики. В начале XX в. выделяется имя Я. Линдбаха, автора монографии "Принципы философского языка" (1916; об этом эстонском интерлингвисте выступил с докладом на конференции Р. Круус). В 20-е гг. в Таллине интерлингвистикой занимался Э. Валь, создатель международного искусственного языка (МИЯ) окциденталь-интерлингве и издатель интерлингвистического бюллетеня "Kosmoglott". С довоенных лет активно занимался вопросами искусственных международных языков акад. П. Аристе. С 1982 г. выходит ежегодная серия научных сборников "Interlinguistica Tartuensis", посвященная разработке актуальных проблем международной языковой коммуникации. Серия получила признание у нас в стране и за рубежом. Тартуский университет становится одним из центров интерлингвистических исследований в СССР.

Оргкомитет конференции

В состав оргкомитета конференции вошли: акад. П. Аристе, проф. П. Алваре, проф. А. Д. Дуличенко (председатель), кандидат филологических наук Т. Куук (ответственный секретарь), ст. преп. Ю. Маадля - все от Тартуского государственного университета, доц. Э. Эрните - от Эстонской сельскохозяйственной академии в г. Тарту, преп. М. Линнамяги - от школы пос. Камбья.

Круг вопросов по интерлингвистике, предложенных
на конференцию

Диалектико-материалистическое учение о языке и основные вопросы интерлингвистики. Концепция международного и всеобщего языка в советской интерлингвистике. Современные зарубежные интерлингвистические концепции, критика идеалистических представлений о международном языке и языковом развитии человечества.

Интерлингвистика и общее языкознание. Предмет и задачи интерлингвистики. Интерлингвистика и плановая лингвистика. Из истории отечественной и мировой интерлингвистики. Мета-язык современной интерлингвистики.

Мировая языковая ситуация и вопросы международного средства общения. Соотношение международных языков в современной языковой ситуации: международные этнические ("естественные") языки и международные искусственные (плановые) языки. Одноязычие - двуязычие - многоязычие. Прогнозирование магистральных путей развития языковой структуры и языковой ситуации современного человечества.

Язык и лингвопроект (МИЯ). Социальная управляемость языка. Лингвоконструирование, лингвопроектирование и лингвопроекты (МИЯ). Лингвоконструирование, сознательное регулирование языковых процессов и языковой ситуации. Лингвоконструирование и языковое планирование. Искусственное в этнических языках. МИЯ и языковые смешения. МИЯ и пиджины.

МИЯ как лингвистический эксперимент и как средство моделирования этнического языка. МИЯ и вопросы машинного перевода. Отношение к формально-логическим языкам и кодам. Интерлингвистика - плановая лингвистика - инженерная лингвистика.

Обобщение практики функционирования МИЯ. Социолингвистические аспекты категорий "лингвопроект" и "МИЯ". Функциональная перспектива лингвопроекта (МИЯ). Лингвосоциокультурные движения и МИЯ. Движение как основа функциональной перспективы МИЯ. Типы ситуаций в движениях за МИЯ.

Эсперанто как уникальный лингвистический эксперимент продолжительностью в сто лет и как лингвосоциокультурное движение. О предмете и задачах эсперантологии. Эсперантология и интерлингвистика. Особенности структуры эсперанто.

Проективное и функциональное в эсперанто. Тенденции к натурализму (схематизму). Эсперанто и этнические языки. Эсперанто и процессы интернационализации лексического состава современных языков. Эсперантское переводоведение. Эсперанто и преподавание языков. Из истории языка и движения.

Программа конференции

22 октября 1987 г.

Утреннее заседание, 12 часов

Открытие конференции

1. АРИСТЭ Пауль. Приветственное слово к участникам конференции.
2. ДУЛИЧЕНКО Александр Дмитриевич. К истории и современному состоянию интерлингвистики.
3. АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна. Интерлингвистическая семиотика и семиологические основы естественного человеческого языка.
4. КУЗНЕЦОВ Сергей Николаевич. Развитие планового языка.
5. БЛАНКЕ Детлев. Лингвофилософские и идеологические мотивы создания плановых языков.
6. ТКАЧЕВ Сергей Васильевич. К проблеме поиска универсалий разных форм мышления для возможного построения планового языка.
7. КОПАНЕВ Павел Ильич. О логико-понятийной функции естественных языков как основе межъязыковой коммуникации и создания искусственных семиотических систем.
8. ЛЕЩАК Олег Владимирович. Взаимоотношения единиц мышления и языка и проблемы формализации.

Вечернее заседание, 18 часов

1. МЕЛЬНИКОВ Александр Сергеевич. Некоторые семантические проблемы выбора и обработки лексики для международного планового языка.
2. ГУБАРЕВ Владимир Петрович. К проблеме конструирования фразеологии в международном искусственном языке.
3. КУЛАКОВ Дмитрий Вадимович. Принципы составления сравнительного словаря национальных и плановых языков.
4. СЕКИГИН Петр Всеволодович. Плановые языки и проблема общения человека с компьютером.

5. КОЛЕГОВ Александр Васильевич. Новый международный язык эльонди.
6. КРУУС Рейн. К биографии Я. Линцбаха.

23 октября 1987 г.

Утреннее заседание, 10 часов

1. ТКАЧЕНКО Орест Борисович. К социолингвистической характеристике эсперанто.
2. ЭРНИТС Энн. В. Оясон и грамматика эсперанто.
3. КИМ Мария Анатольевна. Культура планового языка (сложение речевого этикета в эсперанто).
4. ЛИННАМЯГИ Мадис. Некоторые вопросы падежной морфологии эстонского языка и эсперанто.
5. КУКК Тийт. Об архиве Хильды Дрезен.
6. ШЕВЧЕНКО Елена Георгиевна. Проблемы составления большого русско-эсперантского словаря.
7. КУРС Отт. Эсперанто и географические названия.

Вечернее заседание, 16 часов

1. АДВРЕ Пауль. Типологические параллели финно-угорских языков и эсперанто.
2. КОРЖЕНКОВ Александр Викторович. Характерные морфологические и словообразовательные особенности у русских эсперантоговорящих.
3. КОРНИЛОВ Владимир Анатольевич. Эсперантские причастия как проблема общей и сравнительной партиципологии.
4. ЗАИЧЕНКО Николай Леонидович. О понятии "фразеологичность" в языке эсперанто.
5. МЯСНИКОВ Леонид Николаевич. Фразеологизмы в "Proverbaro" Л. Заменгофа.
6. ОЯЛО Яан. Эстонская литература на эсперанто.
7. ТОКАРЕВ Борис Владимирович. Эсперантская поэзия и ее школы.

24 октября 1987 г.

Утреннее заседание, 10 часов

1. КУЗНЕЦОВ Сергей Николаевич. Мировая языковая ситуация и вопросы международного средства общения.
2. АЮЛЕНКО Валерий Викторович. Фонд знаний - интерлингвистический характер термина - коммуникация.

3. ЦЕХУН Геннадий Афанасьевич. Языковая интеграция, языковая экология и языковые союзы.
4. ЦИСКАРАШВИЛИ Дмитрий Ревазович. Вопросы межязыкового общения в скандинавских странах.
5. СОЛОДУХО Эдуард Моисеевич. О прогнозировании процессов сближения фразеологии славянских, германских и романских языков.
6. МААЦДА Юри. Интерлингвистические аспекты латинского языка.
7. СВЕЖИНСКИЙ Владимир Митрофанович, ШЕВЧЕНКО Галина Ивановна. Латинский язык в Белоруссии XIV—XVIII вв.
8. ДУЛИЧЕНКО Александр Дмитриевич. Интерлингвистика, ее значение и вклад в развитие обделингвистической теории.

Вечернее заседание, 16 часов

Круглый стол "Актуальные проблемы современной интерлингвистики"

1. Статус интерлингвистики и ее место среди лингвистических дисциплин.
2. Интерлингвистика и инженерная лингвистика.
3. Языковая интеграция и ее значение для интерлингвистики.
4. Социальная управляемость языка: аспекты и границы.
5. Формы существования международного языка.
6. Литературный язык и международный искусственный язык.
7. Международные этнические языки и международные искусственные языки: функциональные свойства, возможности и перспективы распределения.
8. Полигенетичность и надетничность и их влияние на структуру и функционирование международного искусственного языка.
9. Социализованные международные искусственные языки в процессе использования приобретают "нелогичные" ("отрицательные") фундаментальные качества этнического языка (многозначность, омонимия и под.). Не приведет ли это к формированию усложненной структуры международного искусственного языка, схожей с таковой в этнических языках?
10. Международный искусственный язык и эстетическая функция.
11. Какие пути представляются наиболее перспективными в современном лингвоконструировании? Каково значение современного интерлингвистического конструирования для языкознания?

12. В чем выражается скептицизм современного языковедения по отношению к международному искусственному языку?
13. Каким представляется вам языковое будущее человечества? Можно ли его прогнозировать? Можно ли уже сейчас очертить контуры языка будущего?

Протокол заседаний

22 октября 1987 г.

Открытие конференции в актовом зале университета.

Приветственное слово к участникам конференции акад. П. Аристэ.

Выступления с докладами.

Председательствовал на утреннем заседании проф. А. Д. Дуличенко.

Дуличенко А. Д. Международные искусственные языки: объект лингвистики и интерлингвистики.

Александрова О. В. Интерлингвистическая семиотика и семиологические основы естественного человеческого языка.

Кузнецов С. Н. Развитие планового языка.

Бланке Д. Лингвофилософские и идеологические мотивы создания плановых языков. (Доклад прочитал доцент Эстонской с/х академии Э. Эрнитс).

Ткачев С. В. К проблеме поиска универсалий разных форм мышления для возможного построения планового языка.

Копанев П. И. О логико-понятийной функции естественных языков как основе межязыковой коммуникации и создания искусственных семиотических систем.

Лещак О. В. Взаимоотношения единиц мышления и языка и проблемы формализации.

Вечернее заседание (Главное здание университета, ауд. 140)

Председатель проф. О. В. Александрова

Доклады:

Мельников А. С. Некоторые семантические проблемы выбора и обработки лексики для международного планового языка.

Секирин П. В. Плановые языки и проблема общения человека с компьютером.

Колегов А. В. Новый международный язык эльюнди.

Круус Р. К биографии Я. Линцбаха.

Сосредоточив дискуссия по прочитанным на вечернем заседании докладам. В частности, большой интерес вызвало выступление Р. Юууса об эстонском интерлингвисте Якобе Линцбахе (А. Д. Дуличенко, С. Н. Кузнецов), доклады Мельникова, Колегова, Секирина (В. А. Корнилов). Особенно много было вопросов к автору проекта планового языка эльонди Колегову (Корнилов, Дуличенко, Кузнецов, Заиченко, Шевченко, Лещак и др.). Выступающие отметили, что априорный по структуре проект не имеет шансов на практический успех; в то же время было отмечено, что некоторые теоретические решения в проекте содержатся.

23 октября (конференц-зал Научной библиотеки Тарту(У))

Председатель С. Н. Кузнецов

Заседание посвящено эсперантологии (в связи со 100-летием эсперанто). Выступили с докладами:

Алвре П. Типологические параллели эсперанто и финно-угорских языков.

Эрнитс Э. Б. Оясон и его грамматика эсперанто.

Ким М. А. Культура планового языка (сложение речевого этикета в эсперанто).

Вайтилиавичюс А. Нелогичные черты из национальных языков (доклад был прочитан на языке эсперанто).

Куик Т. Об архиве Х. Дрезен.

Шевченко Е. Г. Проблема составления большого русско-эсперантского словаря.

Корженков А. В. Характерные морфологические и словообразовательные особенности у русских эсперантоговорящих.

Корнилов В. А. Эсперантские причастия как проблема общей и сравнительной партиципологии.

Заиченко Н. Л. О понятии "фразеологичность" в языке эсперанто.

Мясников Л. Н. Фразеологизмы в "Proverbaro" Л. Заменгофа.

Ояло Я. Эстонская литература на эсперанто (доклад был прочитан на языке эсперанто).

*

*

*

24 октября (Главное здание университета, ауд. 140)

Председатель доктор филологических наук Г.А. Цыкун

Прочитаны следующие доклады:

Кузнецов С.Н. Мировая языковая ситуация и вопросы международного средства общения.

Цыкун Г.А. Языковая интеграция, языковая экология и языковые союзы.

Цискарашвили Д.Р. Вопросы межъязыкового общения в скандинавских странах.

Маадла Ю. Интерлингвистические аспекты латинского языка.

Свежинский В.М., Шевченко Г.А. Латинский язык в Белоруссии XIV—XVIII вв.

Рубинова Е. Об одном японском проекте всеобщего языка.

Дуличенко А.Д. Интерлингвистика, ее значение и вклад в развитие общелингвистической теории.

*

*

*

С краткой информацией о вопросах интерлингвистики на международных конгрессах языковедов выступил С.Н. Кузнецов.

А.Д. Дуличенко подвел итоги конференции, которая собрала основные интерлингвистические силы страны. Конференция носила всесоюзный характер. Основным ее достижением было внимание к общеметодологическим проблемам, а также к наиболее спорным вопросам науки о международной языковой коммуникации. Впервые была определена значимость эсперанто для интерлингвистики и лингвистики вообще.

А.Д. Дуличенко завершил свое выступление экскурсом в историю интерлингвистики.

Вечернее заседание (Главное здание университета, ауд. 140)

представляло собой круглый стол "Актуальные проблемы современной интерлингвистики", на котором обсуждено около половины из намеченных вопросов (см. программу конференции).

Содержание выступлений на конференции

С приветственным словом к участникам конференции обратился акад. П.Аристе. Он напомнил об основных вехах в развитии отечественной интерлингвистики и о тех исследованиях, которые ведутся в Тартуском университете, поделился воспоминаниями о личных контактах с некоторыми эстонскими интерлингвистами довоенного и послевоенного времени.

*

*

*

Тематически работа конференции была построена таким образом: в первый день обсуждались общетеоретические вопросы интерлингвистики, второй день был посвящен эсперантологии, последний день – анализу языковой ситуации в мире и интерлингвистическим аспектам этнических языков.

В докладе А.Д. Дулиценко "МИЯ: объект лингвистики и интерлингвистики" рассмотрены теоретические аспекты оппозиции "этнически замкнутые языки – трансэтнические языки" и определено место МИЯ среди последних. На материале изучения более 900 лингвопроектов, созданных со П в. в 40 странах мира, предложена иерархия форм существования МИЯ, каждая из которых присуща определенным этапам развития интерлингвистического конструирования, т.е. носит конкретно-исторический характер. Сущность МИЯ вскрывается анализом их генетической, структурной, функциональной и динамической моделей. МИЯ, как правило, носят полигенетический характер, срав. апостериорные языки. Докладчик выделил две ступени апостериоризма – внутриязыковую (по этой схеме строится любой литературный этнический язык) и межязыковую, в соответствии с которой строится большинство апостериорных МИЯ. Разные типы агрорности и апостериорности формируют многоступенчатую структурную модель МИЯ. Функциональная модель этих языков формируется с 70-80-х гг. XIX в. (волапук, эсперанто) и ныне воплощена в эсперанто, обладающем функциональным спектром, который приближается к таковому в этнических языках. Функционирование МИЯ воздействует на его структуру, намечается асимметрия плана выражения и плана содержания, усложняются связи элементов подсистем и т.д. МИЯ, приобретшие социолингвистические качества, идут, по сути, теми же маги-

стральными путями, что и любой этнический язык. Поэтому нет оснований причислять социализованные МИЯ к искусственным кибернетическим языкам. В докладе показано, что в МИЯ нет ничего, что бы не относилось к лингвистике и не затрагивало бы ее интересов.

О.В. Александрова в докладе "Интерлингвистическая семиотика и семиологические основы естественного человеческого языка" подчеркнула, что хотя интерлингвистика изучает вспомогательные языки, она тем не менее опирается на широкие обобщения, извлекаемые из анализа естественных семиологических систем. Единство знакового и интерлингвистического в большей степени проявляется в терминологии. Поэтому создание терминосистемы общенаучного типа на одном из плановых языков (ПЯ) международного общения упорядочило бы использование терминов представителями разных научных школ. В докладе Д. Бланке рассмотрены мотивы создания ПЯ, из которых наиболее существенными являются: стремление реализовать на практике конкретные лингвофилософские концепции, облегчить международные сношения, добиться определенных социальных изменений путем введения международного языка, психологический мотив и др.

С.Н. Кузнецов ("Развитие ПЯ") обосновал мысль о том, что изучение фактов изменчивости в искусственном языке (ИЯ) обещает прояснить не только вопрос о возможности развития такого языка, но и расширить наши представления о бытовании любого языка во времени, т.е. использовать интерлингвистические данные для корректировки общелингвистических воззрений на язык. Интерлингвистика шла от "антиэволюционизма" ранних философских языков к системам, открытым для диахронических изменений, — социализованным апостериорным языкам, регулируемым "сверху", т.е. академиями (волапук, идо), либо "снизу" (эсперанто), т.е. носителями. В последнем случае речь идет в той или иной мере о стихийной саморегуляции, характерной для любого этнического языка.

Ряд докладов касался теоретических аспектов построения ПЯ. С.В. Ткачев ("К проблеме поиска универсалий разных форм мышления для построения ПЯ") на материале образительного искусства и социальных диалектов пришел к выводу о том, что оптимальный вариант ПЯ следует создавать не на базе логического, а образного мышления, более свойственного проявлению человека. С.В. Лещак ("Взаимоотношение единиц мышления и языка и проблемы формализации") считает, что для

построения формализованных систем важно продолжать усилия в изучении тех свойств этнического языка, которые делают его гибкой, динамичной и открытой системой. В докладе П.И. Копанева "О логико-понятийной функции естественных языков: как основе межъязыковой коммуникации и создания искусственных семиотических систем" выражена мысль, что, благодаря логико-понятийной функции, подъязыки науки и техники так или иначе приближены к искусственным кодовым системам, что дает возможность разноязычным представителям, не зная языков друг друга, общаться. Именно в подъязыках науки развиваются сильнейшие тенденции к интернационализации, что ставит задачу создания семантической записи, общепонятной для всех народов.

А.С. Мельников ("Некоторые семантические проблемы выбора и обработки лексики для международного ИЯ") детально рассмотрел вопросы, связанные с ограничением количества слов в ИЯ, требованием их моносемантичности, отражения специфических реалий, вопросы коннотации, метафоризации и метонимии в ИЯ. В.П. Губарев проанализировал вопросы конструирования фразеологии для социализованного ИЯ. Проект нового ИЯ априорного типа эльюнди, ориентированного на работу с ЭВМ, предложил А.В. Колегов. Е.Рубинова коснулась некоторых аспектов японского проекта всеобщего языка боабому Фушики Окамото. В связи с вопросом общения человека с компьютером на важную роль ИЯ как посредника обратил внимание П.В. Секирин.

Устроители конференции провели специальное заседание, посвященное 100-летию функционирования эсперанто, отмечавшему широко во всем мире по инициативе ЮНЕСКО. Вопросами структуры и функционирования этого международного вспомогательного языка занимается особая интерлингвистическая дисциплина - эсперантология. На общетеоретическую и социоллингвистическую значимость эсперанто указали в ряде выступлений П.Ариста, С.Н. Кузнецов, А.Д. Дуличенко и др. В частности, отмечалось, что этот язык, несмотря на объективные трудности в его функционировании (дисперсность его сторонников, отсутствие естественной среды для его проявления, безразличие либо игнорирование в ряде ситуаций и др.), дает пищу для плодотворных размышлений о языковой сущности вообще. На его примере демонстрируется процесс "оестествления" рационально созданного языка, т.е. процесс внедрения его в социум, видные приращения и наслоения семантических и общеграмматических

свойств, которые возникают, когда язык находится в реализации, "в действии". Типологическое изучение таких процессов на материале МИЯ и этнических языков даст возможность раскрыть новые стороны работы нашего сознания над языком. В ряде докладов рассматривались частные вопросы эсперантологии. Так, В.А. Корнилов ("Эсперантские причастия как проблема общей и сравнительной партиципологии") осветил одну из наиболее спорных проблем эсперантской грамматики - так наз. "проблему -ata/-ita" т.е. пассивных причастий настоящего и прошедшего времени, полагая, что эсперантская причастная модель может способствовать развитию общей партиципологии. Доклады Н.Л. Заиченко и Л.Н. Мясникова были посвящены изучению эсперантской фразеологии, которая, как считают докладчики, должна быть выделена в самостоятельное направление эсперантологии. О специфике этого направления свидетельствует также сложение речевого этикета в эсперанто, о котором говорила М.А. Ким. В связи с практическим использованием языка выявлены характерные морфологические и словообразовательные особенности у русских эсперантоговорящих, т.е. особенности, навеянные русским языком (А.В. Корженков). Докладом П.Ю. Алвре "Типологические параллели финно-угорских языков и эсперанто" положено, по существу, начало новому направлению типологических исследований, компонентом которых является социализованный МИЯ. Сравнение эсперанто и этнических языков было затронуто также А.Вайтилавицусом. Прикладному аспекту эсперантологии было посвящено выступление Е.Г. Шевченко о составлении большого русско-эсперантского словаря, над которым сейчас ведется работа. Истории эсперантологии в Эстонии коснулся в докладе "Б.Оясон и грамматика эсперанто" Э.К. Эрнитс.

Социолингвистические и интерлингвистические аспекты современной мировой языковой ситуации обсуждались в последний день конференции. С.Н. Кузнецов ("Мировая языковая ситуация и вопросы международного средства общения") выделил основные типы языков международного общения, подчеркнув при этом, что МИЯ являются фактом такого общения. Мировая языковая ситуация развивается не в сторону одноязычия, как нередко полагали, трактуя вопрос о будущем общечеловеческом языке, а в сторону усложнения многоязычия с выделением специфических "экологических ниш" для языков разного происхождения и разного диапазона использования. Поэтому задача интерлинг-

вистической прогностики должна сводиться к выявлению грядущего функционального размежевания языков, включенных в мировой информационный обмен, и выяснению будущей роли МЯЯ как одного, но не единственного средства преодоления языковых барьеров.

Г.А. Цыхун в докладе "Языковая интеграция, языковая экология и языковые союзы" диалектически рассмотрел языковые процессы, происходящие в мире. Наряду с тенденциями к языковой интеграции, зарождается и языковая экология как результат осознания исключительной ценности и уникальности отдельных языков и всего лингвистического ландшафта мира. Формирующиеся языковые союзы можно считать одним из магистральных путей развития языковой структуры и языковой ситуации современного человечества, и интерлингвистика может при их изучении получить надежную материальную и теоретическую базу. Конкретные пути решения проблемы межъязыкового общения были освещены на материале скандинавских (Д.Р. Цискарашвили) и других стран. Особое внимание вновь привлек к себе латинский язык, бывшая международная слава которого не утрачена до сих пор. В докладе Ю.Маадла рассмотрены интерлингвистические аспекты этого языка и показан вклад, который внесла латынь в интерлингвистическое конструирование. Специфика функционирования латыни за пределами романского мира, в частности, в Белоруссии в XIV-XVIII вв., показана В.М. Свежинским и Г.И. Шевченко.

Выступивший в заключении А.Д. Дуличенко (доклад "Интерлингвистика, ее значение и вклад в развитие общелингвистической теории") отметил, что попытка создания языка рациональным путем - один из старейших (если не самый старый) лингвистических экспериментов. Изучение интерлингвистического наследия позволяет выявить поражающие воображение факты аллобации в русле лингвистического конструирования ряда подходов и идей, предвосхитивших либо параллельно развивавшихся в рамках общей лингвистической теории. С этих позиций докладчик рассмотрел вклад интерлингвистики в разработку теории инвариантности, знаковой теории языка, комбинаторного и трансформационного методов, технологического подхода к языку, теории языковых универсалий, социальной управляемости языка и др.

Круглый стол "Актуальные проблемы современной интерлингвистики"

Присутствовали: Г.А. Цыхун, А.Ю. Вайтилавичюс, Э.В. Брус, О.В. Александрова, В.А. Корнилов, Я.Ояло, Е.Г. Шевченко, Л.Л. Новикова, П.К. Егоровас, А.В. Корженков, Н.Л. Заиченко, Р.В. Страчкаус, А.В. Колегов, А.С. Мельников, Л.Н. Мясников, О.В. Лещак, С.В. Ткачев, П.И. Копанев, В.М. Свежинский, М.А. Ким, Д.Р. Цискарашвили, Н.Приходько, А.Д. Дуличенко, С.Н. Кузнецов.

В связи с тем, что предварительно был предложен широкий круг вопросов, решено было обсудить только часть из них. В частности, заинтересованному обсуждению подверглись следующие вопросы: статус интерлингвистики и ее место среди лингвистических дисциплин (1), интерлингвистика и инженерная лингвистика (2), языковая интеграция и ее значение для интерлингвистики (3), аспекты и границы социальной управляемости языка (4), формы существования международного языка (5), социализованные МЯ и тенденции усложнения их структур в сопоставлении с этническими языками (9).

По вопросу № 1 выступили: Дуличенко, Кузнецов, Корженков, Александрова, Корнилов, Мясников, Цыхун, Вайтилавичюс.

По вопросу № 2 - Дуличенко.

По вопросу № 3: Цыхун, Дуличенко, Вайтилавичюс, Кузнецов, Мясников, Корнилов.

По вопросу № 4: Дуличенко, Ким, Корнилов, Цыхун.

По вопросу № 5: Кузнецов, Дуличенко, Цыхун.

По вопросу № 9: Заиченко, Лещак, Корнилов, Корженков, Вайтилавичюс, Мельников, Кузнецов, Дуличенко, Мясников, Цыхун.

Материалы круглого стола из-за ограниченного объема в настоящий сборник не включены.

Решения конференции

Г. Учитывая актуальность интерлингвистической проблематики, важность науки о международном языке для решения ряда общетеоретических задач и социолингвистической практики, а также наличие ученых, способных вести интерлингвистические исследования, проводить подобные конференции в рамках Тартуского государственного университета регулярно.

2. Внедрять интерлингвистическую проблематику в учебный процесс чтением специальных курсов для студентов университетов, а в этой связи работать над созданием учебников и учебных пособий по интерлингвистике.

3. Вести работу по сбору и хранению материалов, относящихся к истории отечественной интерлингвистики.

О материалах конференции

Сборник тезисов был подготовлен до начала конференции. Однако вышел он из печати в начале 1988 г. Сборник включает тезисы 31 доклада. Библиографическое описание сборника: Плановые языки: итоги и перспективы. Тезисы докладов конференции по интерлингвистике (Тарту, 22-24 октября 1987). - Тарту: Тартугу, 1988. - 87 с. Тираж 400 экз.

Тексты докладов, оформленные в виде статей, помещены в настоящем, шестом, выпуске серии "Interlinguistica Tartuensis". Вместо докладов А.Д. Дуличенко "МИЯ: объект лингвистики и интерлингвистики" (печатается в берлинском журнале "Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung") и "Интерлингвистика, ее вклад и значение для общелингвистической теории" здесь публикуется текст "Интерлингвистика: сущность и проблемы", который базируется на идеях двух упомянутых докладов и учитывает ряд выступлений автора на заседаниях конференции и круглого стола "Актуальные проблемы современной интерлингвистики". Дополнительно в сборник включена небольшая статья проф. Г.Эльберга "Эсперанто и современная лингвистика", приуроченная к столетию функционирования МИЯ, и текст включенного в программу конференции доклада О.В. Ткаченко "К социолингвистической характеристике эсперанто".

Ответственный редактор.

ОБЩАЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИКА

ИНТЕРЛИНГВИСТИКА: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ

А.Д. Дуличенко

Современное языкознание многоаспектно. По существу оно представляет собой сложную парадигму различных направлений и дисциплин, занимающих (если иметь в виду объем и число публикаций, количество авторов, непосредственную связь с социальными запросами и под.) либо центральное, либо срединное, либо периферийное положение. Само собой разумеется, что позиции лингвистических направлений и дисциплин не закрепляются раз и навсегда: диалектика науки о языке как и вообще любой другой науки такова, что взлет, или "бум", переживаемый одним из направлений, может смениться затуханием либо забвением вовсе. Так, расцвет лингвистического структурализма, корнями уходящего в 20-30-е гг., падает на 60-70-е гг., когда казалось, что единственно верным, важным и достойным внимания исследователя является прежде всего синхронное изучение языковой структуры (при признании несколько позднее изучения и "синхронии в диахронии"). Спад интереса к этому аспекту изучения языка, наблюдаемый в последние десятилетия, не означает, конечно, забвения как достижений, так и разработанных структурализмом методов: напротив, теоретические достижения, полученные в ту пору, продолжают питать мысль исследователя, занимающегося описанием языковой структуры. Только делается это теперь без "бума", без решительных заявлений и ниспровержений традиционного. Внимание исследователей перекинулось на другие аспекты изучения языка, поскольку было осознано, что понять языковую структуру это еще не значит разгадать механизм порождения языка и специфику его социального проявления. Язык тонкими нитями связан с иными сущностями, которые влияют на его структуру и обуславливают его функционирование. Формируются направления исследований, в центре внимания которых находятся соотношения типа: язык - социум (социолингвистика), язык - психика (психолингвистика), язык - этнос (этнолингвистика) и др. В совокупности они составляют парадигму современного языкознания.

Интерлингвистика как один из компонентов современной лингвистической парадигмы все еще пребывает по существу в стороне от магистральных направлений науки о языке. Потому в "большой лингвистике" ее представляют зачастую как новую науку. Следует напомнить, что требованиям включить интерлингвистическую проблематику в круг важнейших языковедческих исследований ровно сто лет: в 1888 г. Х.Шухардт в работе "По поводу волапука" выступил против понимания языка как организма, признал сознательный характер его происхождения (подтверждением чего является распространение нормированных литературных языков), а вопрос о создании всемирного языка отнес к числу актуальных в языкознании. Кстати, он высказал также мысль о том, что сравнительно-историческому языкознанию, господствовавшему в XIX в. и занимавшемуся реконструкцией праязыка, надо повернуться "вперед" и заняться конструированием будущего всемирного языка, т.е. перейти от реконструкции к конструированию на основе сравнительного анализа языков.

И.А. Бодуэн де Куртене был особенно настойчив в этом вопросе. В начале века он выступил как блестящий полемист, отстаивавший перед младограмматиками научность вопроса об искусственном языке: "Лингвистика, - писал он в 1908 г., - должна включить в область своих исследований также разбор и оценку 'искусственных языков'. Благодаря этому появятся в будущем новые, действительно более совершенные воплощения этой идеи". На этих же позициях стояли и некоторые другие лингвисты, среди которых следует назвать О.Эсперсена. Благодаря усилиям ученых такого ранга интерлингвистическая проблематика стала обсуждаться на международных конгрессах лингвистов - первый раз в 1931 г. (второй конгресс в Женеве), второй раз в 1948 г. (шестой конгресс в Париже) и, наконец, третий раз в 1987 г. (четырнадцатый конгресс в Берлине).

Одновременно следует обратить внимание на то, что попытки включить интерлингвистику в лингвистическую парадигму XX века относятся к самому началу этого века, т.е. если вплоть до конца XIX в. интерлингвистическая проблематика, выражавшаяся, в частности, в стремлении создать оптимальный вариант искусственного языка, рассматривалась как один из

периферийных вопросов языкознания, то с XX в. предпринимаются усилия придать этому вопросу специальный, автономный статус и сформулировать представление о новой лингвистической науке. Хотелось бы заметить, что в интерлингвистической литературе последнего десятилетия формируют по существу хрестоматийную схему, заявляя, что термин "интерлингвистика" введен в 1911 г. (что верно), а науку спустя 20 лет, в 1931 г., провозгласил и определил датский лингвист О.Есперсен. Более внимательное изучение литературы, истории интерлингвистических разработок позволяет внести серьезные коррективы в начала интерлингвистики как особой науки.

Осознание необходимости новой науки о международном языке присутствовало в самом начале XX века. Первыми это осознали И.А. Бодуэн де Куртене, В.Оствальд, Р.Лоренц. У всех у них интерлингвистика выступает как филология: у первого как "международная филология", у второго - как "синтетическая филология", у третьего - как "новая филологическая наука о вспомогательном языке". Ввиду важности утверждаемого нами считаем необходимым привести конкретные свидетельства. В 1906 г. В.Оствальд писал: "В то время как современная признанная филология пребывает еще в аналитической стадии, те отверженные дилетанты, которые пытались создать искусственный язык, трудились не над чем иным, как над проведением в жизнь необходимого дополнения аналитической филологии - синтетической. Этот синтез возможен потому, что он действительно существует, ... кажущийся невозможным синтез языков возможен лишь благодаря ясному научному логическому исследованию сущности самого языка. Основываясь на таком исследовании, уже не так трудно выполнить само предприятие". Т.е. речь идет о появлении наряду с аналитической (описательной) филологией, а точнее - языкознанием, синтетической филологии, или языкознания, ставящего своей целью создание искусственного языка посредством выбора элементов из живых этнических языков. Р.Лоренц в том же году заявил: "... метод искусственного развития международного языка является сам по себе предметом особой науки, именно новой филологической науки о вспомогательном языке" (8; 7).

Мысль И.А. Бодуэна де Куртене выражена своеобразно: "Только при существовании всемирного языкового органа может возникнуть настоящая всемирная литература. Кто знает, не будут ли со временем в университетах разных стран и государств основаны кафедры международного языка, а затем также

международной литературы" (1908), т.е. международной филологии (I).

Приведенные высказывания не оставляют сомнения в том, что уже в первом десятилетии XX в. была сформулирована мысль о новой науке - интерлингвистике, обозначенной как "синтетическая филология", "особая филологическая наука о вспомогательном языке", "международная филология". Вместе с термином, которому суждено было утвердиться, новая наука была снова провозглашена в 1911-1912 гг. бельгийцем Ж. Меймансом в небольшой статье, так и названной - "Новая наука" (20). Обозначение новой науки впервые прозвучало по-французски - *interlinguistique*. Можно предположить, что оно было образовано накладыванием наименования объекта - *international lingua* (= *lingua international/e*) > *interlingua* "международный язык" на термин *linguistique* "лингвистика" или наоборот либо присоединением к наименованию объекта фрагмента *-istique*, т.е. *interlingu-* + *linguistique*, или *interlingu-* + *istique*.

В дальнейшем термин постепенно начинает пробивать себе дорогу в конкуренции с другими обозначениями науки о международном языке. В 1914 г. русский интерлингвист П. Стоян говорит о необходимости просто "науки искусственных языков". В 1926 г. появляются две небольших по объему, но важных для формирования интерлингвистики работы: русский интерлингвист В. Чехихин уже отчетливо видит "новую отрасль прикладной филологии", которую он называет по-разному - то "космоглоттизм", то "пациология", то "интерлингвистика": немецкий интерлингвист Й. Вайсбарт останавливается на последнем термине (в виде *interlinguistique*) (соответственно 10; 29).

Два крупнейших советских интерлингвиста Э. Дрезен (1928) и Н. В. Юшманов (1928-1929) формируют задачи новой науки, для которой предлагают термин "космоглоттика" (у Юшманова еще и *cosmoglottica*). Объяснить наклонность двух выдающихся интерлингвистов именно к этому термину можно просто: оба они являлись членами созданного в 1916 г. в Петрограде интерлингвистического общества "Космоглот(т)", ставившего целью разработку теоретических проблем науки о международном языке (2; 31).

1931 год, на который обычно указывают как на год рождения науки о международном языке, ссылаясь при этом на О. Есперсена, по праву принадлежит не только датскому лингвисту,

выступившему на международном конгрессе лингвистов с докладом "Новая наука: интерлингвистика" (здесь термин: *interlinguistics*). Одновременно с ним еще два интерлингвиста выступили в этот год с предложениями об официализации и названии новой науки: это венгр Д.Силадьи с его термином *interlinguistica* и предложением разграничивать общую и нормативную интерлингвистику и поляк В.Езерский, заметка которого опубликована, так же как и работа Силадьи, в итальянском журнале "Schola et vita" и называется "Название для новой науки"; им предлагалось различать интерлингвистику - *interlinguistica* как науку о международном языке и космоглоттологию - *cosmoglottologia* как науку о всеобщем языке (соответственно: 17; 26; 18). Совершенно естественно, что ни Д.Силадьи, ни В.Езерский, опубликовавшие свои работы в узкой интерлингвистической печати, не могли соперничать с видным датским языковедом, выступившим по активно обсуждавшейся в интерлингвистических изданиях проблеме на международном конгрессе. Здесь мы хотели бы лишь напомнить, что неверно представлять О.Есперсена вне охарактеризованного нами контекста: Есперсен, сам автор проекта международного искусственного языка *Novial*, активно участвовал в движении за международный язык, получал соответствующие текущие издания и периодику и был, несомненно, знаком с предложениями и публикациями подобного рода. Заслуга его заключается прежде всего в том, что он, продолжая в этом плане традицию, идущую от Х.Шухардта и И.А. Бодуэна де Куртена, с высокой трибуны международного конгресса объявил рождение новой лингвистической науки (подробно см.: 4, 32-45).

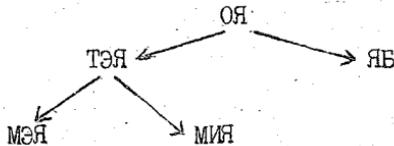
С этих пор по существу у термина "интерлингвистика" конкурентов нет, хотя были попытки отторгнуть его от традиционного содержания, которое вкладывалось на протяжении более чем полувека и достаточно хорошо закрепилось: в 1971 г. западногерманский языковед М.Вандрушка "похитил" термин "интерлингвистика", сделав его объектом "нового языкознания", под которым он понимает "лингвистику многоязычия, языковых смесений и смешанных языков, перевода и сравнения переводов, 'разговор между языками и нами', нового сравнительного языкознания" (28, 10). Традиционные проблемы, названные Вандрушкой "новым языкознанием" и собранные "под одной крышей", конечно, важны для интерлингвистических разработок, однако они ни в коей мере не могут вытеснить то содержание, которое мы вкладываем в термин "интерлингвистика".

Какое же это содержание?

Традиционное содержание, о котором мы уже упомянули, подразумевает объектом искусственные языки, в последние десятилетия называемые также плановыми. По существу все интерлингвисты 20-30-х гг. вкладывали в новую науку такое содержание. Это узкое понимание интерлингвистики, которое называют иногда также плановой лингвистикой - Planlinguistik, Plansprachenwissenschaft и т.д., что, видимо, не совсем удачно, поскольку это может привести к смещению с термином "языковое планирование" - language planning, подразумевающим иное содержание. Надо сказать, что среди современных авторов, обращающихся к интерлингвистике, такое понимание последней распространено широко. Нам все же представляется, что оно недостаточно, действительно узко, поскольку не учитывает всего круга проблем, которые издавна интересовали и продолжают интересовать до сих пор интерлингвистику. Советский интерлингвист С.Н. Кузнецов определяет интерлингвистику, как "раздел языкознания, изучающий межъязыковое общение и международные языки как средство такого общения" (6, 7). Это более широкое понимание нашей науки, оно не ограничивает категорию "международный язык" только лишь искусственными языками, с чем, безусловно, следует согласиться. Однако хотелось бы заметить, что в качестве межэтнического (а не межъязыкового, как приведено в определении) общения в истории предлагались не только языки.

Интерлингвистика, как мы полагаем, это раздел языкознания, или одна из его парадигм, изучающая вопросы общего для разноязычных народов средства коммуникации в ранге "язык", а также близких к языковым образованиям систем аналогичного назначения (3, 84). Под "системами аналогичного назначения" здесь понимаются давние попытки предложить в качестве средства общения различного рода семиотические системы - прежде всего пазиграфии, являющиеся, по сути, теми же языками, но без звукового выражения (только графического). Впрочем, известны и попытки превращения пазиграфий в пазилалии, т.е. превращение графических языков в звуковые. Кстати, с ХУП века в интерлингвистике создано более 100 проектов пазиграфических систем.

Объектом интерлингвистики является общее трансэтническое средство коммуникации – международный язык, звуковой, звуко-графический или просто графический. Фактически речь идет о языках, имеющих реальный трансэтнический статус, т.е. реально распространенных за пределами своих исконных территорий и этносоциумов, и о языках, планируемых для такого распространения. В первом случае подразумеваются этнические языки, во втором – искусственные языки. Их можно объединить в глобальную категорию общих языков, так как пользование такими языками объединяет по крайней мере от нескольких до многих народов (этносов). Категория общих языков понятие, таким образом, сложное, она включает в себя ряд реализованных и планируемых, или предполагаемых, форм существования. Схематически это можно представить так:

где ОЯ – общий язык, ЯБ – язык будущего, ТЭЯ – трансэтнический язык, МЭЯ – международный этнический язык (в том числе и ныне мертвые, например, старославянский, латинский и др.), МИЯ – международный искусственный язык. На схеме стрелки вправо означают планируемые формы существования общего языка, в то время как в левой стороне отражены реализованные языки в практике международного общения.

Для современной интерлингвистики важны как МИЯ, так и МЭЯ, так как цель общая – преодоление языковых барьеров, которое может быть достигнуто или достигается с помощью и той и другой категорий языков. Очевидно, что категория МЭЯ представляет интерес не только для интерлингвистики: традиционно эти языки рассматриваются и в социолингвистике – именно эта категория языков связывает эти две лингвистические дисциплины. Связывает, но не делает одну частью другой. Поэтому нет оснований, как это иногда делается, считать интерлингвистику частью социолингвистики. Обе эти дисциплины сближаются своим интересом только во внимании к функциональному аспекту международных этнических языков, в то время как

интерлингвистике занимается еще и внутренним аспектом, в частности, связанным с изучением структур различных МЯЯ, т.е. так же как внутреннюю лингвистику интересует структура этнических языков.

✽

✽

✽

История международных искусственных языков имеет давние и богатые традиции. По крайней мере, нам известны попытки создания искусственных языковых систем с самого начала нашей эры и ранее. Процесс создания искусственных языковых систем называется лингвопроектированием или лингвоконструированием. По существу лингвопроективная работа является самым древнейшим, если не самым древним, лингвистическим экспериментом. По данным нашей книги "Международные вспомогательные языки" (находится в печати), лингвопроективный процесс в статистико-хронологическом представлении выглядит таким образом:

Проекты всеобщих и международных языков				
века	25-летия	число по 25-летиям	число по векам	общее число
I	2	3	4	5
год неизвестен				8
II			I	
УП-УШ			I	
XII			I	
XIII			I	
XVI	1501-1525	-		
	1526-1550	2		
	1551-1575	1		
	1576-1600	-		
	год неизвестен	5		8
XVII	1601-1625	2		
	1626-1650	6		
	1651-1675	20		
	1676-1700	7		
	год неизвестен	6		41
XVIII	1701-1725	4		
	1726-1750	3		

I	2	3	4	5
	1751-1775	18		
	1776-1800	22		
	год неизвестен	3	50	
XIX	1801-1825	29		
	1826-1850	34		
	1851-1875	55		
	1876-1900	119		
	год неизвестен	9	246	
XX	1901-1925	249		
	1926-1950	150		
	1951-1973	143		
	год неизвестен	18	560	
II-XX				917

Нетрудно заметить, что лингвоконструирование активизируется с XVII века и стремительно прогрессирует в XIX и особенно XX в. Со II в. по XX в. (до 1973 г.) в 40 странах мира создано 917 лингвопроектов различной степени разработанности. Традиционно лингвопроективная работа велась и ведется в таких странах, как Франция, Германия, Англия. В целом ряде славянских стран также активно занимались созданием проектов искусственных языков, в том числе и межславянских (всеславянских, общеславянских). Так, например, в Югославии (или среди южнославянских народов) таких разработок насчитывается около двух с половиной десятков, начиная от проекта всеславянского языка Юрая Крижанича, известного в интерлингвистике под названием *Ruski jezik* (XVII в.), *Uzajemnoga slavjanskoga jezika* (1863-1865) Матии Маяра, проектов *Pangraphie* (1848) С.Ивиичевича, *Pasigraphie* (1859) М. Паича, *Spelin* (1888) Й.Бауэра и кончая недавними проектами *Inter-Sistemal* (1947) Павле Митровица и *Liberanto* (1965) Эмила Котара (см. также: 14).

Что же это за лингвопроекты? Они разнообразны и по своему функциональному предназначению, и по структурному типу. В функциональном аспекте можно выделить три или даже четыре формы существования международного языка, причем эти формы хронологически почти последовательно сменяли друг друга:

1) универсальный, или всеобщий, (искусственный) язык - *lingua universalis*, всеобщий (универсальный) язык, *langue universelle*, *universal language*, *Universal/Universel*, *Unilingua* и т.д., который предназначался для всей Земли, а за-

частью мыслился и как язык будущего; проекты такого рода (как правило, это философские языки) разрабатываются с ХУ в. до середины XIX в., иногда появляются и в XX в.;

2) всемирный, или мировой, (искусственный) язык - Welt-sprache, всемирный (мировой) язык, Mundelingua/Mundolinguo, Weltlang и т.д., который предназначался для всего (цивилизированного) мира; проекты с таким названием активно разрабатываются со второй половины XIX в.;

3) международный (искусственный) язык - langue internationale, международный язык, international language, internationale Sprache, lingua internationale и т.д., который предназначен для группы (но не для всех) народов; проекты появляются в основном с 80-90-х гг. XIX в. и активно разрабатываются в XX в.;

4) международный вспомогательный (искусственный) язык - langue auxiliaire internationale, международный вспомогательный язык, international auxiliary language, Auxilia и т.д. для групп стран и народов; проекты активно разрабатываются в XX в.

Впрочем, четвертую форму существования можно было бы присоединить к третьей, от которой ее отличает разве что лишь специальное указание на вспомогательную роль международного искусственного языка. Функциональное предназначение лингвопроекта отражено, таким образом, в адъективной части лингвонима - всеобщий, всемирный, международный вспомогательный.

ж

ж

ж

В структурном отношении разница между лингвопроектами достаточно большая. При этом важно иметь в виду, что последовательно сменялись не только формы существования международного искусственного языка, но и их структурные типы. Выделяется по крайней мере три структурных типа:

1) априорные языки: лингвоизобретатель лишь в самых общих чертах следует этническим языкам, материал же для создаваемой грамматики берет произвольно, опираясь на комбинаторные возможности звуков человеческого языка; примером этого типа являются "всеобщие языки" и "всемирные языки";

2) апостериорные языки: лингвоизобретатель следует наиболее рациональным с его точки зрения признакам грамматики этнического языка и опирается на морфемный материал между-

народно распространенных языков — обычно трансэтнических; образцами этого типа являются "международные (вспомогательные) языки";

3) смешанные, или априорно-апостериорные, языки: лингвизобретатель использует элементы и первого и второго подходов, полагая, что таким образом он будет удовлетворять глобальности распространения и в то же время не отрываться от реально функционирующих этнических языков; этот тип может быть представлен проектами как "всеобщих" и "всемирных", так и "международных (вспомогательных)" языков.

Уже в XIX в., особенно с его конца, стало понятно, что наибольшую перспективу имеет апостериорный принцип. Неслучайно абсолютное большинство проектов, появившихся в XX в. — 560 названий (с 1901 по 1973 гг.) — базируется на материале этнических языков: в одних случаях они опираются на материал группы родственных языков (например, проекты всеславянских языков — на материале славянских, романские лингвопроекты — на материале романских языков и т.д.), в других случаях — на материале целых языковых семей (например, индоевропейских); нередки эксперименты "усовершенствования", рационализации одного этнического языка (известны, например, проекты "усовершенствования" английского, немецкого, французского, итальянского и др. языков). Чем больше языков охватывает лингвизобретатель, тем абстрактнее воплощается принцип апостериоризации, поскольку надо свести воедино весьма разнообразный, а зачастую и противоречивый грамматический материал.

✽

✽

✽

Теоретические аспекты лингвопроектирования и лингвоконструирования начинают активно обсуждаться с XVII в., когда Ф. Бэкон, Р. Декарт высказали свои соображения о необходимости построения логически совершенного языка, свободного от недостатков этнического языка. При этом такой язык мыслился как язык познания, а не как средство живого общения, т.е. это философский, предельно логичный по своей структуре язык, базирующийся на априорных принципах. Идеи такого языка высказали и занимались его практической разработкой также В. Лейбниц, Я.А. Коменский (предложил проект априорного языка *Panglottie* и др. Совершенно очевидно, что проекты такого рода имели прежде всего теоретическое значение. В сопостав-

лении со структурой этнических языков такие лингвопроекты как бы показывают предельные возможности семантико-грамматической рационализации человеческого языка. В качестве образца априорного языка приведем проект 1943 г. американца Б. Рассела под названием *сума*.

Проект построен на логических основах; некоторые грамматические категории специально могут не обозначаться, а быть понятыми из контекста; грамматические значения выражаются аналитически (аналитическим может быть и производство новых слов); слова обычно двух- и трехсложны; сочетание согласных не допускаются, однако это требование выдерживается не везде; ударение на первом слоге; в ед.ч. существ. имеет показатели *-o*, *-e*; выражение падежных значений с помощью предлогов: *dea* (род.п.), *ale* (дат.п.), *fone* (твор.п.), вин.п. выражается порядком слов; показатели прилагательных *-a*, *-u*; сравнительная степень образуется с помощью *маза* превосходная — *take*; количественные числительные от I до 9: *baba*, *dia*, *fua*, *gova*, *kea*, *lai*, *mihi*, *miu*, *poi*; 0 — *rei*; порядковые следуют за основным словом; личные местоимения: *ma*, *mi*, *mu* (муж.р.), *sia* (жен.р.), *tu* (ср.р.) — ед.ч.; *mata*, *mita*, *mita ...* — мн.ч.; показатель инфинитива *to* прошедшее время выражается с помощью *sati*, настоящее *-i*, будущее *-siti*; повелительное наклонение выражено постановкой глагола с показателем *-i* на первом месте в предложении; причастие образуется с помощью *te* + основной глагол; наречие — это прилагательное, стоящее после глагола; союзы типа: *bua*, *dui*, *sio*; предлоги: *ona*, *ile*, *ibe*, *ale*, *ake* и т.д.

Образец текста на *сума*: *ma paki tuma suko dea inga fone "lobo posto", pamo falke ale berlin suka soli ma to baki gusa stani puto dea suma siko e suma dafi ribo.*

Лингвопроектом, на котором впервые заговорили сторонники идеи международного языка, т.е. лингвопроектом, нашедшим социальную реализацию, был, как известно, *волапук*, созданный М.Шлейером в 1879 г. В структурно-грамматическом отношении это был смешанный, априорно-апостериорный, язык, в котором абстрактно-грамматические логические установки определенным образом связывались с материалом европейских языков. О *волапюке* сейчас знают мало, язык по существу предан забвению, хотя именно *волапюкский* интерлингвистический эксперимент впервые показал, что сознательно сконструированная языковая

система может быть социализована. Именно с волашюка, который притянул к себе тысячи сторонников в 80-е гг. XIX в. (на нем издавалась периодика, книги, велась переписка и т.д.), мы имеем основание говорить о том, что лингвоконструирование из стадии теоретической вышло, наконец, на стадию практического применения, т.е. с этих пор начинает оформляться теория функционирования международного искусственного языка (6, 14). И хотя к концу XIX в. наметился почти полный упадок волашюка и волашюкского движения, интерес к этому языку возрождался в 30-е гг. XX в. и в годы 60-е, есть признаки интереса к нему и сейчас. Потому небезынтересно было бы привести здесь наиболее существенные его грамматические характеристики:

В алфавите ä, ö, ü, с [дд], j [ж], у [й], нет w; ударение всегда на последнем слоге слова; множ.ч. существительных -s; прилагательные, а также адъективные местоимения имеют показатель -ik; сравнительная степень выражается суффиксом -im, превосходная -ün; количественные числительные от I до Ю: bal, tel, kil, fol, lul, möl, vel, jöl, zül, äeg; порядковые на -id; личные местоимения: ob, ol, on (муж.р.), of (жен.р.) os (ср.р.), on (общ.р.) - ед.ч.; во мн.ч. прибавляется -s; указательные: at, hiat, jiat "это", "эти", et, hiet, jiet "тот", "та", вопросительные: kin "кто" (общ.р.), kim (муж.р.), kif (жен.р.), kis (вещественн.р.) и т.д.; показатель инфинитива -ön; имперфект ä-, перфект e-, плюсквамперфект i-, настоящее время: jelob "я ценю", jelol "ты ценишь", jelom (муж.р.), jelof (жен.р.), jelon (веществ. р.), jelor (уважительная форма), jeloу (неопределенное); во мн.ч. прибавляется -s; будущее I o-, будущее II u-; повелительное наклонение -öd; причастие действительное на -öl, страдательное - на re-...-öl; наречия на -o; союзы типа: e, ab, bi, u ...; предлоги: a, lä, fa, in, se...; словарь образуется преимущественно на базе германских (английских и немецких) и романских (латинских, французских) корней, однако сильно деформированных; корни всегда односложны и обязательно начинаются и оканчиваются на согласный, в результате многие международно распространенные слова оказались трудно узнаваемы.

Образец текста на волашюке: Yels: 83 nu epasetikons sis daved Volapüka. Gloratim ona enepubon sis lunüp, e slopane lanëlik ona se timäd at sa Volapükans ut, kels ib-

libons fiediko kol Volapük i pos tim nebanikama, repon-
ükons ti valiks fa deadalanan.

Волапук был хотя и систематизированный язык, однако достаточно сложный для практического применения, материал европейских языков в нем с трудом угадывался. Сменивший его эсперанто (создан Л. Заменгофом в 1887 г.) был повернут к этническим языкам широкого международного распространения — романским, германским, славянским. Эсперантское движение в целом успешно развивается вот уже 100 лет, доказывая принципиальную возможность социализации искусственной языковой системы. В то же время эсперанто, являясь уникальным лингвистическим экспериментом продолжительностью в век, требует от лингвистики серьезного теоретического осмысления.

В интерлингвистике эсперанто называют автономным языком, имея в виду то, что в его грамматике и словообразовании имеются черты, которые не соотносятся с соответствующими чертами европейских языков. Таков же и реформированный эсперанто — проект языка идо (1907). Сейчас идистское движение существует в ряде европейских стран, однако оно слабое и не может конкурировать с эсперантским движением в современном мире.

С XX в. стали особенно популярны проекты языков, которые следуют грамматическим особенностям языков-ориентиров, или образцов. В интерлингвистике их называют натуралистическими — таков, например, язык окциденталь, позднее переименованный в интерлингве (Occidental, Interlingue) русского интерлингвиста Э. Ваяля, созданный в 1922 г. В 20-е, а особенно в 30-е гг. движение сторонников этого языка было достаточно широко распространенным, на этом языке издавалась периодика и книги, функционировали союзы и кружки окциденталистов. В настоящее время движение это слабое, его сторонники имеются в Швейцарии, Чехословакии и некоторых других странах. Принципы интерлингвистического натурализма хорошо были сформулированы самим Э. Ваялем в "Аксиомах для интерлингвистов" (27, 67-68): "1) Максимально легким является то, что мы уже знаем...; 4) Единый международный язык уже существует, хотя и в разных формах (диалектах)...; 7) Международный язык существует не для того, чтобы говорить по законам логики, но для того, чтобы понимать друг друга" и т.д. Неслучайно окциденталь-интерлингве Э. Ваяля ориентируется на романские, а также германские языки, следуя им не только в плане языковом, но и в графико-орфографическом (с — как [ц] и как [к])

и т. д.). На таких же принципах построен и другой известный натуралистический проект Interlingua (1951), для создания которого была организована специальная Ассоциация международного вспомогательного языка.

Следует обратить внимание на то, что в интерлингвистике предпринимались и предпринимаются попытки синтезировать достижения автономистского и натуралистического апостериоризма в некий общий надпроект. Одна из попыток такого рода принадлежит известному югославскому интерлингвисту П. Митровичу, разработавшему в 1947 г. на базе европейских языков, а также эсперанто, идо и интерлингве проект языка Inter-Sistemal. Вот его особенности:

В алфавите: ch - [ч], dj - [дж], j - [ж], sh - [ш], y - [й], допускается qe-ke, x-kx, qu-kv; ударение чаще всего на последнем слоге; определенный артикль li; множ. ч. существительных -e(e)s; падежные значения выражаются с помощью предлогов de (род. п.), a (дат. п.), vin. п. как имен. п. и т. д.; прилагательное без специального показателя, в изолированной позиции может принимать суффикс -(e)s; сравнительная степень с помощью plus (minus), maxim/maksim (minim); количественные числительные от I до 10: un, du, tri, quadre/kvadre, quinte/kvint, sexte/sixte/sekst, septe/sept, octe/okt, nev/none, dece; 11 - undece ..., 20 - dudeka (du-dece?) ...; порядковые типа: prim, second/sekond, terce ...; личные местоимения: mi, ti, el, il; nos, vos, els (eles), ils (iles); притяжательные: mie, tie ... nostere, vostre ...; имперфект -ed, перфект hav ...-ed, плюсквамперфект havéd ... -ed, настоящее время выражается глагольным корнем; будущее vad + глагольный корень (= настоящее время); повелительное наклонение: глагольный корень или + -e (?); сослагательное: vad + глагольный корень; причастия действительные прошедшего времени на -ed (как имперфект), настоящего на -ant; наречия образуются от прилагательных с помощью -e; предлоги типа: a, ad, ante, extre/ekstre, con/kon, sub, supre, in, intre ...; союзы: qui/ke, com/kom, et, na, o ...; словообразование на базе международных аффиксов.

Автором предложены две версии проекта - так наз. "англо-латинская" и "славяно-азиатская" (различие сводится преимущественно к орфографии - она консервативна у первой и более фонетична у второй), срав. тексты: I) Se nos

fact un lingve con un sole declination et conjugation, sin paroles derivated in un ne-regular mod, con stabile determinated afixes ...; 2) Kvande James Cook diskovered Australi, il observed un matin un grup de pre-Australanes transportante (kvi transported) un ekstra-ordinalan male kvi il ne-kvande (hav) remarked.

Автор энергично пропагандировал свой язык. Многочисленные издания на этом языке появлялись в 50-е - начале 70-х гг. в Сараеве на сербскохорватском, английском и на самом интереснейшем.

И все же первым достаточно хорошо разработанным апостериорным проектом следует считать всеславянский язык Юрая Крижанича, созданный в ХУ в., а самого Крижанича следует признать основоположником славянской интерлингвистики. Крижанич синтезировал элементы различных славянских языков, в первую очередь хорваткосербского и русско-церковнославянского, и на их основе создал общий для славян язык, которым, правда, пользовался только он сам, но пользовался настойчиво, преданно и уверенно: на нем созданы все основные труды Крижанича - знаменитая "Политика" и лингвистический трактат "Грама̀тично изказа̀нје об ру̀ском језику". Примечательно, что Крижанич по существу впервые воплотил на практике сконструированную систему языка, при этом следует особо подчеркнуть, что эта система была им реализована двумя письменностями - кириллической (таково сочинение "Грама̀тично изказа̀нје...") и латинической (такова "Политика"), что в дальнейшем найдет практическое воплощение в истории сербскохорватского литературного языка. В качестве образца всеславянского языка Крижанича могли бы послужить следующие отрывки из его "Грама̀тичного изказа̀нја..." и из "Политики": Ј дьбаради се-го просуди јесем сице говори: (: будто общим никовим језиком:) даби от всіх било разумљено"; "Moræm adda mi nastoiat na iztežanie i na sowerszënie nášzego iazika: da sebúdem mógli obrêc ot neslâwi, i umíteli i wsákaiia deržáwnaiia opráwila sposobné obtežát".

Апостериорный славянский проект Крижанича оказался изолированным, он не повлиял на лингвопроектирование по крайней мере ХУП и ХУШ вв. О нем стало известно лишь после публикации сочинений Крижанича в ХІХ в. Тем не менее сама попытка опереться на материал живых славянских языков с тем, чтобы создать объединяющий все славянские народы язык во имя великой идеи славянской взаимности показательна и говорит о большой проницательности великого хорватского гуманиста.

Многовековые эксперименты по созданию искусственных языков привели интерлингвистику, с одной стороны, к выработке основных структурных принципов лингвоконструирования, т.е. априорному, апостериорному и смешанному, с другой — к тем требованиям, которым должны отвечать языковые системы, чтобы получить какие-то шансы на социальный успех. Н.В. Юшманов в 20-е гг. сформулировал такие требования, которые важно было бы здесь привести:

1) интернациональность (корней, словообразования, грамматики);

2) эстетическая сторона (эвфония, стилистика и каллиграфия);

3) экономность (краткость выражения, экономность изучения и употребления);

4) логичность (подразумевается точность выражения, соотносительность);

5) унифицированность (орфографии, орфоэпии);

6) практичность (в фонетическом плане, в оптико-графическом и под.) (32, 234).

Кстати, созданный Н.В. Юшмановым в 1917 г. проект международного языка, на котором он написал и опубликовал ряд научных статей, называется *etem*, что расшифровывается, как *ekonomi tempo, energi, materi* и переводится, как "экономика времени, энергии, средств" (30, 334-335).

Следует заметить, что зачастую принципы и подходы, которые лингвизобретатель считает существенными, находят отражение в лингвониме, т.е. в названии языка (или лингвопроекта), сравн., например: *langage symétrique* (1909) "симметричный язык", *Perfektsprache* (1909) "совершенный язык", *Weltkurzsprache* (1947) "мировой краткий язык", *loglan* (< logical language, 1955) "логический язык", *langue simplifiée* (1858) и *langage simplifié* (1889) "простой язык", *langue analytique* (1862) "аналитический язык" и т.д. Воплотить указанные в названии языка качества удается далеко не всегда; к тому же в стремлении идти "до конца" по линии одного признака авторы зачастую приходят к противоположным результатам, получая некоммуникабельную систему. Так, преувеличение логического принципа может привести к априорно-философской системе, непригодной для практического применения. Потому мы хотели бы подчеркнуть важность в этом вопросе комплексного подхода, предложенного более полувека назад Н.В. Юшмановым.

Как видно, интерлингвистика имеет и длительную историю, и определенные теоретические и практические достижения. В самой этноязыковой жизни человечества заложены те стимулы, которые поворачивают внимание исследователя к интерлингвистическим проблемам и тем самым способствуют развитию этой все еще новой лингвистической науки. Обусловленность этноязыковой жизнью, ее непосредственными нуждами — важный фактор, который работает и будет работать на дальнейшее научное и социальное признание интерлингвистики.

Многоязычие современного мира — объективный фактор, создающий единое человечество. В то же время прогрессирующая интенсивность контактов и сближений народов и стран выдвигали и продолжают выдвигать проблему межэтнического средства общения — для преодоления языковых барьеров. История человечества с разным успехом апробировала для этой цели по крайней мере два пути — признание за отдельными этническими языками роли трансэтнического средства общения различного масштаба, регионального либо глобального, и эксперимент по внедрению в социум рационально созданного, искусственного языка, который привлекает своей этнической нейтральностью и "выправленным" и "усовершенствованным" грамматическим строем. Сама языковая жизнь человечества требует решения проблемы международного языка, при этом в настоящее время нет альтернативы "международный или этнический (национальный) язык"; напротив, международный язык рассматривается современной интерлингвистикой не как замена функционирующего этнического языка, а как дополнительное средство общения в определенных социальных условиях. Интерлингвистике предстоит еще рассмотреть функциональный аспект трансэтнических языков и определить в их системе (в их кругу) возможности и место социализованных международных искусственных языков.

Есть и внутрилингвистические факторы, вызывающие постоянный интерес к интерлингвистике. Традиционная лингвистика до сих пор не осмыслила ряд важных процессов, происходящих в этнических языках. Интерлингвистика может здесь оказать большую помощь. Обратимся к некоторым иллюстрациям. Литературный язык как одну из форм существования этнического (resp. национального) языка часто называют искусственным образованием, поскольку в его формировании большая роль при-

надлежит личностям, велика доля сознательного выбора и т.д. Это действительно так. Литературный язык — социально престижная форма этнического языка, но в то же время и сознательно регулируемая, а это уже интересы интерлингвистики. Литературный язык допускает реформы отдельных своих сторон, например, лексической, словообразовательной, в меньшей мере фонетической и морфологической. Введение полностью чужих элементов, сознательно созданных новообразований на базе своих и чужих элементов — это широко распространенные и хорошо известные процессы. Немало ситуаций, когда доля "не-своего", введенного сознательно, превышает все мыслимые пределы. Так, древнеяванский язык кави, письменно-литературный язык острова Ява, значительно отличается от разговорного яванского: в отличие от последнего, в него введено в конечном счете 90% лексики из индийского — прежде всего из санскрита (в связи с влиянием Индии в области религии, литературы, театра, живописи и т.д.), т.е. по существу это особая форма языка — синскритизированный язык. Еще пример. Государственный гимн Пакистана написан на языке урду и состоит из 50 различных слов, причем 48 из них — это заимствования из арабского и персидского языков (жители Пакистана в основном мусульмане) и лишь два слова — личное местоимение второго лица единственного числа и послелог являются индийскими по происхождению. Это говорит о том, что письменный язык находится в большом отрыве от языка разговорного, живого. Показателен также пример турецкого языка, в котором старый "высокий" стиль, так же как в языке кави, состоял из 90% слов, заимствованных из арабского и персидского языков. Сознательная "тюркизация" турецкого языка начинается с 20-х гг. XX в. в связи с общим процессом демократизации общества и деятельности в этой связи Турецкого языкового общества, которое поставило задачу создать идеально "чистый" турецкий язык. До начала 30-х гг. турецкий словарь содержал всего 43% собственно турецких слов, в литературном языке — 35%; в 60-е гг. доля собственной лексики в словаре поднялась до 58%, а в литературном языке — до 72%, т.е. словарь "тюркизирован" на 11%, а литературный язык — на 37%. С другой стороны, важно задать вопрос: каково "расстояние" от разговорного языка до литературного языка или от диалекта (что часто может приравниваться к разговорному языку) до литературного языка? Не отчуждает ли носителя языка обстоятельство, когда такое "расстояние" велико? Так, например, в некоторых южных авар-

ских диалектах (Дагестан, СССР) насчитывается 15 фонем (!), которые не вошли в литературный аварский язык, объединяющий всю аварскую народность. Как преодолевается такое "фонологическое расстояние"? Вероятно, не только психологически, но и разумом, т.е. сознательным путем. Еще пример. Современный арабский литературный язык по своему грамматическому строю является синтетическим с развитой системой морфологических флексий. В то же время живые арабские диалекты по своему строю аналитические, т.е. морфологическая категория, например, падежа в них выражается не флексиями, а предлогами, порядком слов и т.д. Каких сознательных усилий требует переход от одной полярной структуры (аналитической) к другой (синтетической)? Совершенно очевидно, что надо от автоматизма пользования языковыми элементами, формирующимися с детства, перейти к сознательно контролируемым действиям.

Эти процессы и эксперименты на "живых" этнических языках требуют серьезного интерлингвистического осмысления. Действительно, до каких пределов возможна -изация (т.е. санскритизация, арабизация и т.д.) лексического состава (и других уровней) языка? Насколько могут быть функциональны чужие элементы в сравнении с собственными? Как соотносится языковое сознание и языковое ощущение с процессами подобного рода? И не являются ли такие процессы провозвестниками далекого и не совсем ясного еще магистрального пути (или одного из магистральных путей) языкового развития человечества в будущем? На все эти вопросы интерлингвистике предстоит ответить. Уже сейчас мы являемся свидетелями широкого обсуждения и осмысления интерлингвистических проблем.

И последнее десятилетие наглядно демонстрирует это. Во многих странах мира заметно активизировались интерлингвистические исследования. Как показатель этого - издание солидных монографий и сборников, а также появление специальных периодических изданий, в которых трактуются различные аспекты международной языковой коммуникации.

В СССР существуют давние традиции внимания и интереса к интерлингвистической проблематике (см.: 5). Интерлингвистические исследования проводятся в Институте языкознания АН СССР, который выпустил в 1976 г. специальный сборник "Проблемы интерлингвистики" (9), недавно вышла монография С.Н. Кузнецова "Теоретические основы интерлингвистики" (6). Центр интерлингвистических исследований формируется при Тартуском университете в Эстонской ССР, где с 1982 г. регулярно изда-

ется научная серия сборников "Interlinguistica Tartuensis". В ГДР интерлингвистика развивается благодаря активным исследованиям прежде всего Д.Бланке, выпустившего в 1985 г. в академическом издательстве фундаментальную монографию "Международные плановые языки" (12). В Югославии после работ П.Митровича (см., напр.: 23) выпущена монография Р.Гайича и сборник "Язык и международное общение", содержащий материалы круглого стола под тем же названием, который состоялся в рамках университета в Сараеве (13; 19), и некоторые др. Главую венгерской интерлингвистической школы долгое время был недавно умерший И.Сердакейи, автор ряда эсперантологических книг и монографии по истории и актуальным проблемам международных искусственных языков (25); он был также редактором сборника интерлингвистических работ, изданного в 1980 г. (22). В Болгарии интерес к интерлингвистике и особенно к эсперантологии активно поддерживается на протяжении всего послевоенного времени. Недавно в издательстве Болгарской эсперантистской ассоциации вышел интерлингвистическо-эсперантологический сборник (16). Богаты интерлингвистические традиции в Польше, родине наиболее распространенного международного языка эсперанто. Интерлингвистические и эсперантологические исследования ведутся в основном при университетах Варшавы и Лодзи. В Варшаве регулярно проводятся интерлингвистические симпозиумы, а в Лодзи — конференции по международной языковой коммуникации, материалы которых выходят в серийных сборниках — соответственно в "Acta interlinguistica" (с 1984 г. вышло два сборника) и "Международная языковая коммуникация" (с 1981 г. вышло 6 сборников) (11; 21). В Чехословакии существует также серьезный интерес к интерлингвистической проблематике, подтверждением чего явился специальный интерлингвистический семинар, который провел Языковедческий институт им. Л.Штура Словацкой АН совместно с эсперантскими союзами Словакии и Чехии (см. сборник его материалов: 24). Проблемы, касающиеся непосредственно интерлингвистики, привлекают внимание ученых и в ряде других стран Европы. В последнее время наметилась тенденция к интеграции интерлингвистических сил разных стран, что проявляется в международном характере проводимых и планируемых конференций по интерлингвистике. Все это, несомненно, содействует укреплению позиций этой науки в рамках "большой лингвистики". Интерлингвистика находится на пороге больших перспектив.

Л и т е р а т у р а

1. Бодуэн де Куртене И.А. Вспомогательный международный язык. - В кн.: И.А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. П. М., 1963.
2. Дрезен Э. За всеобщим языком. (Три века исканий). - М.-Л., 1928.
3. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. - In: *Interlinguistica Tartuensis 1*. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (Ученые записки ТартуГУ. Выпуск 613). Тарту, 1982.
4. Дуличенко А.Д. К становлению интерлингвистики. - In: *Fenn-Ugristica 13*. Финно-угроведческая школа Пауля Аристе и ее связи. (Ученые записки ТартуГУ. Выпуск 728). Тарту, 1986.
5. Дуличенко А.Д. Советская интерлингвистика. (Аннотированная библиография за 1946-1982 гг.). - Тарту, 1983.
6. Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. - М., 1987.
7. Лоренц Р. Делегация для выбора международного вспомогательного языка. - В кн.: *Международный язык и наука. Мысли о введении в науку международного вспомогательного языка.* Одесса, 1910.
8. Оствальд В. Международный язык. Два доклада. - М., 1908.
9. Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. - М., 1976.
10. Чешихин В. Об искусственных языках. - Вестник знания, Л., 1926, № 16.
11. Acta interlinguistica. Red. R. Rokicki. Varsovia, 1984 -.
12. Blanke D. Internationale Plansprachen. Eine Einführung. - Berlin, 1985.
13. Gajić R. Živi jezici. Eseji o komunikacijama i planskim jezicima. - Niš, 1980.
14. Gjivoje M. Bibliografija međunarodnog jezika u Jugoslaviji. - Zagreb, 1954.
15. Interlinguistica Tartuensis. Ответственный редактор А.Д. Дуличенко. Тарту, 1982 -.
16. Interlingvistiko. Esperantologio. - Sofio, 1985.

17. Jespersen O. A new science: interlinguistics. - Cambridge, [1931] (из жур.: Psyche, Cambridge, 1931, January): см. Таке: Interlinguistike - novi sientie. - J.: Mondo, Stockholm, 1931.
18. Jezierski W. Nomine pro novo scientia. Notula. - In: Schola et vita, a. VI, Milano, 1931, N 4-5, aprile-majo.
19. Jezik i međunarodno komuniciranje. Zbornik radova. - Sarajevo, 1986.
20. Meysmans J. Un science nouvelle. - In: Lingua internationale, Bruxelles, 1911/1912, N 8.
21. Międzynarodowa komunikacja językowa. Red. T. Ejsmont. Łódź, 1981 -.
22. Miscellanea interlinguistica. Red. I. Szerdahelyi. - Budapest, 1980.
23. Mitrović P. An essay on interlinguistics. - Sarajevo, 1954.
24. Problémy interlingvistiky. Zborník materiálov z interlingvistického seminára (Vyšoké Tatry 20.-22. mája 1987). - Bratislava, 1987.
25. Szerdahelyi I. Bábeltől a világnyelvig. - [Budapest], 1977.
26. Szilágyi D. Versus interlinguistica. Principios de interlinguistica generale. Dictionario terminologico de interlinguistica. - In: Schola et vita, a. VI, Milano, 1931, N 4-5, aprile-majo.
27. [Wahl E.] Axiomas por mundlinguistes. - In: Kosmoglott, Reval (Tallinn), 1922, N 11-12.
28. Wandruszka M. Interlinguistik. Umriss einer neuen Sprachwissenschaft. - München, 1971.
29. W[eisbart J.] J. Interlingu-e, -isto, -istike. Skribat in Medial. - In: Kosmoglott, Reval (Tallinn), 1926, N2 (33), marte.
30. yucmanof n. sistem kosmoglottik "etem". - In: Interlangages, Paris, 1931, N 28.
31. Yushmanov N. Cosmoglottica. - In: Schola et vita, a. IV, Milano, 1929, N 8-9, agosto-septembre.
32. [Yushmanov N.] T. Ryzik. Konstruktiv reguli dil mondo-linguo. - In: Tolero, Paris, 1930, N 22.

LA INTERLINGVISTIKO: ESENCO KAJ PROBLEMOJ

Aleksandr D. Duliĉenko

La aŭtoro pritraktas interlingvistikon kiel unu paradigmon de la moderna monda lingvistiko kaj priskribas ĝian formadon de H. Schuchardt, J. Baudouin de Courtenay, W. Ostwald, R. Lorenz, J. Meysmans ĝis P. Stojan, V. Ĉeŝiĥin, E. Drezen, N.V. Juŝmanov kaj fine O. Jespersen, D. Szilagyi, W. Jezierski. Laŭ aŭtoro, en la moderna interlingvistiko estas objektoj - t.n. transetnaj lingvoj: internaciaj etnaj lingvoj kaj internaciaj artefaritaj (planaj) lingvoj. Kiel ĉefa sfero de interlingvistiko estas lingvoprojektado (de II jc. ĝis XX jc. aperis 917 lingvoprojektoj: vidu tabelon). La aŭtoro distingas 4 formojn de socia ekzistado kaj 3 strukturaj tipoj de internaciaj artefaritaj (planaj) lingvoj, pritraktas problemojn de postuloj rilate al lingvoprojektoj (postuloj de N.V. Juŝmanov k.a.). Plue, la aŭtoro detale parolas pri eksteraj kaj internaj lingvaj faktoroj de la nuntempa mondo, kiuj objekte starigas kondiĉojn por scienca kaj socia konfirmiĝo de la interlingvistiko. Fine de la artikolo estas priskribitaj organiza bazo de la nuntempa interlingvistiko kaj plej gravaj interlingvistikaj centroj de la mondo.

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, ЯЗЫКОВАЯ ЭКОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ СОЮЗЫ

Г.А. Цыкун

Дифференциация и интеграция представляют два взаимосвязанных процесса, определявших и продолжающих определять всю языковую картину мира. На разных этапах языкового развития и в разных точках земного шара соотношение указанных процессов может быть различным. Можно предполагать, что на ранних этапах развития языковых сообществ, особенно при экстенсивном способе хозяйства, преобладает дифференциация, тогда как для более поздних стадий характерен рост интеграционных процессов. Впрочем, некоторые исследователи допускают постоянное чередование этих процессов в рамках определенных ареалов: вначале на базе аморфной в языковом отношении ситуации образуется более или менее тесное языковое единство, которое по мере расширения его границ опять распадается на отдельные части, т.е. происходит постоянный "передел" языкового мира. Однако нельзя не видеть во всем многообразии происходящих процессов и более общей тенденции, а именно - усиления межэтнических контактов, захватывающей все более широкий круг носителей различных языков, что не может не вести к постепенному повышению уровня языковой интеграции в современном мире. Эта тенденция, проявившаяся вначале в отдельных регионах, например - в европейском, со временем становится глобальной тенденцией, отражающей асимметрию процессов интеграции и дифференциации в языковом развитии. Именно асимметрия взаимосвязанных процессов дает стимул к развитию.

Наряду с этими стихийными ("естественными") процессами, в конечном итоге ведущими к повышению уровня интегрированности современного мира, все большую роль начинает играть сознательная ("искусственная") деятельность людей в рамках этой глобальной тенденции, понимающих необходимость языковой интеграции в той или иной форме, диктуемой расширением языковых контактов. Вместе с тем такая сознательная деятельность является в определенной степени реакцией на жесткость и, можно сказать, "слепой" характер действия стихийных про-

цессов, ведущих иногда к значительным потерям для человечества, и прежде всего в плане языкового многообразия. В связи с этим зарождается языковая экология как результат осознания исключительной ценности и уникальности отдельных естественных образований и всего существующего языкового ландшафта мира. Создание и функционирование плановых языков находится в русле языковой экологии, поскольку направлено на повышение уровня языковой интеграции мира путем обогащения языковых средств коммуникации, а не через обеднение существующего набора таких средств. Поэтому с полным правом можно писать, как это делают организаторы интерлингвистической конференции в Тарту (1987), о том, что эсперанто (как и другие плановые языки) "способствует сохранению этнических языков и культур".

Надо сказать, что понятие "языковой экологии" до недавних пор в СССР было непопулярным, более того многим чересчур ретивым борцам за быстрое слияние языков казалось крайним или буржуазным. Хотя, следует отметить, что в первые годы Советской власти было сделано немало в плане языковой экологии, в частности для сохранения и развития больших и малых этнических языков. А зарождение языковой экологии следует связывать, по-видимому, с идеей лингвистического гуманизма, которой пронизаны работы В. Гумбольдта (3, 369), считавшего, что было бы неплохо, если бы "языки обнаруживали такое многообразие, какое только может допустить число населяющих Землю людей". Между тем, бурное развитие интеграционных процессов в последние десятилетия поставило на повестку дня вопрос об угрозе исчезновения не только языков небольших изолированных этнических групп, находящихся, как правило, на невысоком уровне общественного развития, но и некоторых языков Европы (1, 142-159; 13, 5-16; 17; 18; 22). Особенно показательна в этом отношении ситуация в Канаде, где, как пишет У. Байчура, "за последние 50 лет, с развитием антропологии, социологии, психологии и лингвистики, возникло новое отношение к языкам и культуре, новая этика, требующая уважения других культур и помощи национальным меньшинствам в их борьбе за выживание" (2, 65). В соответствии с новым отношением к языкам и культуре сложилось новое понимание интеграции, которое "предполагает сохранение индивидуальности человека, основных характеристик его родного языка и культуры" (2, 68). Таким образом, изучение результатов интеграционных процессов, наблюдаемых при формировании и естественном развитии языковых сообществ, может дать ценный материал для

прогнозирования языковой ситуации в отдельных регионах, определения очередных задач языковой экологии, а также для лингвистического планирования.

Рассмотрим теоретические возможности, возникающие при изучении различных типов взаимодействия этнических языков, с точки зрения глобальной тенденции к повышению уровня языковой интеграции.

Интенсивное взаимодействие этнических культур и языков приводило в прошлом либо к ассимиляции (поглощению) одних из них другими, либо к их аккомодации (взаимному приспособлению), либо, значительно реже, к их смешению, фактически - контаминации, что в самом общем виде отражает суть креолизации, пиджинизации и других подобных явлений. При этом достигался различный уровень языковой интегрированности в рамках определенного ареала.

Самый высокий уровень интегрированности в пределах зоны активного взаимодействия обеспечивает ассимиляция, понимаемая как вытеснение одной языковой материи (субстанции) другой при сохранении в той или иной степени прежней языковой формы (в смысле В.Гумбольдта). Это - наиболее радикальный, но с точки зрения языковой экологии наиболее жестокий ("варварский") путь повышения уровня интегрированности языкового пространства, поскольку он ведет к его обеднению, хотя, как правило, и не приводит к полной его нивелировке. Языковая контаминация или смешение языков представляет собой механическое соединение в различных пропорциях элементов материи и формы разных языков для поддержания коммуникации в условиях ограниченных контактов. Она обеспечивает достаточно высокий уровень интегрированности языкового пространства за счет значительного упрощения ("примитивизации") структур контактирующих языков (5, 8). По этой причине такой путь вряд ли имеет широкие перспективы развития с точки зрения тенденции к дальнейшей интеграции человеческого сообщества. Путь аккомодации заключается во взаимном сближении языков в плане формы при сохранении их отличий с точки зрения языковой материи. Он дает сравнительно высокий уровень интегрированности в пределах зоны интенсивных контактов, значительно облегчая взаимопонимание представителям различных языковых систем в связи с отождествлением ими на интуитивном уровне структуры контактирующих языков. С точки зрения языковой экологии это наиболее безболезненный путь повышения уровня языковой интегрированности, поскольку он позволяет каждому из

контактирующих языков сохранить свое генетическое "лицо" в процессе активного взаимодействия. Вместе с тем он обеспечивает общий прогресс в развитии языков, так как в процессе сближения происходит отбор наиболее перспективных с точки зрения целей коммуникации элементов (фрагментов) структуры, предлагаемых каждым из контактирующих языков. Подобный путь развития, если он охватывает группу языков одного региона, приводит в конечном результате к образованию так называемых языковых союзов.

Идея языковых союзов, суть которых предвосхитил Е. Копитар в своем описании ситуации на Балканах ("только одна языковая форма, но с тройкой языковой материей"; 19, 86), представляется весьма плодотворной для моделирования возможных путей развития в условиях интенсивных языковых контактов. Она уже используется для характеристики складывающихся межязыковых общностей в Европе (20; 16; 12 и др.), Южной Азии (21; 6, 51-61), Центральной Америке (11, 530-570). Делаются попытки применить теорию языковых союзов для прогнозирования языковой ситуации в многонациональных государствах: Швейцарии (4, 25-35), Индии (14, 3-16). В этом плане заслуживают дальнейшей разработки высказанные идеи о формировании языкового союза народов СССР и о так называемых современных языковых союзах (9, 38-51), хотя здесь не все еще ясно, что видно как из разъяснений Ю. Степанова, согласно которым языковые союзы возникают "вокруг важнейших языков цивилизации" (8, 207), и из высказываний О. Трубачева о том, что языковой союз образует группа разноструктурных контактирующих языков при ведущей роли одного "культурно наиболее авторитетного языка" (7, 298). Как показывает наш опыт изучения языковых союзов, ситуации, когда инновационные импульсы исходят из одного центра, расположенного в зоне, как утверждается, наиболее "авторитетного языка", ведут скорее к ассимиляции, чем к образованию языкового союза. Классический пример - "авторитетная" латынь и ее распространение на разноструктурные языки варваров, в результате которого возник современный романский мир. Исходя из изложенных выше соображений, языковой союз представляет наиболее приемлемый с точки зрения языковой экологии путь повышения уровня языковой интеграции. Учитывая глобальный характер этой тенденции, можно сказать, что формирование языковых союзов является одним из "магистральных путей развития языковой ситуации современного человечества". Вместе с тем такой путь не устраняет необходимости

вспомогательных международных языков, как этнических, так и плановых. Более того, он предполагает в качестве неперемного условия формирования языковых союзов развитое двуязычие и многоязычие, поскольку только в этом случае возможно внутреннее (структурное) сближение языков, создание постоянно возрастающего общего фонда "культурной лексики" при сохранении различий в области "основной лексики" (по терминологии Н. Трубецкого, см. Ю, 29). Только с учетом такой широкой перспективы может быть принята с известными оговорками предложенная В. Георгиевым дефиниция языкового союза, согласно которой "языковой союз представляет эволюцию к интеграции, между тем остановленную на полпути" (15, 9).

Принимая во внимание тот факт, что при создании искусственных (плановых) языков во многих случаях интуитивно следовали тенденциям, проявившимся при формировании языковых союзов, может быть поставлена задача сознательно и более полно использовать результаты, полученные при изучении различного рода языковых союзов, для целей лингвоконструирования и языкового планирования. Тем самым плановые языки, до сир пор противопоставляемые естественным или этническим, могут быть включены в названный выше глобальный процесс и определенным образом влиять на него, а интерлингвистика получит надежную материальную и теоретическую базу.

Можно обратить внимание лишь на некоторые факты, выявленные в результате изучения языковых союзов, и их возможное применение в интерлингвистике. Один из важнейших выводов, сделанных на базе анализа особенностей образования балканского языкового союза (БЯС), который, как известно, является эталоном языковых союзов, заключается в обнаружении полицентризма общих черт, характеризующих БЯС: различные инновации, существенные для формирования языкового союза, исходили из разных центров, т.е. участие в его становлении принимали разные языки. Их вклад мог быть большим или меньшим, однако важен факт, что для создания языкового союза ведется стихийный отбор наиболее соответствующих основной идее данного языкового союза фрагментов систем, предлагаемых всеми языками. Как показывает опыт наиболее жизнестойкого планового языка - эсперанто, его создатель и последователи интуитивно шли по тому же пути, отбирая подходящие средства из разных этнических языков, независимо от их генетической или типологической близости. Но интересно также и то, что случайно или сознательно в качестве исходных были использованы языки

одного центрально-восточноевропейского ареала, т.е. учитывалось территориальное соседство, являющееся одной из самых главных характеристик языков, входящих в языковые союзы. Из этого следует одно, как нам кажется, важное наблюдение: о возможности проектирования группы зональных плановых языков, базирующихся на тех или иных интенсивных языковых союзах, обнаруженных в различных частях языкового мира. Ведь в таких языковых союзах уже проведен отбор значительного числа перспективных с точки зрения повышения языковой интеграции средств, которые могут быть приняты за основу структуры проектируемого языка.

Имеется много фактов, свидетельствующих об изоморфизме в структуре и типологическом сходстве в путях формирования языкового союза и планового языка. Возьмем хотя бы то, что Н.Трубецкой называл "культурной лексикой", т.е. специфический лексический фонд языков, входящих в один языковой союз и отражающий их принадлежность к одному культурному ареалу, и его аналог в лексике эсперанто - интернационализмы, представляющие, в первую очередь, общую специфику языков европейского ареала. Однако выяснение подобных фактов не является целью данной статьи. Ее главная задача - обратить внимание на более широкий контекст, в который целесообразно включать рассмотрение проблем интерлингвистики прежде всего потому, что опасность догматизма угрожает любой слишком замкнутой в себе теории.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнов С. Этнические процессы и язык. - Общественные науки, М., 1986, № 5.
2. Байчуря У.Ш. Языки, языковая и этническая ситуация в Канаде. - In: Revue roumaine de linguistique, vol. 32, Bucureşti, 1987, 1.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984.
4. Домашнев А.И. Немецкий литературный язык в кругу других языков Швейцарии (к проблеме швейцарского языкового союза). - В кн.: Романо-германские языки и диалекты единого ареала. Л., 1977.
5. Дьячков М.В. Креольские языки. - М., 1987.

6. Захарьин Б.А. К вопросу о типологических параметрах южноазиатского языкового союза. - Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение, 1981, № 3.
7. Кондаков И.В. Филологическая наука: пути перестройки. (На годичном Общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР). - Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. 46, М., 1987, № 4.
8. Степанов Ю.С. Основы общего языковедения. - М., 1975.
9. Степанов Ю.С. Современные языковые союзы и методы их изучения. - В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
10. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. - М., 1987.
11. Campbell L., Kaufman T., Smith-Stark T. Meso-America as a Linguistic Area. - In: Language, vol. 62, 1986, N 6.
12. Décsy G. Die linguistische Struktur Europas. - Wiesbaden, 1973.
13. Denison N.A. A Linguistic Ecology for Europe? - In: Folia linguistica, XVI, 1982.
14. Emeneau M.B. India as a Linguistic Area. - In: Language, vol. 32, 1956.
15. Georgiev V. Le problème de l'union linguistique balkanique. - In: Actes du I-er congrès international des études balkaniques et sud-est européennes, VI. Sofia, 1968.
16. Haarmann H. Aspekte der Arealtypologie. Die Problematik der europäischen Sprachbünde. - Tübingen, 1976.
17. Haarmann H. Language in Ethnicity. A view of Basic Ecological Relations. - Berlin, 1986.
18. Haugen E. The Ecology of Language. - Stanford, 1972.
19. Kopitar B. Albanische, walachische und bulgarische Sprache. - In: Jahrbücher der Literatur, bd. XLVI, Wien, 1829.
20. Levy E. Der Bau den europäischen Sprachen. - Dublin, 1942; 2. Aufl.: Tübingen, 1964.
21. Masica C.P. Defining a Linguistic Area: South Asia. - Chicago, 1976.
22. Studies in Language Ecology. - Wiesbaden, 1984.

THE LANGUAGE INTEGRATION, LANGUAGE ECOLOGY
AND LINGUISTIC AREAS

Gennady A. Tsykhun

The strengthening of interethnic contacts leads to the global tendency of rising of the language integration level. This results into the conscious people activity aiming at the limitation of undesirable consequences of this tendency and first of all concerning the language ecology. From this point of view the intensive language interaction results expressing their assimilation, accommodation and contamination are considered in the article. It is shown that the most acceptable way of the rising of the language integration level is that of the accommodation which in its turn leads to the linguistic areas formation. The consideration of all tendencies during this formation may be useful in the process of creation of planned (artificial) languages.

ЕДИНСТВО ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМИОТИКИ И СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЕСТЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

О.В. Александрова

В языковедческом исследовании важно видеть две его основные стороны – филологическую и семиотическую. Основным, при этом, является, конечно, филологический подход, т.е. изучение того обширного историко-филологического материала, который дают такие развитые языки, как английский, русский и др. Именно на этой общей основе становится возможным выявление и решение проблем лингвистической семиотики в том виде, в каком они наиболее отчетливо проявляются в этих языках.

Сочетание филологического и семиотического подходов в изучении языка абсолютно необходимо, потому что нельзя не учитывать того значения, которое имеет для науки исследование различных форм воздействия человека на свой язык.

Лингвистическая семиотика, безусловно, плодотворна при рациональном создании словарных дефиниций и иллюстративной фразеологии, для оптимизации толкования слов в одноязычных словарях, она дает возможность изучить образцы членения речи на сверхфразовые единства и формулировать правила, отражающие деление текста на абзацы, семиотический подход помогает упорядочить закономерности человеческого языкового общения. Особое место в этом смысле занимают семиотические основы терминологии – одной из областей языковедения, в которой очень успешно сочетается филология и семиотика.

Проблемы семиотического характера терминологии уже на протяжении ряда лет являются предметом пристального внимания языковедов. Как известно, терминология является семиологической системой, представляющей раздел интерлингвистики. В то же время терминология – это знаковая семиотическая система, что особенно относится к терминологическим системам точных наук. В естественных науках единство знакового и интерлингвистического в терминологии реализуется очень четко. Исследования последних лет достаточно убедительно показали,

что терминологические системы точных наук состоят из общенаучных терминов, слов и словосочетаний, приближающихся к семиотической системе, обозначающей те или иные формулы и понятия, и, наконец, чисто семиотических образований. Так, например, если мы обратимся к химической терминологии, мы найдем там такие слова, как "сахар", "жир", "резина", относящиеся к общенаучной сфере и даже являющиеся совершенно общепринятыми в нашей повседневной жизни. В химии используются такие слова, как "лактоза", "полиоритан" и др., которые относятся собственно к химии, а также различные химические формулы, которые в большинстве случаев вполне понятны лишь специалистам. Аналогичная ситуация наблюдается и в терминологических системах других точных наук.

Значительно сложнее обстоит дело в гуманитарных науках, где, по-видимому, нельзя, а может быть и нецелесообразно, иметь столь строгую семиотическую основу для терминологии, какая имеется в точных науках.

Для того, чтобы более глубоко проникнуть в сущность образования терминосистем в разных языках, хотелось бы напомнить об интересной статье Е.М. Верещагина, который вполне обоснованно выделяет три приема терминотворчества: транспозицию, заимствование и калькирование. Эти приемы известны и описаны в лингвистике. Наиболее же интересным, как мне кажется, является четвертый прием терминотворчества — ментализация. Сущность этого приема заключается в том, что это переход с понятийного на более сложный и разветвленный фоновый уровень. Переводится при этом не исходное слово-термин, а лишь какая-то семантическая доля из всего смыслового объема слова-термина (I, III).

Известные три приема — транспозиция, заимствование и калькирование — это общепринятые технические приемы терминотворчества. Другое дело — ментализация. Для создания нового термина нужно свое понимание переводимого термина, определенное фоновое знание, знание филологической культуры и т.д. Таким образом, ментализация — это уже именно терминотворчество, своего рода искусство создания термина. Это положение имеет особое значение для терминологии гуманитарных наук. Так, в языковедении определенные системы терминов отражают воззрения той или иной лингвистической школы, являются показателями того или иного научного направления в изучении языка. Анализ терминосистем показал, что они имеют методологический характер. Если же механически транспониро-

вать, калькировать термины из других языков, то в некоторых случаях вместе с термином механически переносится и другая методология. Самое печальное в такой ситуации то, что исчезает, по существу, русский язык, имеющий огромную языковедческую традицию, заменяющийся в иных лингвистических работах бесчисленным количеством калек, при этом фактически совершенно не учитывается принцип ментализации при создании терминов.

Для иллюстрации приведу лишь пример текста: "Исходная концептуальная единица может рассматриваться как реляционная структура, между элементами которой наблюдаются предикатно-аргументные отношения. Предикатор, в этом случае, выступает пропозициональной функцией от одной или нескольких переменных, позиции которых заполняют аргументы. С точки зрения предикаторного действия можно выделить условно левую интенцию предикатора ($SR\ pred$), направленную на аргумент в позиции субъектора (A_n), и его условно правую интенцию ($SR\ compI$), направленную на аргумент в позиции комплементора (A_c). Первая носит обязательный характер, а вторая факультативный. Оба вида структур понимаются как свободные и автономные от лексического конкретного наполнения" (1981).

Не буду далее утомлять цитированием этого труднопонимаемого текста, изобилующего геллертовской терминологией. В английском языке сейчас введено в обиход слово *gobldigook* обозначающее непонятные терминологические образования, смысл которых оказывается труднодоступным даже для специалистов в той или иной области знания.

В гуманитарных науках оценить содержание того или иного термина можно только в контексте данной методологической ориентации. Именно поэтому, являясь определенными знаками, термины немислимы вне данного речеупотребления, в котором во всей полноте и отражается данная научная методологическая концепция.

Вопрос о единстве знакового и интерлингвистического в терминологии изучен мало. Для того, чтобы термин функционировал как знак, заключенное в нем единство содержания и выражения должно быть доступно всем, кто пользуется этим термином. Однако, кроме этого, должен быть еще кто-то, кто поможет адекватным образом воспринять это единство содержания и выражения.

Процесс терминологической ментализации должен помочь в достижении существенных сдвигов в упорядочении и междун-

родной стандартизации терминологии. Понятно, и об этом уже упоминалось выше, что в разных языках существуют разные термины, существуют национальные предпочтения, словообразовательные возможности и т.д., однако первым шагом в международной стандартизации терминологии должно быть требование, чтобы по возможности каждый знак был интернационально, интерлингвистически определен. Справедливости ради следует отметить, что какой-то первоначальный терминологический международный фонд сейчас уже имеется.

Лингвисты делают все больше попыток создания универсальной для разных языков системы терминов. Приведу один пример. В журнале "Language Problems and Language Planning" имеется очень интересная статья, автором которой является Марсель Данеси (Marcel Danesi, 3). Он предлагает систему терминов, образованных на "лект" - lect. Понятно, что -lect пошло от суффикса -lect, который узואльно используется в таких словах, как идиолект, диалект, социолект. Этот суффикс, как известно, произошел от греческого legein (to speak). Автор дает список терминов, куда включены, например, такие, как акролект - acrolect (достаточно часто употребляется в социолингвистике), как известный термин диалект - dialect, но также и вновь вводимые термины, как, например, rurilect - рурилект, обозначающий тип языкового поведения людей, живущих в сельской местности, или urbilect - урбилект - языковое поведение людей, живущих в городе.

Все эти термины даны на английском языке, однако вполне понятно, что они легко могут быть транспонированы в любой другой язык, и также в эсперанто.

Большое значение в развитии терминологии как семиотической системы, которая была бы понятна лингвистам разных стран, имеет эсперанто.

То, что эсперанто существует уже 100 лет, развиваясь и совершенствуясь, показывает его жизнеспособность. Важно при этом отметить, что "многие вопросы развития планового языка имеют свои специфические особенности. При этом имеется ввиду такой процесс, который ведет к совершенствованию языковой структуры, прогрессу его выразительных возможностей... Как известно, не любые изменения в языках способствуют их явному 'прогрессу'. Исходя из этого, применительно к плановому языку целесообразнее говорить о развитии в смысле совершенствования, а не просто об эволюции, как это делается в некоторых интерлингвистических работах" (2, 88).

Возникает необходимость донести до широких слоев общест-венности, что эсперанто уже давно играет важную роль в об-щении людей, в частности, лингвистов. Приведу пример. Я уже упоминала о журнале "Language problems ...".

Чем он замечателен? Этот журнал замечателен тем, что в нем на протяжении уже многих лет эсперанто фигурирует на-ряду с другими распространенными мировыми языками. Особенно важно, что эсперанто вводится здесь непосредственно в прак-тику языкового общения, становится действительно средством международного общения.

Статьи этого журнала, хотя могут быть написаны на разных языках, обязательно снабжены резюме и выводами на эсперанто.

Возникает еще одна проблема в этой связи. Сейчас в ос-нове терминологической деятельности, в основе эсперанто, ко-торый уже доказал свою жизнеспособность, находится евро-пейская языковая общность - average west-european. Однако, если ставится вопрос о включении в систему искусственных языков, языков других систем, это ставит целый ряд новых проблем. Со времени создания эсперанто прошло уже более 100 лет, все эти годы он плодотворно используется в разных функ-циональных стилях человеческого общения. На эсперанто были переведены работы таких великих писателей, как Пушкин, Го-голь, Тургенев и др.

Все изложенное показывает, что уже общеизвестно, какое огромное значение имеет эсперанто у нас в стране и в мире. Самое важное в современную эпоху, это вопрос о том, в какой степени эсперанто может явиться рычагом в подлинном развитии международной терминологической системы. Создание междуна-родного терминологического банка, организаций, которые бы собирали терминологию разных наук в разных странах на ос-нове международного общения - эта проблема сейчас стоит осо-бенно остро.

Однако эта проблема остается важной и в рамках нашей страны. Так, например, у нас печатается много лингвистиче-ских работ, например, на грузинском языке. Возникает во-прос, как наши грузинские коллеги решают в своих работах терминологические проблемы, используют ли они кальки, транс-позиции, заимствования второго порядка из индоевропейских языков, и как они решают проблему использования терминологи-ческих сочетаний слов. Анализ материала показывает, что, на-ряду с узувальными, существующими в грузинском языке термина-ми, обозначающими части речи, падежи и т.д., имеется также

огромное количество калек. При многоэлементном термине часть его может калькироваться, а другая часть обозначаться собственно грузинским термином, например: лексикур-семантикури джухеби -лексико-семантическая группа. Те же процессы характерны и для других национальных языков СССР - туркменского, узбекского и др.

Возникает вопрос: должны ли эти заимствования претендовать на придание им данной национальной формы или невозможно такое решение, когда заимствование, транспозиция и калькирование являлись бы вполне закономерным процессом, и можно было бы включать соответствующие термины в практически неизменном виде в грузинский язык?

Возвращаясь к важнейшему процессу ментализации в терминотворчестве, хочется сказать еще об одном. Необходимо различать собственно термины, с одной стороны, и так называемые термины-поделки, с другой, которые, к сожалению, довольно распространены в гуманитарных науках. В естественных науках опасность появления таких эфемерных терминов фактически не существует, поскольку там единство знакового и интерлингвистического прослеживается очень четко. В гуманитарных же науках, как я уже говорила выше, терминология не имеет столь строгой семиотической основы. Однако стремление к упорядочению терминологии, создание общепринятой интернациональной терминологии очень облегчило бы совместную работу и взаимопонимание языковедов разных стран и народов.

В заключении нельзя не отметить того большого значения, которое имеет для развития языковедения соединение двух важнейших подходов к изучению языка - филологического и семиотического. На основе их диалектического взаимодействия становится возможным наиболее полное изучение разных сторон существования, функционирования и развития языка.

Л и т е р а т у р а

1. Верещагин Е.М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества. - Вопросы языковедения, М., 1982, № 6.
2. Исаев М.И. Международным вспомогательный язык эсперанто: вопросы теории и практики. (К столетию создания и развития). - Вопросы языковедения, М., 1987, № 4.
3. Danesi M. A Glossary of Lectal Terms in the Description of

Language Variation. - In: Language Problems and Language Planning, Austin, vol. 9, 1985, N 2.

UNUECO DE INTERLINGVISTIKA SEMIOTIKO KAJ DE
SEMIOLOGIAJ BAZOJ DE LA NATURA HOMA LINGVO

Olga V. Aleksandrova

La aŭtorino interpretas internacian terminologion el teknikaj kaj sociaj sciencoj kiel grava fonto kaj samtempe sfero de interlingvistiko. Per analizo de procesoj de la formado kaj konfirmo de la internaciaj terminoj en etna lingvo ni havas eblecon esplori semiologiajn bazojn de la natura homa lingvo ĝenerale.

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА УНИВЕРСАЛИЙ РАЗНЫХ ФОРМ МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ ВОЗМОЖНОГО ПОСТРОЕНИЯ ПЛАНОВОГО ЯЗЫКА

С.В. Ткачев

История лингвопроектирования диалектически отражает ситуацию асимметричности выразительности и образительности в слове. Наиболее ярко это проявляется в периодически появлявшихся проектах пазиграфии. Обзору международной смысловой письменности, проекты которой возникали в XX в., посвящена работа Д.Бланке. Одним из выводов его исследования является тезис о том, что "введение и возрождение картинного письма или системы иероглифической письменности означало бы попыт-ное движение в развитии письменности", и далее, что "между-народное языковое общение все больше и больше бывает устным" (3, 91), поэтому попытки создания пазиграфии являются ана-хронизмом в развитии интерлингвистики. Но почему же все еще можно услышать о привлекательности смыслового письма, о по-пытках создания новых проектов? Ответ, на наш взгляд, дает анализ наиболее распространенных (как реализованных, так и оставшихся на уровне проекта) вспомогательных языков, кото-рый позволяет заметить, что как априорные, так и апостериор-ные языки все же ориентируются на логическое мышление. По-следние, несмотря на преобладающую коммуникативную направ-ленность, своей заданностью направлены на основной граммати-ческий и лексический состав, не подлежащий произвольному ре-формированию, что приводит к извечному конфликту формы и со-держания. В интерлингвистике это ставит вопрос о решении проблемы эволюции планового языка.

Сфера логического мышления ограничена, так как в обычной жизнедеятельности человек мыслит не логически, а образно. При этом нередко переходит от вербальных к невербальным фор-мам мышления, в основе которых лежит ассоциативность. Ре-зультатом этого является метафоричность речи. В современных исследованиях метафоры интересной является теория Лакоффа-Джонсона, "согласно которой структуры понятий, формулирующие мышление, отражают структуры человеческой деятельности. И по-скольку структуры деятельности в различных областях могут быть сходными, то и различные коммуникативные акты могут

включать сходные концептуальные структуры. Поэтому в речевой практике мы, зачастую неосознанно, структурируем одни понятия в терминах других. Метафоры и являются одним из важнейших средств такого структурирования" (2, 61). Лингвистическое изучение метафоры началось сравнительно недавно, и поэтому, естественно, существует много подходов к исследованию возникновения и функционирования метафоры в речи. Однако общими являются: признание семантической двуплановости и контекста метафоры. Семантическая двуплановость возникает в процессе взаимодействия вербальных и невербальных форм мышления, которое в основном совершается в рамках двух типов деятельности - речевой и изобразительной. Как результат, слово получает образную иллюстративность, более характеризующую, нежели называющую предмет или явление.

Если обратиться к истории создания плановых языков, то можно выделить несколько значительных этапов ее эволюции. Прежде всего это XVII-XVIII вв., когда развернулся процесс теоретического осмысления новых путей развития общества. Он шел методом сопоставления разных видов деятельности человека, попытки их универсализации. Вспомним идею В.Лейбница об Энциклопедии, или Универсальной науке, и как ее составную часть - создание рационального языка. "И хотя давно уже некоторые выдающиеся мужи выдвинули идею некоего универсального языка, или универсальной характеристики, посредством которой прекрасно упорядочиваются понятия и все вещи, посредством которой различные нации могут сообщать друг другу свои мысли и с помощью которой то, что написано одним, мог бы каждый читать на своем языке, никто, однако, не пытался создать язык, или характеристику, в которой одновременно содержалось бы искусство открытия и искусство суждения..." (9, 412-413). Главной причиной этого, как считал Лейбниц, является неоднозначность слов: "Слова, которыми мы пользуемся, достаточно темны, неясны и нередко сообщают лишь смутные понятия, поэтому их придется заменить другими знаками, имеющими точный и определенный смысл..." (9, 493). "К числу же знаков я отношу слова, буквы, химические фигуры, знаки астрономические, знаки китайского письма, иероглифические, музыкальные ноты... и все другие, которыми мы пользуемся в процессе рассуждения вместо вещей" (9, 501). Как видно из приведенных высказываний Лейбница, ученый-философ сознавал разнообразие форм мышления, хотя оставался при этом приверженцем логицизма при создании искусственного языка. Все же

его сомнения проявляются в интересе к смысловому письму: "это род всеобщего исчисления одновременно представлял бы собой некую универсальную письменность, преимущество которой перед письмом китайцев состояло бы в том, что ее понимал бы человек, говорящий на любом языке. ...Эта письменность или язык (если знаки будут произноситься) сможет быстро распространиться по всему свету, ибо научиться такому языку можно будет за несколько недель, после чего он мог бы стать средством общения повсеместно" (8, 491-492).

Осознание того, что слово должно сочетать выразительность и изобразительность как результат воображения, которое "представляло им (людям. - С.Т.) только те самые образы, которые уже были выражены жестами и словами и которые сделали язык с момента его возникновения образным и метафорическим" (7, 254), очевидно, побудило и французского философа Э.Б. де Кондильяка уделить в своих трудах значительное внимание вопросу смыслового письма. Он отмечал, что люди с самого начала заботились о том, чтобы как можно идентичнее передать внешнее сходство предмета с символизирующим его знаком-изображением. Это делалось для того, чтобы информация была доступна всем. Но далее люди стали оперировать лишь со знаками-символами, тем самым превратив их в тайнопись, что сделало иероглифы совершенно загадочными. По мнению Кондильяка, именно в этот момент и получает расцвет метафора, сравнение, аллегория. Однако в дальнейшем это привело к ситуации, когда "...символы и метафоры, сначала изобретенные в силу необходимости, затем избранные для того, чтобы служить таинством, сделались украшением речи, когда возникла возможность употреблять их сознательно; так, придя в упадок, языки подверглись первым ударам из-за того, что ими стали злоупотреблять" (7, 260).

В середине XVIII в. последователь Лейбница Баугартен обосновал необходимость выделения из философии, наряду с логикой и этикой, - эстетики. Развитие этой науки повлияло на дальнейший ход развития лингвопроектирования. Когда появился первый коммуникативно реализованный искусственный язык, волапук, в котором нет омонимии, полисемии и синонимии, оно, несмотря на эти "преимущества" перед этническим языком, разделилось на два направления - логическое и эмпирическое. Это произошло не без учета критики эстетической несостоятельности логицизма.

Для дальнейшего рассмотрения механизма образного мышления

ния важным является момент выяснения особенностей его связей со средствами объективации мыслительных процессов, каковыми являются язык и изобразительное искусство. Их соотношение вызывает полемику на протяжении всего пути эстетического осмысления творческих возможностей человека. Включая язык и в широком смысле живопись в круг проблем интерлингвистики, мы не отождествляем слово и произведение искусств, так как общение людей при помощи языка и общение их посредством искусства при определенных моментах сходства все же имеют отличия, на которые указал К. Маркс. Он отмечал, что язык есть практическое и действительное сознание, тогда как искусство — специфическая форма сознания, имеющая целью эстетическое освоение мира.

Следующим этапом в лингвопроектировании является рубеж XIX—XX вв., когда обостряется борьба идеологических ориентаций и происходит распад "целостного" мировоззрения. В это время наблюдается радикальная дифференциация эстетических учений. Попытки выхода из создавшегося положения были пестры и многочисленны. Приблизительно в одно и то же время выдвигаются идеи В. Оствальда о "синтетической филологии" и П. Гогена о "синтетическом искусстве". Однако ориентиром наибольшей "синтетичности" был кинематограф, который, расширяя свою сферу, овладел передачей изображения, звука и, наконец, цвета.

Изобразительному искусству как воплощению наглядно-образного мышления присуща многомерность. Словами же невозможно описать и понять такие качества изобразительного искусства, как, например, способность передать пространственную структуру явлений и предметов, цвет, динамику изменения интенсивности процессов и большое количество других связей и отношений, которые просто не могут быть переданы адекватно с помощью звуковой речи или переданы крайне неэффективно. Однако это положение можно распространить лишь на слова, выполняющие выразительную, а не познавательную функцию. В частности, слова, которые закреплены в литературной норме, имеют жестко определенное значение и употребляются в ситуациях познанных, освоенных человеком. При изменении ситуации у субъекта активизируется ассоциативно-интеллектуальная сфера познания, которая требует напряжения всех словотворческих возможностей. Эти потенции выражаются в метафоре на языковой периферии, в частности, на уровне социальных диалектов. С. Н. Кузнецов, говоря о дифференциации в языке, отмечает,

что она "осуществляется сходными путями в естественных и плановых языках, отражая дифференцированный характер человеческой деятельности в областях духовной и материальной культуры" (8, 81). Создавая плановый язык на основе этнических, необходимо учитывать, что число единиц обозначения у лиц одинакового культурного уровня, хотя они и разговаривают на различных языках, почти одинаково. В языке отражаются не столько сами явления, сколько размышления над ними. Понятий на любом этапе развития человека всегда больше, чем слов для их выражения. Отсюда распространенность полисемии, которая является камнем преткновения для лингвопроектирования. Для ее раскрытия необходимо определить степень выразительности и изобразительности слова. Ведь благодаря последней, мы во многом обязаны пониманию метафорического употребления слова. Выразительность в слове прямая, изобразительность — косвенная, поэтому последняя требует более детального анализа с привлечением языка живописи, которой свойственно прямое значение изобразительности.

Течение импрессионизма в живописи во всех его разновидностях приближено к социальным диалектам в языке. Социальным диалектам присуще стремление расширить в словоформе чувства и воображения за пределы традиционного восприятия, при этом оставаясь в границах конкретного образа, данного в восприятии. Для импрессионизма характерно находить между явлениями аналогии, параллели, соответствия, что свидетельствует об ассоциативности мышления его представителей и, в конечном счете, о метафоричности их художественного языка. Это достигается разложением сложных тонов на чистые цвета и взаимопроникновение четких отдельных мазков чистого цвета, как бы смешивающихся в глазу зрителя. Исследователи импрессионизма отмечают, что он обострил, интенсифицировал восприятие реальных вещей, снял с них налет привычного. Близость двух типов деятельности мышления мы можем найти в отзыве голландского художника В. Ван Гога, а стихи французского поэта-импрессиониста Э.Бернара, в которых речь идет о проституции, при этом проститутка сравнивается с мясом на прилавке, на что художник заметил: "...звонкий ритм красочных слов являет мне яркую и живую картину притона" (5, 334). В одном из социальных диалектов сербскохорватского языка находим такую же параллель — притон, место сбора проституток, получившее название месара (в литературном языке — "мясная лавка"). Эту же метафору передает языком кинематографа О.Иоселиани в фильме "Фавориты луны".

Для лингвопроектирования небезытересны поиски неопрессионистами логического схематизирования в передаче реальности. Картина создавалась с помощью наложения "однозначных" точек, т.е. чистого цвета, одинаковой формы и величины. Дальнейшие разработки этого метода в живописи привели к абстрактной ирреальности. Этот опыт должен послужить еще одним доказательством нерезультативности логического направления как в живописи, так и в лингвистике.

Метафора, которая в нашем случае рассматривается как компонент моделирования познания, является универсалией для двух типов деятельности мышления - речевой и изобразительной. Поиск универсалий разных форм мышления и их анализ поможет определить универсалии человеческого мышления и, следовательно, плановые языки можно будет создавать на базе образного мышления, более свойственного человеку. Что же касается коммуникативно реализованных языков, то это поможет более чутко управлять их эволюцией.

В связи с данной тематикой хочется затронуть еще один вопрос. В свое время А.А. Потебня, развивая во многом идеи В.Гумбольдта, отмечал значение образа, заложенного во внутренней форме слова, с гносеологической и эстетической точек зрения. При разработке своей концепции он большое внимание уделял изучению мифов, точнее раскрытию роли языка в создании мифов. Мифологическое мышление, согласно Потебне, присутствует "не одному какому-либо времени, в людям всех времен, стоящих на известной ступени развития мысли" (10, 433). Он выделял два вида мифов. Для нас определенный интерес представляет миф-сравнение, объясняющий предметы по аналогии. Должна ли интерлингвистика заниматься этим? Несомненно. Какова роль мифа, например, в произведениях Ч.Айтматова, пишущего на одном из международных этнических языков - русском и соединяющего тем самым традиции европейской и азиатской культур? Какова при этом степень реализации эстетической функции русским словом? Как Х.Кортасар в слове другого мирового языка - испанского добивается синтеза латиноамериканской и европейской культур? Таких вопросов появляется все больше и больше. Они должны и могут решаться интерлингвистикой в тесном сотрудничестве с искусствоведением, сравнительным литературоведением, сравнительном фольклористикой, какими их видел В.М. Жирмунский, с мастерами перевода, в контакте не только с социолингвистикой, но и этнолингвистикой. Объем проблематики к концу XX в. увеличивается по мере вы-

равнивания этнических языков и их перерастанием в языки литературные, при возрастании их количества и при этом все большей интернационализации сфер деятельности человека.

Л и т е р а т у р а

1. Бессарабова Н.Д. Метафора как языковое явление. - Значение и смысл слова. (Художественная речь, публицистика). М., 1987.
2. Бессонова О.М. Методологический анализ современных теорий метафоры. - Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. Новосибирск, 1986.
3. Бланке Д. Пазиграфия (международная смысловая письменность). - Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1976.
4. Герменевтика: история и современность. - М., 1985.
5. Дмитриева Н.А. Ван Гог. Человек и художник. - М., 1984.
6. Дмитриева Н.А. Изображение и слово. - М., 1962.
7. Кондильяк Э.Б. де. Сочинения в 3-х томах. Т. I. - М., 1980.
8. Кузнецов С.Н. Направления современной интерлингвистики. - М., 1984.
9. Лейбниц В. Сочинения в 4-х томах. Т.3. - М., 1984.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976.

ZUM PROBLEM DER SUCHE NACH UNIVERSALIEN VERSCHIEDENER DENKFORMEN FÜR MÖGLICHE SCHAFFUNG DER PLANSPRACHE

Sergei V. Tkačev

Im vorliegenden Artikel werden die Fragen der Assymetrie der Bildhaftigkeit und der Ausdrucksstärke im Wort behandelt. Es wird auch das Problem des Übergangs von der verbalen zu den nichtverbalen Denkformen, das als Folge die Metaphorität hat, angegriffen. Um das Wesen und die Rolle der Metapher in der Rede klarzustellen, wird die Parallele "Sprache-Malerei" unter Berücksichtigung der Entwicklungsgeschichte der internationalen Sinnschrift (Pasigraphie) analysiert.

Der Verfasser kommt zu dem Schluß, daß das Problem der Evolution der Plansprachen nur auf Grunde des ausdrucksvollen Denkens zu lösen ist. Daher ist es notwendig, einige Angaben der Ethnolinguistik, Kunstwissenschaft, vergleichender Folkloristik und Übersetzung in den Problemenkreis der Interlinguistik heranzuziehen.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ФОРМАЛИЗАЦИИ

О.В. Лещак

В чем мы на сегодняшний день видим сложности в интерлингвистике? Прежде всего в том, что для создания удовлетворительного планового языка пока нет достаточных научных предпосылок. Любой подобный язык должен ставить перед собой цель быть связующим звеном между представителями разных этнических коллективов. Следовательно, он должен стать средством универсального (по способу) оборота универсальной (по характеру) и н ф о р м а ц и и. Под оборотом информации понимаем создание, переработку и передачу информации, а также обратный процесс восприятия и расшифровки информации. Перед создателями планового языка стоит задача объединить людей (т.е. создать универсальное, а не идеальное средство общения).

Из трех требований, выдвигаемых интерлингвистикой к плановому языку - международность, однозначность и обратимость (I3, I20), мы считаем, что можно претендовать (во всяком случае пока) только на международность. Два другие требования несвойственны ни одному из существующих этнических языков. Следовательно, необратимость и полифункциональность знаков-звукорядов являются необходимыми и отличительными признаками человеческого языка как такового. Что же касается международной, то в силу доминирования в интерлингвистике описательных методов, многими этот термин понимается как международный характер звукорядов. Мы же считаем, что целесообразней под "международностью" понимать универсальность семантическую, фонетическую, грамматическую и т.д.

Оборот информации состоит из трех основных частей: образования информации, усвоения-для-себя и передачи/приема. Соответственно можно выделить три составные оборота информации - мышление, внутреннюю речь (или вербальное мышление) и внешнюю речь. Почти аналогичные взгляды находим у Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.А. Леонтьева, Н.Хомского, В.Матезиуса (I5, 8; I4, I2; I8, 342; см. также 6). Мышление осуществляется в форме невербальных суждений и умозаключений,

материалом для которых служит понятийная структура мышления (СМ). Идею невербальности человеческого мышления поддерживал Гегель, хотя и подчеркивал, что мысль, "лишь получив выражение в слове, приобретает ясность" (5, 273). Сходные мысли высказывают Д.И. Дубровский и В.А. Колеватов (9, 104; 11, 107). Внутренняя речь (вербальное мышление) осуществляется в форме синтаксических единиц глубинной структуры, а внешняя речь - в форме синтаксических единиц поверхностной структуры. Дихотомия "внутренняя-внешняя речь", последовательно проводимая современными нейро- и психолингвистами, встречается уже у И.А. Бодуэна де Куртене (3, 262). Материалом для построения синтаксических структур обоих уровней является язык, который наряду с СМ форсирует собственно информацию. Как СМ, так и язык состоят из категориальной и оперативной частей. Первая содержит объем информации, вторая содержит правила оформления данного объема. Так, в СМ выделяем категориальную структуру (КСМ) и оперативную структуру (ОСМ). КСМ - это комплекс понятий и представлений, в которых заключена вся воспроизводимая информация, а ОСМ - это правила ассоциативно-мыслительных операций, направленных на создание суждений и умозаключений, т.е. на создание новой информации. Соответственно язык расчленяется на лексический фонд и внутреннюю форму. В лексический фонд входят воспроизводимые языковые единицы - слова и фразеологизмы, а внутренняя форма языка представляет собой правила создания речевых единиц глубинной и поверхностной структур. Наше понимание внутренней формы языка близко пониманию ее И.А. Бодуэном де Куртене (2, 116) и В.Гумбольдтом (см. 7; 8). Из всего вышесказанного явствует, что процесс оборота информации представляет собой сложную систему отношений между СМ и языком, выражающихся схематически: мышление - внутренняя речь - внешняя речь - внутренняя речь - мышление. Реальность существования КСМ, ОСМ, лексического фонда и внутренней формы языка доказывается экспериментальными исследованиями психологов и нейролингвистов и хорошо иллюстрируется примерами афазий (1, 40-50; 15). Но многообразие оборота информации этим не ограничивается. Внешняя речь может быть в достаточной мере изучена только при раздельном изучении ее как речи-процесса и речи-результата (см. 16, 39). На сегодняшний день лингвистикой и близкими к ней науками более или менее исследованы лишь речь-результат и внутренняя форма языка, в значительно меньшей степени - речь-процесс и совсем мало - лексический фонд.

Что же касается внутренней речи, мышления, КСМ и ОСМ, то эти явления остаются пока весьма неясными и неизученными.

До сих пор в интерлингвистике в основном ставка делалась на изученные стороны оборота информации: речь-результат (напр., подбор интернационализмов) и внутреннюю форму языка (которую, как в случае с латино-сине-флексione, пытались во все свести к минимуму). Мы придерживаемся той точки зрения, что построить универсальный плановый язык будущего можно только на подлинно научной основе и при условии надлежащего уровня знаний о этническом языке как таковом. Только то может называться языком, что обладает всеми признаками этнического языка - динамичностью и статичностью одновременно, социальной и индивидуальной формой одновременно. Языком может быть только развивающаяся система, имеющая своим причинным источником развития речь, а вещественным источником развития - мышление. Поэтому для создания удовлетворительного планового языка необходимы серьезные совместные действия ученых самых разных отраслей языкознания - интерлингвистов, ономазиологов, психоллингвистов, социо- и нейролингвистов, а также представителей других направлений. И основным вопросом, который, по нашему представлению, должен интересовать интерлингвистику, является вопрос о взаимоотношении между единицами языка и структурой мышления, и, в частности, между словом и понятием.

Первый тезис, который мы выдвигаем в отношении языка и СМ, это тезис о производности лексического фонда языка от КСМ, а отсюда и признание производности единиц лексического фонда - слов от единиц КСМ - понятий. В.Гумбольдт писал, что "потребность в понятии и обусловленное этим стремление к его уяснению должна предшествовать слову..." (8, 57). Мы понимаем понятие как невербальное единство общего, особенного и единичного в объекте познания, ассоциативным пучком связывающее рациональные, образные и эмпирические знания о денотате. Понятие возникает как результат номинации в ходе познания денотата. Значение же лексической единицы вычленяется из понятия вследствие коммуникативной потребности, связанной с передачей знаний о денотате другому лицу. Если такой потребности нет, носитель языка может без каких-либо затруднений мыслить тот или иной предмет, явление и не знать, как его назвать. Значение лексической единицы представляет собой часть понятия, связанную с представлением об определенном звукоряде. Одно и то же понятие может образовывать ряд лек-

сических значений, соотносимых между собой как абсолютные синонимы.

Второе положение, выдвигаемое нами, — это наличие иерархии в КСМ и лексическом фонде языка, а отсюда и наличие иерархии в структуре их единиц (имеется ввиду информативная структура). Исходя из тезиса о понятии как единстве общего, особенного и единичного и опираясь на классификацию А.А. Уфимцевой (17, 43), определяем следующую структуру понятия (а, следовательно, и значения слова):

1. Категориальная часть (общее, представление о классе, указывающее на место данного понятия в парадигме). Это основной структурирующий элемент понятия, поскольку он выражает все то общее, что есть у данного понятия с другими понятиями. Именно изучение категориального компонента понятия может максимально приблизить интерлингвистику к нахождению универсалий категориальной структуры общечеловеческого социального мышления.

2. Сигнификативная часть (особенное, представление о сущности денотата). Эта часть понятия позволяет определить его как таковое, отличное от любого иного понятия. Нет двух понятий, обладающих одинаковой сигнификативной частью. Это централизующая часть понятия, в которой содержится информация о единстве всех парадигматических (категориальных) и синтагматических (референтных) признаков понятия, которое предопределяет функцию слова, производного от данного понятия. А раз так, то нет и двух слов, сигнификативные части значений которых были бы идентичными. Об этом же говорил и Н. Крушевский, указывая, что "никакое слово не может существовать в языке, если в том же языке существует другое слово с совершенно одинаковой функцией" (12, 103).

3. Референтная часть (единичное, набор ассоциативных признаков, коннотаций, образных, эмпирических элементов, одновременно и равноправно сосуществующих в данном понятии; данная часть понятия содержит информацию о синтагматических связях данного понятия с другими понятиями КСМ). При образовании значения лексической единицы из всего объема референтной части извлекается один или несколько признаков, которые становятся определяющими, мотивирующими для лексического значения. Мотивирующий признак определенным образом влияет на изменение семного набора референтной части лексического значения против референтной части соотносимого понятия. Ряд сем вообще исключается из референтной части; в то же время

появляется несколько новых сем, отсутствующих в понятии, от которого произошло данное лексическое значение: это сема соотношенности с определенным звукорядом, семы связи с различными моделями во внутренней форме языка, сема стилистической маркированности и др.

Третьим базовым положением, выдвигаемым нами, является тезис об изменяемости объема понятия, а соответственно, и производного от него лексического значения. Всякое изменение категориального компонента ведет к изменению места данной единицы в системе, следовательно, образует новую единицу. Поэтому изменение первого компонента понятия (лексического значения) не может рассматриваться как развитие понятия (лексического значения). Говоря о развитии, следует иметь в виду изменение семного набора референтной части, которое ведет к парадигматическим изменениям. Динамичный характер понятия и лексического значения был охарактеризован А. А. Потебней: "Обыкновенно человек вовсе не видит разницы между значением, которое он соединил с отдельным словом вчера и какое соединяет сегодня, и только воспоминание состояний, далеких от него по времени, может ему доказать, что смысл слова для него меняется" (цит. по: Ю, 138). Поэтому всякая претензия автора планового языка на замкнутость смысловых структур введенных им лексических единиц обречена на провал.

И последнее положение, которое непосредственно касается проблем формализации и создания плановых языков, — это признание универсальности КСМ и лексических фондов всех языков мира. Для создания соотносимых понятий необходим приблизительно одинаковый уровень развития культуры, социальных, производственных и пр. отношений, влияющих на формирование структуры мышления. При тщательном изучении ассоциативно-мотивирующих ходов, создающих лексическое значение в различных национальных языковых системах, можно выделить лексические универсалии для планового языка. Мы убеждены, что расхождения в лексических фондах разных языков, обнаруженные Сепиром и Уорфом, носят более темпоральный, чем принципиальный характер, так как сравнивались в основном языки народов, находящихся на несоотносимых уровнях развития. Мы полагаем, что та разница, которая имеет место в обороте информации представителей разных языковых социумов, в основном касается ОСМ и внутренней формы языка (см. 4, 36). Но и здесь можно найти достаточное для создания планового языка количество универсалий.

Всем вышесказанным мы хотели обратить внимание представителей интерлингвистики на ту неразрывную связь, которая существует между языком и мышлением и которой не удастся избежать при социализации любого планового языка. Поэтому для создания удовлетворительного универсального планового языка необходимо подвергнуть самому серьезному анализу все составные обороты информации в разных языковых социумах, для чего должны быть объединены усилия специалистов многих отраслей лингвистики.

Л и т е р а т у р а

1. Елумфилд Л. Язык. - М., 1968.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Подробная программа лекций в 1877-1878 уч. году - И.А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
3. Бодуэн де Куртене И.А. Человечество языка. - Там же.
4. Войтик Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы наименований животных). АҚД. - Алма-Ата, 1975.
5. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 3. - М.-Л., 1929-1959.
6. Грин Дж. Психолингвистика. Хомский и психология. - Д. Слобин, Дж. Грин. Психолингвистика. М., 1976.
7. Гумбольдт В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков. - В. Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985.
8. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. - В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
9. Дубровский Д.И. Существует ли внесловесная мысль? - Вопросы философии, М., 1977, № 9.
10. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - Ч. I. - М., 1964.
11. Колеватов В.А. Социальная память и познание. - М., 1984.
12. Крушевский Н. Счерк науки о языке. - Казань, 1883.
13. Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. - М., 1987.
14. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. - М., 1969.
15. Лурья А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. - М., 1975.

16. Торопцев И.С. Язык и речь. - Воронеж, 1985.
17. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. - М., 1974.
18. Mathesius V. My a skutečnost. - In: V. Mathesius. Jazyk, kultura a slovesnost. Praha, 1982.

INTERRILATOJ DE LA LINGVOUNUOJ KAJ PENSADO
KAJ PROBLEMOJ DE FORMALIZACIO

Oleg V. Leščák

En la nuna etapo de la interlingvistika evoluo aperis bezono unuigi la penojn de fakuloj pri ĉiuj lingvistikaj, socio-, psiko-, neŭrolingvistikaj, onomasiologiaj k.a. direktoj de la moderna scienco pri lingvo por solvi la mondajn teoriajn problemojn de planlingva kreado. Nur tiun planlingvon oni rajtas fakte trakti kiel lingvo, se ĝi enhavas ĉiujn universalojn de la natura lingvo. Ĉefa postulo al ĉiu lingvo kaj, sekve, al planlingvo estas ĝia ekzisto en socia kaj individua formo. La lasta estas signita per nerompebla interligo de lingvo kaj pensado. En artikolo estas antaŭigitaj kvar ĉefaj tezoj, kiuj karakterizas gravajn por interlingvistiko interrilatadojn de lingvounuoj kaj pensado:

- 1) Derivateco de unuoj de lingva leksika sistemo - de unuoj de kategoria strukturo de pensado.
- 2) Hierarkieco de noci-strukturo kaj senco de leksika unuo.
- 3) Varieco de unuoj de lingva leksika sistemo kaj kategoria strukturo de pensado.
- 4) Universaleco de lingva kaj pensada strukturoj.

ПЛАНОВЫЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК В ДИАЛОГЕ "ЧЕЛОВЕК-КОМПЬЮТЕР"

П. В. Секирин

Современные работы по интерлингвистике сосредотачиваются в основном на двух направлениях: с одной стороны - это совершенствование международного искусственного языка (всеобщего или вспомогательного), с другой - исследование развития процессов интернационализации этнических языков, их взаимодействия, развития, сближения. Оба эти аспекта важны при формировании новых направлений изучения плановых языков. Применение результатов и методов интерлингвистики (1; 2) может быть довольно плодотворным в прикладных направлениях языкознания, например, в инженерной лингвистике, в частности, при решении проблем, связанных с общением человека и компьютера.

Настоящий этап НР характеризуется так называемым информационным взрывом, который привел к бурному развитию промышленных систем обработки информации. Происходит также широкое внедрение компьютеров во все отрасли народного хозяйства и в повседневную жизнь. Эти процессы имеют огромный экономический эффект и, несомненно, все возрастающее социальное значение. В данных условиях возникает проблема обработки огромных баз данных и проблема общения с ЭВМ - на каких языках человечество будет овладевать все возрастающим потоком информации? Сейчас эти функции выполняют языки программирования, или формализованные языки, с ограниченным словарем и упрощенными (по сравнению с этническим языком) семантикой и синтаксисом. Применение этнического языка (ЭЯ) при общении человека с машиной открывает широкие перспективы в данной области, что будет способствовать как совершенствованию самих ЭВМ, так и расширению сферы их применения. Все более широкие слои пользователей получают доступ к компьютерам: представители гуманитарных наук, административного аппарата и т.д. При существующем многоязычии как естественных, так и искусственных языков необходимо направить усилия на создание универсальных, единых и в то же время реально возможных в ближайшем будущем средств общения.

В случае общения с ЭВМ на ЭЯ мы сталкиваемся прежде всего со следующей проблемой: каким образом будут соотноситься многозначность, нечеткость, "расплывчатость" ЭЯ с дискретностью, однозначностью машинного языка, машинного кода. Возможны различные подходы к решению этой проблемы: создание ограниченного ЭЯ, набор уточняющих вопросов, которые будет применять машина во время диалога; тем не менее во всех случаях происходит обработка компьютером "сырого" материала, поступающего в машину на ЭЯ по законам расположения материала в ЭВМ. При диалоге такого типа плановые языки, например, эсперанто, могут оказаться весьма полезными в качестве посредника (4, 293-305). Основные особенности эсперанто (2, 99-106) заключаются в интернациональности лексики, чрезвычайной простоте грамматики, инвариантности знаков, относительно небольшим (по сравнению с ЭЯ) количеством корней, развитым словообразованием. Все эти основополагающие принципы эсперанто значительно упрощают как обработку, так и организацию информации, представленной в такой лингвистической форме на ЭВМ.

При проектировании ЭВМ пятого и шестого поколения, общение с которыми будет проходить на ограниченном ЭЯ, возможно выделить следующие четыре главных принципа (3, 71): 1 - принцип интерактивной работы; 2 - принцип модульной архитектуры; 3 - принцип развития; 4 - принцип самостоятельного функционирования модулей. Рассмотрим эти принципы, когда в диалоге "человек-компьютер" или, более точно, "ЭЯ человека - искусственный язык (ИЯ) компьютера" появится третье звено: плановый язык, язык-посредник, то есть когда этот диалог приобретет форму "ЭЯ - плановый язык - ИЯ машины". В данном случае диалог, основанный на применении языка-посредника, будет полностью соответствовать вышеуказанным принципам, более того, в организации такого диалога имеется ряд преимуществ, на которых мы кратко остановимся.

Принцип интерактивной работы лингвистических автоматов (ЛА) заключается в правильном распределении функций между человеком и ЛА: автомат выполняет рутинную, механическую работу по аннотированию текстов, составлению различных словарей; человек выполняет более сложные функции, например, стилистическую правку текста. Второй принцип подразумевает составление ЛА из различных модулей, воспроизводящих различные аспекты речемыслительной деятельности человека. Предлагаемая нами схема ЛА будет включать 4 основных модуля: а) ввод ин-

формации на ЭЯ; б) перевод с ЭЯ на плановый язык; в) обработка информации на плановом языке как более четком и однозначном, чем ЭЯ; г) преобразование информации, представленной на плановом языке, в форме машинного кода. Третий принцип - построение ЛА в виде открытой системы, в которую можно подключать новые и обновлять старые модули, также согласуется с представленной нами схемой. Так, модуль, выполняющий функции перевода с ЭЯ на плановый язык, возможно заменять другими аналогичными модулями, воспринимающими информацию на другом ЭЯ. Это даст возможность общаться с ЭВМ на любом ЭЯ без изменений в принципах организации ЛА, в котором основная информация будет представлена на языке-посреднике и на ИЯ машины.

Принцип самостоятельной работы модулей дает возможность модулям функционировать самостоятельно, выполняя при этом различные виды автоматической переработки текста. В рассматриваемом нами ЛА возможно также осуществлять машинный перевод с одного ЭЯ на другой при помощи языка-посредника. Эта отрасль инженерной лингвистики получила название ДЛТ - Distributed Language Translation. Разрабатываемые системы перевода ДЛТ (5, 6, 7) используют банк данных на основе эсперанто. При работе над программой ДЛТ возникает ряд трудностей (5, I73; 7, III). Так, необходимо прибегать к достаточно сложным процедурам трансформационного анализа при переводе на эсперанто ряда английских пассивных конструкций, например: He was given a book - ŝi donis libron - Al ŝi donis libron - Libron donis al ŝi. Иногда слово одного языка при переводе необходимо заменять словосочетанием или целым придаточным предложением: hoffentlich (нем.) - espereble (эсп.) - I hope that (англ.). Однако, несмотря на трудности, данное направление использования эсперанто как языка-посредника представляется весьма перспективным. Кроме того, возможность общения с машиной на плановом языке будет стимулировать дальнейшее изучение этого языка.

Необходимо отметить, что сама сущность речевого общения, т.е. ситуативный, прагматический компонент диалога останется постоянным в любом случае, будет ли информация вводиться непосредственно на плановом языке или на одном из ЭЯ, из чего следует необходимость дальнейшей разработки теории речевой коммуникации. На диалог с машиной будут, несомненно, накладываться ограничения, например, ЭВМ не в состоянии воспринимать иронию, юмор, эмоции, а также практически безграничную метафоричность ЭЯ.

Для успешного выполнения плановым языком роли посредника в диалоге человека с компьютером необходимо более глубокое исследование плановых языков и в чисто лингвистическом плане, то есть изучение закономерностей их развития и функционирования, составление достаточно полных двуязычных словарей, дальнейшая работа в области теории перевода, в частности, перевода с плановых языков на ЭЯ.

Л и т е р а т у р а

1. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. - In: *Interlinguistica Tartuensis 1.* (Ученые записки ТартуУ. - Вып. 613). Тарту, 1982, с. 68-93.
2. Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. - М.: Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1987. - 207 с.
3. Пиотровский Р.Г. Лингвистические автоматы и машинный фонд русского языка. - Вопросы языкознания, М., 1987, № 4, с. 69-73.
4. Bolc L., Kochut K., Rylchik P., Stalkowsky T. *Naturlingua en Formretrova sistema DIALOG.* - In: *Perkomputila tekstoprilaboro.* Budapest: Scientia Eldona Centro, 1985, p. 293-305.
5. Schubert K. *Syntactic tree structures in DLT.* - Utrecht: BSO, 1986. - 211 p.
6. Tucker A., Nirenburg S. *Machine translation: A contemporary view.* - In: *Annual Review of Information, Science and Technology,* 1987, N 19, p. 129-160.
7. Witkam A. *DLT: Feasibility study of multilingual facility for videotext information networks.* - Utrecht: Buro vor Systeemontwikkeling. - 240 p.

THE INTERMEDIATE PLAN LANGUAGE AND THE PROBLEM OF HUMAN-COMPUTER INTERACTION

Petr V. Sekirin

The article deals with the problem of Esperanto as an intermedia intermediate language in the human-computer interaction. The results of interlinguistics open new horizons in this branch of applied linguistics. One of the main principles of the computer is the module organisation prin-

ciple, according to which different modules of a system can be replaced by other modules or can be used independently. Using the modules, translating from human language into Esperanto we reduce the polysemy of the input information thus making easier the data processing. One of the aspects of this problem is DLT(Distributed Language Translation) project in machine translation. The application of the interlinguistics in human-computer communication will also stimulate the further studies in the theory of Esperanto.

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА И ОБРАБОТКИ ЛЕКСИКИ ДЛЯ ПЛАНОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА

А.С. Мельников

Выбор лексики ПМЯ сопряжен с необходимостью решения целого ряда семантических проблем. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из краеугольных вопросов выбора лексики для ПМЯ является определение критериев членения действительности. Следует ли в ПМЯ использовать какие-то принципиально новые способы дискретизации окружающего мира (и каждой выделенной единице присваивать графико-фонетическую "этикетку") или опираться на уже имеющиеся в этнических языках прецеденты, лишь выбирая и уточняя своего рода лидеров всеобщего списка референтов и их словесных соответствий. По первому способу действовали и продолжают действовать сторонники так. наз. философских (априорных, логических) языков, которые делят весь мир на классы, подклассы и т.д. Отметим, по меньшей мере, два уязвимых места этой процедуры: 1) количество классов всегда конечно, а мир бесконечен; 2) классы определяются на основе состояния науки в данный конкретный момент времени, что резко затрудняет (или даже делает невозможной) эволюцию подобного языка при получении новых знаний, когда систему надо перестраивать (ср.: II, 20). По этим и по другим причинам (см., напр.: I2) априорные языки не прошли испытания практикой. Сторонники же эмпиризма и апостериоризма (а среди современных интерлингвистов их большинство) придерживаются иного принципа: они обычно находят более или менее интернациональную форму слова, а затем уточняют его значение. Возможен и другой, видимо, более сложный путь: инвентаризация общечеловеческих референтов, а затем закрепление за ними соответствующих слов. Аналогично определяется значение аффиксов.

Особого рассмотрения требует проблема использования элементов априорного членения действительности внутри апостериорных языков. Обратимся к конкретному примеру. В дискуссиях о географических названиях и связанных с ними словах Дж. Кул высказал мысль о целесообразности введения в эсперанто

специальных суффиксов для обозначения: гражданина какого-либо государства (в дополнение к уже имеющемуся суффиксу -ан- - житель, приверженец, член); языка или диалекта; жителя страны, который не является гражданином данного государства и не рожден в нем; сравнительно независимой области внутри государства; лица, рожденного в данной области. Резко выступая против этого предложения, болгарский интерлингвист В.Ольянов справедливо указывает на то, что данный список можно продолжать до бесконечности. Почему бы, например, не ввести суффикс для обозначения "человека, который в данном государстве родился, но больше там не живет, являясь тем не менее гражданином этого государства" или того, кто "родился в данном государстве, живет в нем, но не является его гражданином" и т.д.? Давая оценку конкретному предложению, В.Ольянов одновременно высказывает принципиально важную мысль, которая могла бы служить ориентиром при обсуждении целесообразности введения априорных элементов в апостериорный ПМЯ: все те эпизодические факты и явления мира, которые нам придется выражать словами чрезвычайно редко и которые выразимы существующими традиционными языковыми средствами, называть отдельными словами (и со специальными аффиксами) нет необходимости. Воздержаться от таких особенностей в ПМЯ призвал и президент Академии эсперанто А.Альбо (см.: 25, 9-10).

Известно, что пока еще даже сама принципиальная возможность успешного крупномасштабного полифункционального применения ПМЯ вызывает у многих людей сомнения (хотя 100-летняя практика эсперанто дает основания для того, чтобы убедиться не только в реальности, но и в частичной реализации указанной возможности). В связи с этим пропагандисты и практики ПМЯ смотрят на все новшества с позиции того, как на это могут прореагировать люди, не вовлеченные еще в ряды сторонников данного ПМЯ. Поскольку всякое радикальное новшество вызывает первоначально негативную психологическую реакцию у очень многих людей и поскольку в этнических языках дискретизация действительности по-новому пока неизвестна (следовательно, может возрасти трудность изучения данного ПМЯ: уменьшится узнаваемость его слов, апостериорность, интернациональность лексики), постольку новшества рассматриваемого типа могут оттолкнуть от ПМЯ потенциальных адептов. С ростом "индекса приемлемости ПМЯ" для широкой общественности значение рассматриваемого принципа будет падать. В целом отказ от введения в ПМЯ какой-то лексемы, морфемы, семантемы только

на том основании, что она не имеет аналога в этнических языках, был бы неоправданным. Если подобные априоризмы облегчают овладение ПМЯ и пользование им, если при этом увеличиваются функциональные возможности языка и растет адекватность языка целям коммуникации, познания и преобразования мира, новшество может быть принято. Простейший пример - слова, обозначающие реалии эсперанто, которые являются априорными (с точки зрения семантики) для всех этнических языков, но которые необходимы для описания эсперантской общности и жизни внутри нее.

Следующий спорный вопрос - какие референты (и сколько) следует выбрать за исходные при определении состава лексики ПМЯ на стадии лингвопроектирования. В дальнейшем, в случае превращения лингвопроекта в язык, этих слов обязательно окажется недостаточно. Но как определить тот словарный минимум, который необходим для начала процесса перехода проекта в язык? Какими возможностями роста словарного запаса надо его снабдить?

За ограничение лексикона ПМЯ выступал Э.Сепир; этот принцип применил в бейсик-инглише Ч.К. Огден (в его проекте всего 850 базовых слов). О достаточности для ПМЯ тысячи общих европейских слов говорили Д.Г. Бринтон и др. (см.: 18, 352.; 34, 140; 10, 29).

Если авторы подобных предложений считают, что указанный минимум вечен, то они тем самым выступают за язык с большим количеством многозначных слов и даже омонимов, за множество слов-описаний (блоков, состоящих из нескольких самостоятельных единиц, которые впоследствии, возможно, стали бы фразеологическими единицами).

В самом деле, в обиходе современного человека находится значительно более одной тысячи слов. Так, Д.Жуков утверждает, что образованный человек постоянно пользуется 3-5 тыс. слов, М.Пей - 10 тыс., Ю.С. Степанов определяет словарь культурного человека в 70-80 тыс. единиц бытового обихода, круга литературного чтения и терминов и от 4-5 до 20 тыс. фразеологических единиц (см.: 7, 58; 27, 452; 14, 27).

Трудно найти однозначную зависимость между количеством слов лингвопроекта и его коммуникативной (не)реализацией. Так, фиаско детища Э.Зидека под названием "Слован", наверно, можно объяснить, среди прочего, и скудостью его лексикона - в нем всего 440 коренных слов славянского происхождения (см.: 27, 440). Но ведь не получили признания и такие проекты, как

романид, адли, нео, словарь каждого из которых содержал по 20-25 тыс. единиц. С другой стороны, в первом словаре эсперанто было чуть больше 900 морфем, а им пользуются уже пять поколений, и настоящей конкуренции этому языку со стороны других ПМЯ пока нет. Правда, оценивая успех эсперанто, следует иметь в виду следующее. По данным Мааса, в эсперантском тексте на 25,5 тыс. слов приходится в среднем 2800 корней, т.е. каждый корень дает 12,6 производных слов (25). В таком случае первоначальный лексикон эсперанто следует оценить примерно в 10 тыс. слов, что соответствует требованию М.Пая (см. 27). Важно также, что корнеслов эсперанто активно рос. За семь первых лет существования эсперанто он увеличился примерно в три раза. В 1930 г. в первом издании "Plena Vortaro" содержалось уже около 7 тыс. корней, а в 1970 г. в "Plena ilustrita vortaro" - более 15 тыс. (34, 55; 28, IX-XI). Таким образом, за 83 года применения эсперанто его корнеслов вырос в 14-17 раз. Соответственно рос и запас слов. В целом богатство лексикона обеспечивалось внутренними возможностями языка (богатые ресурсы словообразования на основе имеющихся корней); адсорбцией новых корней; добавочной (или новой) семантизацией уже имеющихся слов.

Рассматривая вопрос о количестве и качестве исходных референтов, надо обратить внимание и на то, что в этнических языках имеются некоторые пропорции слов со строго определенной семантикой и с весьма расплывчатой. Должен ли ПМЯ быть в этом смысле отражением этнических прототипов?

Авторы проекта глоса считают, что это необязательно. Каждое слово глосы используется для выражения понятия и соответствует значению, присущему целой группе слов этнического языка. Точность же должна достигаться благодаря контексту и модифицирующим словам. В результате в словаре глосы 5 тыс. слов английского языка описываются всего 1 тыс. слов упомянутого ПМЯ. Аналогично каждое слово логлана переводится в среднем четырьмя английскими эквивалентами (17, 30; 20, III; 29, 3).

Расплывчатой семантикой неизбежно характеризуются слова ПМЯ, построенных по принципу упрощения этнического языка за счет сокращения "разрешенного лексикона".

Хотя Э.Сепир в некоторой степени прав, говоря, что словарь одного европейского языка проявляет тенденцию быть психологическим и культурным переводом словаря другого (30, 33), все же между европейскими культурами, а тем более языками,

есть существенные различия, которые вырастают до драматических размеров, если речь заходит о всех культурах Земли. Не случайно, хотя, на наш взгляд, излишне пессимистично, В.А. Звегинцев утверждал, что "семантические компоненты, вычленимые из лексикона конкретных языков, не могут быть универсальными" (8, 12). Какие-то универсалии, пригодные для практических целей, вычлениить все же можно. Иначе ставилась бы под сомнение сама возможность общения между носителями разных языков, что не соответствует реальности. Другое дело, что выделенные компоненты требуют дополнительной обработки, предваряющей их включение в систему ПМЯ.

Вопрос о выборе конкретных референтов сложен, по меньшей мере, из-за трех причин: 1) выбор референтов связан с дискретизацией континуальной действительности, следовательно, в данном случае неизбежен определенный субъективизм, а также значительное влияние родного (или изученного) этнического языка автора ПМЯ; 2) из-за чрезвычайно разнообразных условий жизни разных этнических групп для них важны разные референты (например, для жителей севера невозможно обойтись без слов, обозначающих снег, лед и т.п.; а для африканцев - это всего лишь третьестепенная экзотика);* 3) по политическим мотивам выбор наиболее важных референтов и слов у проводников разной идеологии будет неодинаковым (ср. для примера словари немецкого языка, выпускаемые в ГДР и ФРГ).

Практически вопрос о выборе референтов решался авторами ПМЯ по принципу "от формы - к значению", зачастую интуитивно и в соответствии с их собственными познаниями в области различных культур и связанными с этим симпатиями и антипатиями. Наиболее последовательно следовали принципу "от формы - к значению" авторы интерлингвы из Ассоциации международного вспомогательного языка (АМЗЯ). Для них решение проблемы выбора референтов вытекало из результатов экстракции общих для контрольных языков этого ПМЯ форм. Есть общая форма - определяется общий референт. Нет формы - референт остается без названия. Другой путь - выделение общечеловеческих референтов и закрепление за ними соответствующих слов - пока не вызвал достаточного интереса к себе. А вот выделением специальной лексики (из области фоновых знаний, реалий и т.п.)

* Один из примеров ненаучного выбора референтов - лексика бейсик-инглиша. В нее вошли "обезьяна, овца, сердце, картофель". Но, задает справедливый вопрос М.Пей, почему тогда не "лев, волк, печень" и др.? (27, 454).

мировая лингвистика занимается довольно активно (см., напр.: 2; 3; 5; 26 и др.). В то же время проблема усвоения такой лексики ПМЯ обычно обходится стороной. Во всяком случае, система передачи реалий и подобных слов этнических языков в ПМЯ еще не разработана, хотя "интернациональных экзотизмов" в ПМЯ может скопиться довольно много (ведь ПМЯ мыслится как язык для всех народов, значит в нем должны отражаться реалии всех культур) - пример тому язык эсперанто.

Определение конкретных границ семантики избранных референтов - вопрос тоже непростой. При этом основываются, как минимум, на одном из трех значений слова: 1) существующем в языке, из которого данная форма заимствована; 2) соответствующем историческому этимону слова; 3) вытекающем из собственной системы организации семантических полей ПМЯ. Рассмотрим все три варианта.

В первом случае нас ожидают следующие проблемы:

1. В каждом этническом языке, из которого берется слово, имеются свои семантические поля. Мы как бы вырываем из этих полей отдельные "куски". А в ПМЯ "обломки" должны составить цельную систему. Но без специальной обработки исходного материала это невозможно, так как "семантические куски" взяты из разных языков и "не подогнаны друг к другу".

2. Невыводимы из этнических языков значения слов ПМЯ, описывающих специфические реалии, навеянные соответствующим движением за ПМЯ (об эсперантских реалиях см.: 9; 26).

3. При манипуляциях с международными словами следует учитывать семантику данного слова во всех языках, где имеется аналогичная форма. Но в том-то и дело, что полное соответствие семантики слов, имеющих сходную форму, встречается очень редко. Показательна в этом смысле позиция лингвистов из АМВЯ. Они считали семантически международными лишь те слова, которые имеют аналогичное значение (при сходстве формы), по крайней мере, в трех контрольных языках. Поэтому слово *planger*, например, в словаре интерлингвы не приводится, хотя близкие формы этого слова имеются в итальянском, испанском, французском, архаичном и диалектном английском - *piangere*, *planir*, *plaindre*, *to plain*, - в каждом из них исходное латинское значение развивалось сугубо индивидуально. А вот значение фразеологизма *planger se de*, имеющего семантические соответствия в трех контрольных языках, в словаре зафиксировано (22, XXXIX-XL).

Стремление найти соответствия словам ПМЯ (в синтезе их

формы и содержания) в возможно большем количестве этнических языков некоторыми исследователями даже осуждается. Так, И. Сердахеи писал: "ДЕФИРС-кампания^{*} была не только фальсификацией, но еще и опасностью: она заставляла лиц, пользующихся эсперанто, поверить в то, что эсперантское слово совпадает со своим этимоном не только по форме, но и по содержанию, и что это совпадение, якобы, является каким-то ценным качеством языка". Эта дезинформация имела, по мнению Сердахеи, двойной эффект: ошибки в некоторых двуязычных словарях и порождение так наз. натуралистического течения, стремящегося как можно более достоверно имитировать этнические языки (33, 314). Мысль И. Сердахеи об опасности полной адекватности семантики формально сходных слов этнических языков и ПМЯ (в частности, эсперанто) можно только поддержать. (На практике из этого следует, кроме всего прочего, необходимость тщательного учета слов, называемых "ложными друзьями переводчиков".) А вот мнение о том, что совпадение с этимоном из этнического языка не является ценным качеством ПМЯ, весьма спорно. С социолингвистической точки зрения адекватность слов ПМЯ и этнического языка способствует большей приемлемости данного языка для соответствующей этнической группы. Ср., например, наблюдение, относящееся к решению языковых проблем Западной Африки, но сохраняющее свою силу и в случае ПМЯ: "научно установленный факт генетического родства языков (даже в случае очень далекого родства) может быть использован как вспомогательный аргумент в языковой политике, особенно если она проводится под лозунгом консолидации и интеграции"^{**} (4, 51). Совпадение значения слова ПМЯ с этимоном из этнического языка можно считать одним из аспектов генетического родства (хотя в применении к ПМЯ границы генетического, типологического и генетико-типологического родства с этническими языками весьма нечетки (ср.: 6, 108)). Интересно, однако, что исследователи призывают не переоценивать значение коммуникативной открытости идиомов, так как в случае отсутствия общепринятых речевых норм (это весьма акту-

* ДЕФИРС - символ принципа международной лексики. Аббревиатура составлена из начальных букв названий контрольных языков, использованных при составлении словаря языка идо: немецкого, английского, французского, итальянского, русского, испанского (10, 40).

** Ср. также вывод А.И. Холмогорова о том, что наибольшее распространение в качестве языка межнационального общения в СССР русский язык получил среди носителей генетически близких славянских языков (16, 125).

ная проблема и для ПМЯ) общение на уровне спорадических контактов индивидуумов ведет к ощущению дискомфорта, а на общесоциальном уровне может послужить причиной коммуникативного конфликта, когда носители двух коммуникативных открытых систем предпочитают общаться на каком-то третьем языке (возможно, даже, "закрытой" для двух рассматриваемых идиомов системе) (см.: 4, 51). Практика эсперанто показала, что генетическое родство лексики имеет определенное значение, но не является решающим при определении перспектив ПМЯ в данном этносе. Более важна позиция и сила соответствующего правительства и общественных организаций (значит, и общественного строя), распространенность и потенциальные возможности родного языка стать международным. Так, лексика эсперанто французам гораздо ближе, чем венграм. Но поддержка этого движения правительством и общественными организациями Венгрии несравнимо больше, чем во Франции. Венгры не могут рассчитывать на значительное увеличение роли их языка в международной жизни и "из двух зол" выбирают меньшее (эсперанто для них все же лучше, чем любой этнический). Франция же предпочитает способствовать распространению собственного языка.

Еще один побочный социолингвистический результат слишком большой близости лексики ПМЯ и словаря этнического языка — уменьшение экономической, политической и культурной нейтральности ПМЯ.

С лингвистической точки зрения адекватность слов ПМЯ и соответствующих этимонов оправдывается принципом легкости ПМЯ, но при условии, что в целом для всех изучающих и пользующихся данным ПМЯ легкость его, насколько это возможно, одинакова. Приведенные выше аргументы действительны только в тот период, когда ПМЯ еще не является общепринятым и даже общеприемлемым.

Рассмотрим теперь возможности определения значения слов через категорию исторического этимона.

При обсуждении проблемы выбора лексики для интерлингвы А.Гюд приводит примеры слов, имевших в латыни один и тот же прототип, но постепенно утеревших очевидную континуальность полярных значений. В таких случаях А.Гюд предлагает рассматривать соответствующие лексические ряды не как представителей одной семьи, а как совершенно несвязанные между собой группы, основной корень которых отличается и по форме, и по содержанию. Например: *sausa*, *soza* (< лат. *causa*), *resar*, *pensar* (< лат. *pendere*) (22, XXXIV—XXXV). Таким обра-

зом, А.Гуд опирается в данном случае не на историческое значение этимона, а на его нынешнее значение в этнических контрольных языках. Судя по всему, данный пример - не исключение, а выражение общетеоретических позиций А.Гуда.

Х.Джейкоб также справедливо считает, что историческое происхождение слова не имеет большого значения. В доказательство этого он приводит списки слов, взятых Р.Берже из окциденталя: *generar, generator, generation, generativ* и др. Для неспециалистов многие из этих слов воспринимаются совершенно независимо друг от друга (24, 96). А раз так, продолжим мы, и раз ПМЯ предназначен отнюдь не только для специалистов-лингвистов, то в соответствии с принципом легкости ПМЯ историческое значение этимона не может играть решающую роль при определении семантики слов ПМЯ: легкость опознания и воспроизведения при этом не увеличивается, а вот омонимия может расти.

Подытоживая все вышесказанное, приходим к выводу, что ни ориентация на значение слова в языке-источнике, ни критерий соответствия историческому этимону не могут быть определяющими при фиксации семантики слов ПМЯ. Главную роль должна играть в этом случае собственная система семантических полей ПМЯ (разумеется, с учетом значения аналогичных слов в языках-источниках или контрольных языках). Рассмотрим воплощение этого принципа в жизнь на примере эсперанто. Слово *horloĝo* (часы) заимствовано из французского (туда оно, в свою очередь, попало из латыни и греческого), в котором оно означает большие часы. В эсперанто же за этим словом закрепилось значение "любые часы". Поэтому, если мы вслед за И.Сердахеи составим таблицу слов, обозначающих разного рода часы, на эсперанто, французском, русском, немецком и венгерском языках, то окажется, что из семи рассмотренных случаев обозначения разного вида часов аналогия *horloĝo - horloge* появляется только два раза, а в венгерском языке параллельно все семь случаев (хотя форма в венгерском языке значительно отличается от эсперантской) (33, 315). Правда, из того, что семь видов часов называются в эсперанто и венгерском аналогично, нельзя еще сделать вывода, что семантика этих слов в данных языках полностью совпадает. Ведь венгерское *óra* имеет, в отличие от эсп. *horloĝo* еще и значения "час", "урок". Кроме того, мы совершенно не рассматривали метафорическое и фразеологическое употребление соответствующих слов в каждом из языков.

Подобное явление обнаружил М. Дюк Гонинас. Эсп. *facila* (легкий) совпадает со своим французским источником лишь частично (например, в ПМЯ отсутствует значение "легкий по весу"). Также частично оно совпадает с семантикой эквивалентного русского слова, но полностью не совпадает ни с одним из них (21, 84).

Расхождения могут иметь место не только в семантике коренных слов, но и в дериватах. Так, эсп. *chevalito* (конек; маленькая лошадь; что-то любимое) во втором значении обусловлено, видимо, влиянием семантики соответствующего слова в русском языке (возможно, в некоторой степени также и английского *hobby-horse*, немецкого *Steckenpferd* и др.), но не французским производным от *cheval*, послужившим прототипом для эсперантского корня (см.: 32, 9).

Таким образом, в эсперанто из семантики слова языка-источника извлекается лишь некоторая часть семантических долей (как правило, самая существенная). При необходимости к ним присоединяются новые доли (для обеспечения непрерывности семантического поля ПМЯ или для обозначения новых референтов). Собственная система складывается в отношении дериватов и сложных слов.

В случае приоритетности собственной системы семантической организации ПМЯ сравнительно легко решаются проблемы выражения специфических семантических долей, характерных только для данного ПМЯ, а также вопросы своеобразного наименования референтов, общих для ПМЯ и других культур. Так, для обозначения специфических только для эсперантского квазианноса референтов использовались следующие возможности. К старой форме и старому значению добавлялась еще одна семантическая доля, характерная только для эсперантистов. Она могла быть мотивированной (например: *samideo* - дословно "единотысленник", впоследствии специальная форма обращения эсперантистов) или немотивированной (например: *krokodilo* - дословно "крокодил", впоследствии "тот, кто будучи среди эсперантистов, говорит на своем родном языке"). Авторство сугубо эсперантских долей иногда можно обнаружить. Так, по утверждению некоторых, слово *krokodilo* приобрело дополнительное значение благодаря инициативе Н.Феррари (*Heroldo de Esperanto, Madrid, 1983, N 5, p. 4; N 9, p. 4*).

Для обозначения чисто эсперантских реалий использовались также новые формы. Так, из эсперантского псевдонима К.Бейна (*Kabe*) образовано слово *kabel* - "в разгар своей эсперантской

карьеру неожиданно покидать эсперанто-движение без всяких видимых причин"; из эсперантских суффиксов *-it-*, *-at-* образовано название сторонников видовой (соответственно - временной) трактовки сложных форм типа *esti* + страдательное причастие". На практике первые используют в упомянутых сложных формах причастие с суффиксом *-it-*, а вторые - *-at-*. Отсюда названия сторонников соответствующих взглядов - *itistoj*, *atistoj*. (Специально об этом см. работу В.А. Корнилова в настоящем сборнике). Информация об этих спорах стала фоновыми знаниями типичного эсперантиста, см.: (26).

Возможность появления чисто эсперантских слов для обозначения общих с другими культурами референтов обусловлена и принципиальным неприятием исключений в системе эсперанто. Немецкий ученый Г.Ф. Майер, который описал примерно 4 тыс. языков (сорока из них он в разной степени владеет сам) отмечает, что не существует этнических языков, которые могут производить уменьшительные и увеличительные слова от всех существительных, прилагательных и глаголов. А в эсперанто подобная возможность не вызывает у его носителей ни малейшего удивления (*Der Esperantist*, Berlin, 1984, N 5).

Дополнительные семантические доли возникают также вследствие оценочных характеристик слова, свойственных только эсперантоговорящим. Если о языке какого-то произведения говорят *fundamenta*, *zamenhafa*, это эквивалентно оценке "классический, правильный, достойный подражания, хороший" и т.п.

Кстати, о проблеме коннотации в ПМЯ. На этот счет имеются совершенно противоположные мнения. Э.Вилборг, например, считает, что в словарях не должно быть места формированию мнения пользующегося той или иной лексемой, - только определение, которое дало бы возможность хорошо усвоить разницу между данным словом и его соседом (*Fokuse*, Göteborg, 1972, № 9, p. 3), т.е. он призывает не закреплять коннотации в словаре. Впрочем, возможно, он имеет в виду так наз. многоакцентные слова (о них см.: I3, 63), идиостили и т.п. Мы же ведем речь о коннотациях, общих для "типичных эсперантистов" (определение см.: 26, 99) и подобных квазиэтн. Отсутствие "контаминации" с собственной или другой культурой (т.е. определенных коннотаций) считает заслугой своего проекта автор логлана Дж.К. Браун (I9, 3 и др.).

Думается, однако, что нежелательность коннотаций в ПМЯ ошибочна. Скорее прав Э.Хауген, который говорит, что "адекватность языка возрастает не только за счет разветвленной

научной и философской терминологии, но и за счет развития средств эмоциональной и поэтической выразительности" (15, 461), где роль коннотаций очень велика. Впрочем, суть вопроса в том, на какие функции претендует ПМЯ. Автор логлана, например, сразу отказывается от использования этого языка в литературе. Отсюда и его стремление к ликвидации коннотации. А вот английская исследовательница М. Хаглер считает, что коннотации в эсперантских словах - это достоинство данного языка, так как их наличие является одной из предпосылок использования эсперанто как языка художественного творчества (23, 166).

Но каковы источники коннотаций эсперанто (а на его примере и других ПМЯ)? Прежде всего, это коннотации, характерные для той культуры, которая послужила основным источником слов ПМЯ, для эсперанто - это индоевропейские ассоциации и традиции (23, 166). Кроме того, богатый источник коннотаций - социальное движение за принятие эсперанто (в частности, литературный фонд в оригинале и переводе, пословицы на эсперанто, принадлежащие общему фонду европейской культуры или созданные Л. Заменгофом, крылатые слова и т.д.). Как показывает практика, прежде чем человечество согласится на массовое использование того или иного средства общения, оно должно убедиться в его практической пригодности. Значит, существование организованного движения за принятие ПМЯ неминуемо предшествует его массовому признанию. Следовательно, значение подобного движения как источника коннотаций может быть очень велико, особенно если оно растягивается на несколько поколений.

Проблема полисемии нами уже затрагивалась (см.: 12). Рамки статьи не позволяют нам остановиться на таких вопросах, как принцип однозначного соответствия между означаемым и знаком, роль ассоциаций, а в этой связи - метонимии, метафоры, синонимизации и появления в ПМЯ неологизмов. Оставляем это для другого случая.

Резюмируя все сказанное ранее, отметим, что в решении семантических проблем ПМЯ, все еще очень много неясного. Поэтому не утратило актуальности следующее, более чем 30-летней давности, заявление Е.А. Бокарева и О.С. Ахмановой: "проблема выделения, инвентаризации и классификации всех значений и сознания еще далека от разрешения. Отсюда недостатки и непоследовательности в проектах международных языков" (1, 71-72).

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С., Бонарев Е.А. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. - Вопросы языкознания, М., 1956, № 6.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М.: Изд-во МГУ, 1973 (и переизд.).
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. - М.: Русский язык, 1980.
4. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология. Западная Африка. - М.: Наука, 1984.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Международные отношения, 1980 (и переизд.).
6. Дуличенко А.Д. Несколько слов по поводу статьи Б.Г. Колкера "Вклад русского языка в структуру эсперанто". - In: *Interlinguistica Tartuensis* 3. История и современное состояние интерлингвистики. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 671). Тарту, 1984.
7. Жуков Д.А. Мы - переводчики. - М.: Знание, 1975.
8. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий. - В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. - М.: Прогресс, 1981.
9. Корнилов В.А. Лингвострановедческая теория слова и апостериорные языки. - In: *Interlinguistica Tartuensis* I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982.
10. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. - М., 1982.
11. Кузнецов С.Н. Развитие планового языка. - В сб.: Плановые языки: итоги и перспективы... Тарту, 1988.
12. Мельников А.С. К вопросу о логизме в лингвопроектировании. - In: *Interlinguistica Tartuensis* 5. Интерлингвистическая теория и практика международного вспомогательного языка. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 791). Тарту, 1988.
13. Современная идеологическая борьба и проблемы языка. - М.: Наука, 1984.

14. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М.: Просвещение, 1975.
15. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование. - В сб.: Новое в лингвистике. Вып. VII. - М., 1975.
16. Холмогоров А.И. Научное управление языковой жизнью народов СССР. - В сб.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. - М.: Наука, 1981.
17. (Ashby W., Clark R.) English-Glosa 1000: Examples. - Richmond, 1984.
18. Brinton D.G., Philipps H., Snyder M.B. The scientific value of Volapük. - In: 'Nature, 1888, 9 August.
19. Brown J.C. Loglan 1: a logical language. 3-d ed. - Gainesville, Palm-springs: The Loglan Institute Inc., 1975.
20. Brown J.C. Loglan 4 & 5: a Loglan-English/English-Loglan Dictionary. 2-d ed. - Gainesville, Palm-Springs: The Loglan Institute Inc., 1975.
21. Duc Goninaz M. Pri la influo de la slavaj lingvoj el leksikologia vidpunkto. - In: Interlingvistiko kaj esperantologio. - Sofio, 1985.
22. Gode A. Introduction. - In: Interlingua-English Dictionary. 2-nd ed. - New York, 1971.
23. Hagler M.G. The Esperanto Language as a Literary Medium. - Indiana, 1971.
24. Jacob H. A Planned Auxiliary Language. - London, 1947.
25. Maas H.D. Kvanta karakterizo de vortara riĉeco de tekstoj. - In: Sciencia revuo, Beograd, 1973, n-ro 2/3 (100/101).
26. Melnikov A. Specifeco de fonaj scioj de la personoj uzantaj Esperanton. - In: Acta Interlinguistica. 12-a sciencia interlingvistika simpozio. Varsovio, 27.04. - 01.05.1984 j. - Varsovio, 1985.
27. Pei M. The Story of Language. - New York, 1966.
28. Plena Ilustrita Vortaro de Esperanto. (Ĉef. red. G. Waringhien). - Paris, 1970 (2-a eld. - 1976, 3-a - 1981).
29. Flu Glosa Nota, Richmond, numera 17.
30. Sapir E. Language. - In: Culture, Language and Personality. Berkely University of California Press, 1960.
31. Sapir E., u.s.a. Memorandum zum Problem einer internationalen Hilfsp Sprachen a.d. Englischen. - In: Plansprachen. Beitrage zur Interlinguistik. Red. Hauptenthal R. - Darmstadt, 1976.

32. Szerdahelyi I. Vorto kaj vortelemento en Esperanto. - Kuopio, 1976.
33. Szerdahelyi I. Signo, signifo, signifo-integrado. - In: Li kaj Ni. Festlibro por la 80-a naskiĝtago de Gaston Waringhien (1901- - 29 Julio - 1981). Reinhard Haupenthal (ed.). - Antverpeno/ La Laguna, (1985).
34. Wells J. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rotterdam: Centro de Esploro kaj Dokumentado pri la Monda Lingvo- Problemo (UEA), 1978.

KELKAJ SEMANTIKAJ PROBLEMOJ KONCERNE ELEKTON KAJ
PRILABORON DE LEKSIKO POR INTERNACIA PLANLINGVO

Aleksandr S. Melnikov

En la artikolo estas traktataj jenaj problemoj: 1) kiel diskretigi la eksterlingvan realaĵon por kompili leksikonon de internacia planlingvo (IPL); ĉu eblas aposterioraj elementoj en dismembrigo de la realaĵo interne de aposteriora IPL; 2) kiajn realaĵojn (kaj en kia minimuma kvanto) necesas elekti por lingvoprojekto; ĉu ekzistas korelacio inter ilia kvanto kaj (mal)-sukceso de la projekto; 3) ĉu devas esti (kaj se jes, kiaj) proporcioj de vortoj kun strikte difinita kaj loza signifo; 4) kio estu la ĉefa kriterio por atribuo de certa senco al vortoj de IPL: ĉu la signifo en la originlingvo, en la historia etimo, en la propra semantika sistemo de la IPL.

К ПРОБЛЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ИСКУССТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

В. П. Губарев

Наименее изученной в интерлингвистике является проблема фразеологии, в частности, вопрос фразеологического конструирования в международном искусственном языке (МИЯ).

Опираясь на результаты исследования фразеологических фондов этнических языков, оказалось возможным проникнуть в суть общего механизма возникновения фразеологических единиц (ФЕ) этих языков и конструирования фразеологизмов МИЯ. В общелингвистическом плане данная проблема органически связана с проблемой фразеологических универсалий в этнических языках.

В аспекте генезиса фразеологии МИЯ могут быть выделены два основных источника возникновения фразеологического фонда МИЯ:

1. Создатель МИЯ является и автором его фразеологии, т.е. наряду с лексикой и грамматикой МИЯ, он создает и основы его фразеологического фонда* (ср. "Proverbaro Esperanta" Л.Заменгофа).

2. Новые ФЕ зарождаются в сфере носителей МИЯ (в устной и письменной речи) вначале как окказиональные, индивидуально-авторские образования, а затем, с течением времени, приобретают известное распространение в языковом сообществе, т.е. статус узувальной единицы. При этом, как и в этнических языках, установить конкретного автора той или иной ФЕ обычно не представляется возможным.

Анализ фактического материала позволяет предположить, что развитие фразеологического фонда МИЯ может пойти по двум основным направлениям:

а) образование новых ФЕ, обусловленное потребностями

* Именно основы фразеологического фонда, поскольку в дальнейшем фразеологическая система МИЯ начинает развиваться самостоятельно, утрачивая старые или приобретая новые ФЕ уже независимо от создателя МИЯ.

языковой номинации, по фразеологическим моделям, представляющим собой универсальные механизмы образования и функционирования ФЕ в этнических языках и пригодных для МИЯ;

б) образование новых ФЕ по внутренним механизмам фразеобразования МИЯ, не имеющим аналогов в этнических языках.

В настоящее время в качестве основной тенденции развития фразеологического состава языков рассматривается тенденция к регулярности. При этом под регулярностью целесообразно понимать закономерно повторяющуюся, упорядоченную экспликацию какого-либо лингвистического феномена в системе языка. Таким образом, фразеологические модели в целом — это инварианты тех или иных субстанциональных или релятивных характеристик ряда ФЕ, находящихся в парадигматических и/или деривационных отношениях. Являясь моделями порождения в МИЯ, они могут носить как статический, так и динамический характер, обладать разной степенью продуктивности.

Для лингвоконструирования фразеологии в МИЯ представляются релевантными следующие основные типы фразеологических моделей:

1) синтаксические модели, отражающие структурную организацию фразеологизмов как сочетаний слов, ср.: "существительное+глагол", "прилагательное+существительное";

2) логико-семантические модели, отражающие тот или иной принцип логико-семантической организации ФЕ, например: антитеза, сравнение, алогизм и их разновидности;

3) мотивационные модели, передающие инвариант внутренней формы ряда ФЕ, в обобщенном виде фиксирующий какой-либо дифференциальный признак объекта номинации и положенный в основу нескольких раздельнооформленных наименований данного объекта;

4) структурно-семантические модели, т.е. инварианты синтаксической структуры, внутренней формы, актуального значения соотносимых компонентов и глобальной семантики ряда ФЕ, конституирующих одну фразеологическую микросерию;

5) деривационные модели, отражающие процессы фразеологической деривации, т.е. образования новых ФЕ на базе уже существующих, в общем виде: $ФЕ_1 (+ФЕ_2) \rightarrow ФЕ_3$;

6) номинационные модели, отражающие денотативно-референциальные инварианты ряда ФЕ и репрезентирующие основные типы объектов фразеологической номинации в МИЯ, ср. модели глагольных ФЕ: "процесс+место", "процесс+способ", "процесс+время", "процесс+причина" (1).

В качестве универсальной фразеологической модели может быть названа мотивационная модель "стоять одной ногой в могиле" со значением "доживать свою жизнь", релевантная для русского, английского (have one foot in the grave), немецкого (mit einem Fuß im Grabe stehen), литовского (viena koja karste stovėti) и других языков. Ср. также эсп. *havi varman lokon*, нем. *ein warmes Nest haben*, рус. "иметь теплое гнездышко" с общим значением "быть хорошо устроенным".

В значительной степени универсальными типами деривационных (т.е. производящих) баз фразообразования в этнических языках (русском, английском, немецком, французском, литовском и др.) являются отдельные лексемы, переменные словосочетания и предложения, наличные ФЕ, а универсальными семантическими механизмами фразообразования – метафоризация, метонимизация и абстрагирование от регулярной семантики деривационной базы (2-7).

Как показывает анализ фактического материала применительно к МИЯ, например, эсперанто, релевантными типами деривационных баз ФЕ являются отдельные лексемы и переменные словосочетания, подвергающиеся семантической трансформации (метафорической или метонимической) и/или абстрагированию, что обусловлено генезисом, функциями и структурно-семантическими особенностями МИЯ.

Л и т е р а т у р а

1. Губарев В.П. К типологии фразеологических моделей. – Филологические науки, М., 1985, № 4, с. 65-68.
2. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1977, с. 184.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
4. Чернышева И.И. Устойчивые словесные комплексы в языке и речи (на материале немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1980. – 141 с.
5. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
6. Губарев В.П. К проблеме регулярности образования и функционирования фразеологизмов. – В сб.: Проблемы семантики русского языка. Ярославль, 1986, с. 47-53.
7. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.

ZUM PROBLEM DER PHRASEOLOGISCHEN KONSTRUIERUNG IN DER
INTERNATIONALEN KÜNSTLICHEN SPRACHE

Wladimir P. Gubarew

Im genetischen Aspekt werden zwei Hauptwege der Entstehung des phraseologischen Bestandes in der internationalen künstlichen Sprache (IKS) festgestellt:

1. Verfasser der IKS ist auch Autor ihrer Phraseologie (vgl. "Proverbaró" von L. Samenhof).
2. Neue phraseologische Fügungen entstehen in der IKS zuerst als okkasionelle Einmalbildungen (in mündlicher oder schriftlicher Form), einen gewissen Zeitraum später erhalten sie den Status der usuellen Spracheinheiten.

Die Entwicklung des phraseologischen Bestandes der IKS kann in zwei Hauptrichtungen vor sich gehen:

- a) Bildung neuer Phraseologismen nach phraseologischen Modellen, die universelle Mechanismen der Bildung und Aktualisierung fester Wortkomplexe sowohl in ethnischen als auch in künstlichen Sprachen darstellen;
- b) Bildung neuer Phraseologismen nach inneren Mechanismen der Phrasenbildung der IKS, die keine Analoga in ethnischen Sprachen aufweisen.

Zur Zeit betrachtet man als Haupttrend der Entwicklung des phraseologischen Bestandes der Sprachen die Tendenz zur Regularität (Modellierbarkeit). Es erscheint sinnvoll, für phraseologische Konstruierung in der IKS folgende Typen von phraseologischen Modellen auszusondern: 1) syntaktische Modelle; 2) logisch - semantische Modelle; 3) Motivationsmodelle; 4) strukturell - semantische Modelle; 5) Derivationsmodelle; 6) Nominationsmodelle.

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ СОЗДАНИЯ ПЛАНОВЫХ ЯЗЫКОВ

Д. Бланке

0. Введение. Иногда высказывают мнение о том, что авторы плановых языков создали свои проекты главным образом для облегчения международного языкового общения на нейтральной языковой базе. При более близком рассмотрении истории создания плановых языков следует констатировать, что мотивы, которые использовались авторами для создания, публикации и пропаганды своих проектов, были весьма различны, иногда очень контрастны. Можно было бы упомянуть между прочим следующие мотивы:

- а) стремление реализовать в проекте конкретные лингво-философские концепции,
- б) в целом облегчить международные отношения с помощью языкового средства,
- в) добиться определенных социальных изменений путем введения международного языка (пацифистско-гуманитарные, националистические или даже империалистические изменения),
- г) познакомиться в международном плане с полезным производением (психологический мотив),
- д) просто играть языковыми элементами и структурами.

Конечно, можно было бы упомянуть менее важные мотивы у отдельных авторов, хотя у определенного автора всегда действуют один — два главных мотива, однако в целом взаимодействуют несколько.

Мы хотим осветить несколько лингвофилософских и идеологических мотивов и показать, что конкретный этнолингвистический материал планового языка или его структуры определяются также философски и идеологически.

I. Лингвофилософские мотивы

I. I. Рациональное мышление

Некоторые философы XVII в. — особенно рационалисты, — стараясь преодолеть средневековую схоластику, стремились

упорядочить знание о мире и создать "общую науку" (*scientia generalis*). Для этого необходим был язык как инструмент. В то же время они осознавали несовершенство человеческого языка и пытались создать такой инструмент, который облегчил бы упорядочение знания и одновременно был бы выражением такого упорядочения. Создаваемый язык должен был бы обеспечить создание новых знаний. Особое влияние имело сочинение "Ars magna et ultima" кастильского мыслителя Луллия (1234-1315), известная механика мышления и изобретения, которая путем комбинации отдельных элементов и отношений должна была бы позволить создание "правильных" ответов и новых заданий. Согласно Косериу (Cosseriu, 1972), эта комбинация дала бы 531441, а по Кутюра (Couturat, 1901) даже 511⁶ понятий. Под влиянием Луллия Декарт (1596-1670) и Лейбниц (1646-1716) представили свои идеи об идеальном языке, о которых мы находим достаточно много сведений в литературе по интерлингвистике. Часто несколько односторонне (Dietterle, 1921, 31-40) представляют идеи Лейбница, который фактически имел три цели:

а) создать систему способных к комбинациям элементов для фиксирования и упорядочения существующего знания (классификации),

б) создать логический язык как средство мышления для получения новых знаний,

в) дать язык, применимый в международном плане (с₁ по а) + в) философского типа, с₂ на базе латыни, следовательно, апостериорный проект планового языка).

1.2. Прогресс языковой эволюции

К группе проектов плановых языков с лингвофилософской базой принадлежит проект Альберта Липтая (Liptay, 1892). Своим *langue catholique* (т.е. общим языком) он хотел не просто предложить новый международный язык, но прежде всего пытался доказать на примерах существования законов, "которым подчиняются различные языки в своей эволюции, и выяснить из этих аксиом эволюции тенденцию языков в направлении к обобщению, упрощению и, наконец, человеческой речи" (Liptay, 1891, 3). К слиянию этому же имеет отношение и теория прогресса в языковой эволюции Отто Есперсена (1894) и слияния языков в единый язык человечества Марра (Marr, 1928) и Сталина (Stalin, 1951).

1.3. Гипотеза Сепира - Уорфа

Два проекта плановых языков, не совсем четко выделяющиеся своей общей лингвофилософской базой, это - логлан Джеймса Брауна и интерлингва Александра Гюда. Создание обоих проектов не мотивировано концепцией о необходимости более легкого средства международной языковой коммуникации, но основывается на гипотезе Эдварда Сепира (1884-1939) и Бенджамина Ли Уорфа (1897-1941) о лингвистической относительности. Гипотеза Сепира-Уорфа в определенной степени даже противоречит интерлингвистической концепции о международной языковой коммуникации. Гипотеза гласит, что не только языковой узус, но и мышление и восприятие мира человеком зависят в первую очередь от структур и классификаций, которые различаются в отдельных языках. Языки дают человеку неодинаковую интерпретацию реальности. Уорф подчеркивает, что понятия современной науки и культуры, термины и вообще концепции современной цивилизации развились на базе западноевропейских, т.е. в основном романских, языков. По нашему мнению, внутри европейских языков существуют общие черты, которые они могли бы выделить. Он пишет: "Так как едва ли в отношении сравниваемых черт английский, французский, немецкий языки различаются, я их объединил в группу, которую назвал конкретно SAE = Standard Average European, т.е. "стандартные общие европейские" (Whorf, 1963, 75).

Хотя невозможно отрицать общие черты европейских языков отношением между языком и мышлением, все же гипотеза Сепира-Уорфа, которая в настоящей форме обсуждается отдельно на базе работ Уорфа, не отвечает реальности.

Это фактически означает отрицание возможности перевода понятий между различными языками. Кроме того, материальность мира, т.е. объективность и независимость человеческого сознания, означает, что, несмотря на лингвистически детерминированную, часто неодинаковую интерпретацию частей реальности, разноязычные индивидуумы способны толковать мир одинаково - в зависимости от своего практического опыта, образования, философских и идеологических позиций. Для эффективного применения планового языка в мировом масштабе, следуя гипотезе Уорфа, необходимо было бы отказаться от своей собственной лингвистической понятийной цели, чего человек не может сделать. Поэтому никакой плановой язык не мог бы функционировать во всемирном масштабе, максимально только

там, откуда происходит основной материал-источник, например, латинический плановый язык на территории романских языков, но не в Азии, и т. п.

К гипотезе о "языковом релятивизме" Брауна и Гоуда под-
ходят с двух различных сторон.

I.3.1. Логлан (Loglan)

С помощью Логлана (< Logical Language) Браун (Brown, 1975a, 1975b) хотел создать инструмент для проверки гипотезы лингвистической относительности. Если действительно верно, что мышление определяется конкретным языком, тогда, по мнению Брауна, логический язык должен был бы повлиять на мышление и облегчить его работу. Здесь мы вновь встречаемся с идеями Декарта и Лейбница. Браун называет свой проект "логическим" не потому, что он создан по законам логики, но потому, что он превосходит, по его мнению, этнические языки в тех сферах человеческого языка, которые логически перцепируются, т. е. более относятся к синтаксису, чем к семантике. Браун подчеркивает (Brown, 1975a, II), что он в своем проекте не видит нового кандидата на роль международного языка, но не исключает его международного применения. Проект Брауна вызвал довольно бурную дискуссию о существовании лингвистической относительности¹ и получил несколько иностранных рецензий².

Логланом заинтересовалось небольшое количество людей, особенно в США, которые обсуждают в журнале "The Loglanist" не столько оригинальные идеи Брауна, сколько возможности Логлана как языка для ЭВМ.

Проверка гипотезы Сепира-Уорфа оказалась возможной лишь в том случае, если бы проект получил достаточное количество многонациональных приверженцев. А этого до сих пор не случилось.

I.3.2. Интерлингва (International Auxiliary Language Association)

Интерлингва А. Гоуда (1900-1970), разработанный при посредстве Ассоциации международного вспомогательного языка (АМВЯ) в 1951 г., является парадоксальным продуктом интерлингвистики. Он может быть классифицирован, как полуплановый язык из группы натуралистических систем, но, в отличие от окциденталь-интерлингве (1922) Э. Валя (1867-1948), он не

задуман в качестве международного языка. Гоуд (Gode, 1983, 56) сам заявил, что он не верит в концепцию международного языка: "Я думаю, что идея всеобщего языка для всего человечества, по общему определению, является ложной, и может быть лишь представлена как пример интеллектуального заблуждения, как в музее, в котором заблудились наши отцы и деды из-за своей горячей поддержки рационального позитивизма".

Под "обычным определением" Гоуд понимает концепцию международного языка как родного наряду с родным. И Андре Мартине, который в 1946–1948 гг. был одним из лингвистических директоров АМВЯ, описал свое впечатление о Гоуде: "Когда я пришел в АМВЯ, я там встретил группу, состоящую из полдюжины романистов, безусловно преданных Гоуду, которые не стеснялись высказываться откровенно о том, что он не верит в международный язык... Гоуд производил впечатление человека, занявшегося приключениями (авантюрой)"³... Какие же цели были у Гоуда? Он хотел смоделировать часть гипотезы лингвистической относительности. Если Браун хотел проверить эту гипотезу, то Гоуд принял гипотезу, как факт, и старался смоделировать "стандартный общеевропейский язык" (SAE). Его он хотел создать из европейских языков. О своей цели он писал: "Языковую форму Гоуда не называют только *la Interlingua*, но лишь *una Interlingua*". Из этого вытекает серьезная возможность применить термин "интерлингва" вообще к "закрытой системе", у которой великие "вечерние"⁴ языки функционально переплетаются, то есть именно то, что Уорф ставил целью подвести понятие SAE. Гоуду принадлежит заслуга в том, что он первым сознательно и исключительно пытался закодировать закрытую систему западных языков" (Gode, 1958, 49). Свое евроцентристское элитарно-теоретическое кредо о превосходстве европейских языков он выразил в четырех пунктах:

1. "Языки мира нельзя свести к одной всеобщей модели. Не существует "абсолютной" лингвистической модели, и каждый язык – естественный или сконструированный – подвержен необходимости одного из многих возможных специализированных;

2. Глобальный интернационализм XX века форсируется идеологическими силами западного происхождения. Они могут зародиться только в западных моделях мышления (и речи), они воспринимаются всеми участниками, независимо от их случайной базы родного языка.

3. Языки Запада – по происхождению или по последствиям исторического влияния, или и того и другого – так близки

один к другому, что разумно и показательно рассматривать их, как варианты одного типа языка, который удачно назван "стандартный средневропейский" (SAB).

4. Естественный и единственно возможный наднациональный язык науки, который в наиболее понятном смысле совпадает с силами современного интернационализма, — "стандартный средневропейский". Из всего этого интерлингва — наиболее удачное решение. Возможные улучшения в нем, характерные для всех живых языков, будут делаться путем органического развития в процессе употребления. Методика, использованная при разработке интерлингвы, была сознательно направлена на кодирование существующего общеевропейского языка. Результат — живой язык, а не мертвая схема. Отсюда интерлингва может изменяться и расти. Он может развиваться дальше в процессе употребления. Его даже можно реформировать, если кто-то докажет, что та или иная черта его методики не подходит к общезападному типу, как это должно бы быть. Но изменения и эволюция и реформы не могут заменить интерлингва на нечто совершенно отличное, пока наука со своей западной "грамматикой" управляет общим прогрессом человечества" (Gode, 1953, 89-90).

Совершенно очевидно, что полуплановый язык Гоуда интерлингва не является в первую очередь предназначенным служить вспомогательным средством международного общения в мире. Приверженцы интерлингвы создали из лингвофилософски ориентированного проекта, который сам по себе основан на концепции антимеждународного общения, международный плановый язык. В этом — интерлингвистический парадокс интерлингвы. Европейский лингвоэлитарный компонент в концепции Гоуда и вообще натуралистической школы имеет реакционный, а позднее даже антикоммунистический аспект. Уже Валь и некоторые его сторонники видели в окцидентале (с 1947 г. — интерлингве) фактор спасения европейской культуры от большевизма во главе с эсперанто. В 1922 г. Валь (Wahl, 1922, 14) писал: "Мне ясно, что победа той или иной системы зависит от того, победит ли большевизм и — после того, как он разрушит нашу старую культуру — построит с помощью новых понятий новую эсперанто-культуру, с промежуточной средней эпохой в несколько сотен лет. Либо великие нации Европы сохранят культурную гегемонию и тогда эсперанто тоже умрет подобно волапоку, так как он недостаточно интернационален. Только язык типа окциденталь может удовлетворить требования культуры, так как он заменяет изучение древней и тяжеловесной латыни, обладает большей

гибкостью, силой выражения и автономностью, чем эсперанто и идо, напичканные произвольными грамматическими окончаниями. В эсперанто — диктатура, в окцидентале — свобода! После диктатуры всегда победит подлинная свобода".

А Пророк (Prorok, 1926, 27) сводит эту концепцию к формуле: "Итак, борьба между окциденталем и эсперанто — борьба между сохранением культуры и варварством, между Паневропой и международным коммунизмом, между общественным индивидуализмом и диктатурой пролетариата... Это — борьба между двумя мировоззрениями".

Возможно, очевидные успехи эсперанто в Советском Союзе в двадцатых годах укрепили это шаблонное мнение Валя и Пророка о "большевистской опасности", исходящей от эсперанто. Возвращаясь к протагонистам интерлингвы, мы находим у некоторых из них очень открытую, элитарно поддержанную концепцию, с помощью которой они стараются скрыть нерешенную проблему относительной легкости языка, которая играет в эсперанто (и даже в окцидентале) большую роль, чем в интерлингве. Например, Фрише (Fritzsche, 1958) пишет: "Вечная болтовня о легкости изучения есть ни что иное, как склонение головы перед пролетариатом, для которого, при реальном рассмотрении, международный язык, легко или трудно изучаемый, совершенно не представляет интереса. Совсем не жаль, если в конце международного языка окажется несколько более трудным, чем это представлялось вначале. Духовный уровень получил бы стимул для удержания пустых голов от международного форума. Но не бойтесь, бездуховный человек тоже без этого не изучит международного языка..." Эти аргументы напоминают некоторых швейцарских германистов, которые противятся реформам орфографии немецкого языка, так как они боятся, что и простые люди после реформы смогут приобрести хорошие орфографические навыки (Nerius, 1975, 205).

2. Пацифизм и мир между народами

Особенно часто высказываются гуманистические мотивы всеобщего мира с помощью универсального или международного языка.

Ян Амос Коменский (Comenius, 1592-1670)⁵ выразил мнение в "Панглоттии" о том, что языковой разноречивостью является главной причиной вражды между народами. Введением всеобщего языка, который должен бы быть совершенным, "все люди снова стали бы

такими, какими они когда-то были: одной расой, одним народом, одной семьей, одной школой Бога² (de Mott, 1955, 1073). Для него универсальный язык был важной предпосылкой создания нового гармоничного порядка в мире. Эта мысль Коменского встречается у многих авторов проектов искусственных языков. Известным в этом отношении является высказывание Л.Л. Заменгофа (1859-1917), который писал: "В этом городе (т.е. в четырехплеменном Бялостоке. - Д.В.) более чем где-либо впечатлительная натура чувствует гнетущее несчастье разноязычия и на каждом шагу убеждается, что различие языков является единственной или даже главной причиной, которая разъединяет человеческую семью и делит ее на враждебные части" (Zamenhof, 1929, 418). Но для инициатора эсперанто главным моментом создания нового гармоничного мира были его универсальная религия и учение, известные под названием "гилелизма" (hilelismo) и "гомаранизма" (homaralismo), что вместе с международным языком должно было бы объединить человечество: "Разноплеменная разобщенность и вражда полностью исчезнут в мире только тогда, когда все человечество получит один язык и одну религию, так как тогда все человечество действительно будет представлять собой только один род человеческий. На Земле и тогда будут продолжаться различные потрясения, которые довлеют внутри каждой страны и народа, как, например, волнения политические, партийные, экономические, классовые и т.д. Но самое ужасное из любой вражды - ненависть между народами - исчезнет вовсе" (Zamenhof, 1929, 351).

Наиболее лаконично эти и подобные предположения выражает одной формулировкой Помпьяти (Pompjati, 1918), автор проекта нов-латинлогви (Nov Latin Logui): "Если все люди смогут понять друг друга - войны не будет". Однако история уже многократно кровью доказала, что языковое единство не может помешать войне.

3. Националистические и шовинистические цели

Конечно, на первый взгляд кажется, что у авторов проектов искусственных языков нет националистических или шовинистических мотивов. Однако они проявляются. В большой группе "модифицированных современных языков" встречаются подгруппы "бэйсик языков", "реформированных языков" и "зональных языков". Создание и пропаганда их всех является в различной степени мотивированной националистически или шовинистически.

3.1. Бэйсик Инглиш (Basic English)

Хотя первоначально бэйсик-инглиш представлял собой результат семантических исследований Чарльза К. Огдена и Иво-ра А. Ричардса (в 1925 г. появилась его работа "Значение значения"), однако нельзя игнорировать тот факт, что британское правительство видело в нем очень удобную попытку усилить позиции английского языка в мировом масштабе.

Уинстон Черчилль заявил по этому поводу в 1943 г.: "Но я не понимаю, почему бы нам не постараться распространить наш общий язык еще шире во всем мире и, не занимаясь поисками преимуществ над кем-либо, владеть этим бесценным благом и правом рождения" (Arseinian, 1945, 68).

3.2. Мировой диалект веде (Weltdialekt - Wede)

Вся группа "реформированных языков", подобно группе языков "бэйсик" (если последние предназначены в качестве международных языков, а не только как моделирование лингво-методического принципа), исходит из превосходства одного языка (или языковой группы) над другими. Особенно ярко выразил свое кредо о превосходстве немецкого языка (и его носителей) Освальд Зальцманн, автор проекта реформированного немецкого, и Адальберт Бауманн, автор "вельтдиалекта" (Веде, т.е. мирового диалекта), который часто интерпретируется под названием "вельтдойч" (Weltdeutsch), которое, однако, является метафорой, а не официальным названием проекта). Зальцманн (Salzmann, 1915, 74), например, видит шанс для немецкого языка как (единственного) международного языка, если бы он не был столь трудным: "Иностранец..., который хочет или должен изучать немецкий, мог бы разозлиться из-за ужасов языка, недостойного большого культурного народа. Если нас, немцев, так не любят в мире, мы должны рассматривать эту печальную ситуацию почти исключительно как вину языка", а Бауманн, который не слишком заботился о репутации немцев, заявил (Baumann, 1915, 63): "Благодаря победе в мировой войне 1914/15 гг., политический вес и репутация Германии неизмеримо выросли. Весь мир ищет дружбы с сильным. Подобно цветку перед солнцем, так и все большие народы склонятся перед Германией в последующие десятилетия все больше и больше, чтобы получить от нее культурный свет и социальное тепло. Совсем не зря сделать как раз немецкий язык основой международного

языка, сознавая, что никакой другой язык не подходит для этого лучше, и, кроме того, со всей скромностью справедливо сказать, что Германия по объективному суждению всех народов имеет самое большое моральное право дать миру вспомогательный язык, рожденный в ее недрах, всемирный язык в немецком, а не романском духе. Германия — один из самых больших фокусов цивилизации, который когда-либо знала история". Нигде мы не читали более шовинистической мотивировки для планового языка, чем здесь. Эти и подобные проекты являются специфическим выражением языковой политики германского реакционного империализма (Zorn, 1980).

3.3. Новославянский язык

Остается упомянуть, что зональные языки, как, например, "новославянский язык" Игнаца Гошека (Гошек, 1907 г.), являются выражением политических воззрений против других народов, у Гошека стремлением поддерживать общеславянское сопротивление, в частности, южнославянских народов, против своих угнетателей — габсбургской монархии.

Примечания

1. Из: *The International Language Review*, Denver, vol. VI, 1960, N 20, 21.
2. См.: Matejka, 1961; Wellewens, 1967; Freudenthal, 1968; *Verloren van Themaat* (1976); Carlevaro (1979).
3. *Cosmoglotta*, а. 36, 1957, N 199, p. 56-57.
4. "Вечерние страны" — несколько устаревшее название, которое иногда дается европейским странам.
5. О работах, трактующих идеи Коменского об универсальном языке, см.: Mott, 1955; Novobilský, 1982.

Л и т е р а т у р а

1. Arsenian, S. (1945): Bilingualism in the post-war world. — In: *Psychological Bulletin*, 42, N 2, p. 65-86.
2. Baumann, A. (1915): *Wede, die Verständigungsprache der Zentralmächte und ihrer Freunde, die neue Welthilfsprache*. Diessen vor München.

3. Brown, J.C. (1975a): Loglan 1: A Logical Language. 3. ed. Gainsville-Palm-Springs.
4. Brown, J.C. (1975b): Loglan 4+5: A Loglan-English/English-Loglan Dictionary. 2. ed. Gainsville-Palm-Springs.
5. Carlevaro, T. (1979) in: Language Problems and Language Planning .Den Haag-Paris-New York, 2, N-ro 3 (6), p. 169-173.
6. Coseriu, E. (1972): Die Geschichte der Sprachphilosophie von der Antike bis zur Gegenwart. Teil II. Von Leibniz bis Rousseau (p. 43-56: 2.4. René Descartes (Cartesius) und die Idee der Universalsprache). Tübingen.
7. Couturat, L. (1901): La Logique de Leibniz. Paris.
8. Dietterle, J. (1921, Red.): La Vendreda Klubo. 11 diversaj originalaj artikoloj. Leipzig.
9. Freudenthal, H. (1968) in: Lingua. Haarlem, 19, N 4, p. 445-448.
10. Fritzsche, A.M. (1958): Occidental und Interlingua. - In: International Language Review, vol. 4, Denver, n-ro 11, p. 45-48.
11. Gode, A. (1953): The Case for Interlingua. - In: The Scientific monthly. Ianchester, vol. 77, p. 80-90.
12. Gode, A. (1958): Anmerkungen. - In: International Language Review, vol. 4. Denver, n-ro 11, p. 49-50.
13. Gode, A. (1983): Discussiones de Interlingua. Beekbergen, 2. ed.
14. Hošek, I. (1907): Grammatik der Neuslavischen Sprache (Eine Vermittlungssprache für die Slaven der Österreichisch-Ungarischen Monarchie). Kremsier.
15. Jespersen, O. (1894): Progress in Language, London.
16. Liptay, A. (1891): Eine Gemeinsprache der Kulturvölker. Leipzig.
17. Liptay, A. (1892): Langue catholique. Projet d'un idiome international sans construction grammaticale. Paris.
18. Marr, N. (1928): K voprosu ob jedinom jazyke. - In: Drenzen, E.K. (1928): Za vseobšim jazykom. Tri veka iskanij. Moskva-Leningrad, p. 3-9.
19. Matejka, M. (1961): Loglan. Un nov lingue universal. - In: Cosmoglotta, St. Gallen, 40, N 221, marte-april, p. 21-24.
20. de Mott, B. (1955): Comenius and the Real Character in England. - In: Publications of the Modern Language

Association of America, vol. 70, p. 1068-1081.

21. Nerius, D. (1975): Untersuchungen zu einer Reform der deutschen Orthographie. Berlin.
22. Novobilský, V. (1982): Jan Amos Komenský a interlingvistika. - In: Sborník z konference konané 25. března 1982 při příležitosti 390. výročí narození J. A. Komenského. Ústí n. L., p. 20-34.
23. Ogden, Ch. K./Richards, J.A. (1925): The Meaning of Meaning, New York.
24. Pompiati, K. (1918): Die neue Weltsprache Nov Latin Logui. Wien.
25. Prorók, J. (1926): Li question cardinal. In: Kosmoglott, 5, n-ro 4 (35), p. 25-27.
26. Salzmann, O. (1915): Das vereinfachte Deutsch. Die Sprache aller Völker. Leipzig.
27. Stalin, J.W. (1951): Der Marxismus und die Fragen der Sprachwissenschaft. Berlin.
28. Verloren van Themaat, W.A. (1976): A critique of Loglan. - In: Ecologos, Denver, 22, N 82, p. 2-3, 6.
29. de Wahl, E. (1922): Li incorrectibil defectos de Esperanto. - In: Kosmoglott, 1, N 3 (april), p.13-14.
30. Wellekens, W. (1967): E ancor Loglan. - In: Cosmoglotta, St. Gallen, 46, n 249, octobre-decembre, p. 53-57.
31. Whorf, B.L. (1963): Sprache-Denken-Wirklichkeit, Beiträge zur Metalinguistik und Sprachphilosophie. Hamburg.
32. Zamenhof, L.L. (1929): Originala Verkaro. Antaŭparoloj-gazetartikoloj-traktaĵoj-paroladoj-leteroj-poemoj, eldonita de J. Dietterle. Leipzig.
33. Zorn, K. (1980): An den Quellen sprachpolitischer Bestrebungen des deutschen Imperialismus gegenüber fremden Völkern und anderen Staaten. - In: Deutsch als Fremdsprache, Leipzig, n 3, p. 171-177.

LINGVOFILOZOFIAJ KAJ IDEOLOGIAJ MOTIVOJ
POR LA KREADO DE PLANLINGVOJ

Detlev Blanke

Foje, kaj ne tro malofte, regas la opinio, ke la aŭtoroj de plalingvoj kreis siajn projektojn ĉefe por plifaciligi la internacian lingvan komunikadon sur neŭtrala lingva fundamento. Iom pli proksime rigardante la historion de la kreado de planlingvoj oni konstatas, ke estis tre malsamaj motivoj, foje tre kontrastaj, kiujn havis la aŭtoroj por krei, publikigi kaj propagandi siajn projektojn. Inter ili: lingvofilozofiaj motivoj, plifaciligo de internaciaj rilatoj, pacifismo kaj interpopola pacigo, naciismaj kaj ŝovinismaj celoj k.a. La aŭtoro volas prilumi kelkajn lingvofilozofiajn kaj ideologiajn motivojn kaj montras, ke la konkreta etnolingva materialo de planlingvo aŭ la strukturo de ĝi estas determinata ankaŭ filozofie kaj ideologie.

ЭСПЕРАНТОЛОГИЈА

ESPERANTO UND GEGENWÄRTIGE LINGUISTIK

Hermann M. Ölberg

Es ist mir eine besondere Ehre und Freude, anlässlich des Jubiläumskongresses zu Ihnen sprechen zu dürfen. Da ich seit 1949 Esperantist bin und mir diese Sprache zu meiner zweiten Muttersprache geworden ist, hätte ich gerne zu Ihnen in Esperanto gesprochen, doch schlug mir das Organisationskomitee vor, deutsch zu sprechen. Eine Version in Esperanto liegt Ihnen jedoch vor. Ich darf noch erwähnen, dass an unserer Universität Innsbruck seit 1948 ein Lektorat Esperanto besteht, welches vom damaligen Vorstand des Sprachwissenschaftlichen Instituts, Herrn Univ.-Prof. Dr. Hermann Ammann, begründet wurde, nachdem sein Versuch, ein solches vor dem Krieg bereits einzurichten, nicht genehmigt worden war. Erster Lektor war 1948 Dr. Leo Blaas, ein hervorragender Esperantist, der mich als jungen Studenten für die Plansprachenidee gewann. Leider verstarb Dr. Blaas 1951. 1953 schlug mich Prof. Ammann zum Lektor vor. Seit dieser Zeit halte ich regelmässig Lehrveranstaltungen über Fragen der Plansprachen und Kurse in Esperanto ab, sodass Innsbruck wohl die einzige Universität sein dürfte, die eine ununterbrochene Kontinuität von fast 40 Jahren auf diesem Gebiet aufweisen kann.

Die Sprachwissenschaftler haben bekanntlich zur Plansprachenfrage, zu Esperanto oder anderen Projekten, ein gebrochenes Verhältnis gehabt, und vielfach ist auch heute noch die Situation mit Vorurteilen belastet. Einen grossen Einfluss hatten dabei die damals führenden deutschen Sprachwissenschaftler Karl Brugmann und August Leskien, die 1907 ein sehr negatives Urteil über alle "Kunstsprachen" fällten. Obwohl ein nicht minder berühmter Sprachwissenschaftler, nämlich Baudouin de Courtenay, sofort (1908) deren Argumente widerlegte, und obwohl auch später, auf dem 2. Linguistenkongress in Genf 1931 und auf dem 6. Linguistenkongress in Paris 1948, die Frage die Plansprachen auf der Tagesordnung standen, wurde die Interlinguis-

tik nicht anerkannter Teil der sprachwissenschaftlichen Forschung. Es hängt die Einstellung zur Plansprachenfrage von der sprachtheoretischen Position des jeweiligen Forschers ab. Wer der im vorigen Jahrhundert verbreiteten Auffassung anhängt, dass die Sprache ein Organismus sei, der wie ein Organismus wächst, seinen Höhepunkt erreicht und schliesslich stirbt, wird eine künstlich geschaffene Sprache als ein Reortortenbaby für den Gebrauch als unmöglich und unbrauchbar halten. Wer eine Sprache jedoch als ein vom Menschen entwickeltes und vom Menschen beeinflussbares und veränderbares Instrument der Verständigung, der Kommunikation, ansieht, wird auch einer künstlichen Sprache die Funktionstüchtigkeit nicht absprechen, zumal dem Esperanto, das nun schon 100 Jahre in Gebrauch steht, ein Faktum, das die Gegner der Plansprachen nolens volens nicht abstreiten werden können. Diese Auffassung von der Natur der Sprache setzt sich nun auch im wissenschaftlichen Betrieb des deutschen Sprachraumes immer mehr durch und ich bin optimistisch, dass sich damit auch die Interlinguistik als die Disziplin von den Plansprachen den gebührenden Platz in der Sprachtheorie erobern wird. Ich verweise auf die Erforschung der Pidgin- und Kreolsprachen, die vor 10 Jahren noch ebenfalls weitgehend als für eine wissenschaftliche Behandlung unwürdig angesehen wurden. Und wenn die Statistik von Germain Pirolt stimmt, so ist 1986 an 125 Universitäten und Institutionen in 28 Ländern Esperanto untersucht oder behandelt worden. Österreich steht hier an vorderster Linie, wird Esperanto doch an den Universitäten Wien, Graz und Innsbruck wissenschaftlich behandelt. Nicht vergessen sei der grosse Gelehrte Hugo Schuchardt, der schon vor der Jahrhundertwende für die Plansprachenidee warb. Ich darf nochmals auf Hermann Ammann zurückkommen, der, als er 1928 zum Vorstand des Innsbrucker sprachwissenschaftlichen Institutes berufen wurde, bereits 1929 an der Urania (Volkshochschule) Vorträge über Weltsprachen hielt. Er bevorzugte dem schematischen Typus wie Esperanto oder Ido. Anlässlich der Vorbereitung eines Festvortrages mit dem Titel "Zum Problem einer internationalen Gelehrtensprache", den er anlässlich der 500-Jahrfeier der Universität Greifswald halten wollte, schrieb er "meine wesentliche Absicht geht dahin, die Männer der Wissenschaft zu bestimmen, dass sie sich ernsthaft mit dem Problem beschäftigen, statt das Ganze mit einer Handbewegung abzutun...".

Lassen Sie mich nun einige Punkte aufgreifen, in denen Esperanto eine Herausforderung an die Sprachtheorie darstellt:

1. Das Verhältnis System - Norm - Sprechen:

Gegenüber der berühmten Scheidung F. de Saussures langue - parole hat Eugenio Coseriu die treffendere Einteilung System (langue) - Norm - Sprechen (parole) entwickelt. Sprechen (parole) ist die Ebene des konkreten Sprechaktes. System (langue) die Ebene, die das funktionell Relevante einer bestimmten Sprache enthält, also grob gesprochen die Grammatik. Norm, Sprachnorm, nun ist die dazwischen liegende Ebene, die die Möglichkeiten, die das System erlaubt, auf den Rahmen zugelassenen Realisierungen einengt, d.h. den Sprecher zu bestimmten Ausdrucksweisen in einer bestimmten Sprache verpflichtet. Beispiel: Im System des Deutschen liegt es, dass bei der Präposition in der Dativ oder der Akkusativ zu verwenden ist, dass das deutsche Verbum keine Unterscheidung von perfektiven Formen wie etwa in den slawischen Sprachen aufweist, dass mit dem Suffix -heit, -keit Abstrakta von Adjektiven gebildet werden können wie Schönheit, Traurigkeit. Auf der Ebene der Norm wird nun diese Möglichkeit eingeschränkt, eine Bildung wie Neulichkeit für "Neuerung", wie ich sie vor kurzem im Radio von einem gut deutsch sprechenden Ausländer hörte, ist nicht möglich. Auch eine Form Grossheit für "Grösse" wäre nach dem System möglich, nicht jedoch nach der jetzigen Norm des Deutschen. Ebenso wäre eine Steigerung nach dem Muster "schön - schöner - am schönsten" dem System nach möglich für "gut - guter - am besten", nach der aktuellen Norm heisst es jedoch "gut - besser - am besten". Die Norm verbietet also die freie Anwendung der im System angelegten Möglichkeiten. Oder anders gewendet: Wenn ich einen Brief in französischer Sprache schreibe und der Franzose sagt dazu "c'est correct, mais ne pas français", so meint er, dass ich zwar die grammatischen Regeln des Französischen befolgt habe, dennoch mich aber in der Ausdrucksweise nicht völlig an die Norm des französischen Briefstiles gehalten habe. Die Schwierigkeiten der Fremdsprache liegen also im Bereich der Norm, nicht im Bereich Systems, das mehr oder weniger leicht erlernbar ist. Wie ist es nun in Esperanto? Das System der Sprache ist in 16 Regeln zusammengefasst und kann in wenigen Stunden erlernt werden. Der entscheidende Grund, warum Esperanto wie

eine Muttersprache erlernbar ist, liegt darin, dass das Regelsystem grundsätzlich nicht durch Normen eingeschränkt ist, dass ich z. B. ein Suffix grundsätzlich in allen betreffenden Fällen verwenden kann. Natürlich entwickelten sich auch in Esperanto neue Ausdrucksweisen, an denen man den erfahrenen Esperantisten erkennt, z. B. statt mi dankas al vi pro la letero "ich danke Ihnen für den Brief", also mit Dativ al vi sagt man heute lieber mi dankas vin pro la letero, also mit Akkusativ, doch ist dies nicht verpflichtende Norm. Esperanto verfügt also grundsätzlich nur über die Ebenen System (langue) und Sprechen (parole) und lässt somit den kreativen Kräften des Sprechenden weitgehend freie Bahn.

2. Damit komme ich zu einem zweiten Punkt, nämlich der in keiner natürlichen Sprache in solchem Ausmass vorhandenen Möglichkeit zur Kreativität des Sprechers in der Handhabung der Sprache. Esperanto verfügt als agglutinierende Sprache über eine grosse Anzahl ziemlich gut definierter Präfixe und Suffixe, die in Verbindung mit einem verhältnismässig kleinen Grundstock von Wurzeln eine grosse Anzahl von Wörtern zu bilden erlauben, welche in einer nationalen Sprache eigene Lexeme darstellen würden. Man vergleiche pura "sauber", malpura "schmutzig", purigi "reinigen", malpurigi "beschmutzen", purigilo "Reinigungsmittel", oder die Präposition per "mittels", die Weiterbildungen wie perigi "vermitteln", peranto "Vermittler", malpere "unmittelbar" zu bilden erlaubt. Der erfahrene Esperantist, der zugegebenermassen erst nach längerer Zeit diese kreativen Wortbildungsmöglichkeiten erlernt, kommt nicht in die Verlegenheit, jedesmal im Wörterbuch nachschlagen zu müssen, um einen adäquaten Begriff zu finden, sondern kann ad hoc seine Wörter kreativ aufbauen.

3. Lassen Sie mich noch auf das Gebiet der Sprachtypologie zu sprechen kommen, auf der Esperanto ein interessanter Forschungsgegenstand sein könnte. Nach traditioneller Sicht wird im Schema isolierende - agglutinierende - flektierende Sprachen Esperanto als agglutinierende Sprache bezeichnet. Darin ist ein guter Kern an Wahrheit enthalten, weshalb sich diese Klassifikation ja auch über 150 Jahre gehalten hat. Doch ist die Typologieforschung heute weitgehend von dieser doch nicht sehr tiefgehenden Klassifikation abgerückt. Sie stellt die Frage nach den Universalien in den Mittelpunkt, d.h. was sind die Grundlagen, die allen Sprachen der Erde gemeinsam sind, verläuft die Entwicklung der Sprachen ebenfalls nach univer-

sellen Trends? Wieso verlief z. B. die Entwicklung des Lateinischen mit seiner reichen Flexion zu den romanischen Sprachen mit dem Verfall der Endungen und wie und warum ersetzten manche romanische Sprachen die Endungen durch präpositionale Ausdrücke? Warum entsteht ein neuer Akkusativ etwa im Rumänischen mit pe, pre, im Spanischen mit a? (in den romanischen Dialekten ist dies noch weitgehender zu beobachten als in den Schriftsprachen). Es ist nun ein kommunikatives Universale, dass bei zwei Aktanten eines Verbums (grob gesprochen also bei einem transitiven Verbum mit Nominativ und Akkusativ) ein Aktant aus Gründen der Verdeutlichung grammatisch markiert wird. Es ist kein Zufall dass heute in allen romanischen Sprachen der Subjektskasus unmarkiert ist, dass der lateinische Nominativ geschwunden ist, der Akkusativ aber neu markiert wird. Auch im Hebräischen und in den meisten Sprachen der Erde liegt dieses Verhältnis vor: Nominativ unmarkiert, Akkusativ oder Objektskasus markiert. Mit sicherem Instinkt hat Zamenhof diese Lösung für Esperanto gewählt: Nominativ unmarkiert patro, Akkusativ markiert patron. In den Vorstufen des Uresperanto findet sich auch der Akkusativ unmarkiert. Das Deutsche oder das Russische waren ihm hierfür nicht Vorbild, da diese Sprachen den Nominativ markieren, vielleicht war ihm das Hebräische hierzu Anleitung. Nenn man immer wieder die Abschaffung des Akkusativs in Esperanto forderte, so ist dies gegen die Entwicklungsrichtung, wie sie die Universalienforschung sieht. Eine andere universale Tendenz ist das Überwiegen der sogenannten Nominativ - Akkusativ - Sprachen auf der Erde gegenüber dem ergativischen Typ, etwa des Baskischen, oder gegenüber dem aktiven Typ wie im Guarani. Da die Zamenhof bekannten Sprachen alle dem Nominativ - Akkusativ - Typ angehören, kam er wohl nicht in die Verlegenheit hier eine Entscheidung zu suchen. Doch lag seine Lösung auch auf der Linie der universalen Entwicklung. Zamenhof hat weiters keine Markierung des Subjekts oder Objekts am Verbum eingeführt, wie er am Beispiel der indogermanischen Sprachen oder des Hebräischen hätte durchführen können, in denen eine Konkordanz am Subjekt und am Verb hinsichtlich Singular - Plural vorliegt. Ebenso erfolgt keine Indizierung des Objekts am Verb wie etwa im Ungarischen. Beides war für die Plansprache nicht nötig, da der Plural am Subjekt mit -j, der Objektbezug mit -n am Nomen erfolgt. Ein wichtiger Zug, der Esperanto von allen natürlichen Sprachen unterscheidet, ist die Klassifikation der Satzglieder

mit -o, -a, -e und -i. Damit ergeben sich elegante Überführungsmöglichkeiten von einem Satzglied zum anderen. Dies hat den grossen französischen Linguisten Lucien Tesnière, den Begründer der heute weit verbreiteten Dependenztheorie, zu seiner Translationsmethode geführt.

Ich darf abschliessend um Entschuldigung bitten, dass ich in der Kürze der Zeit weitgehend abstrakt bleiben musste und Vieles nicht erwähnen oder gar ausführen konnte. Ich hoffe jedoch den Eindruck vermittelt zu haben, dass die Sprachwissenschaft nur gewinnen könnte, wenn sie bewusst die Frage der Plansprachen in ihre Theorien einbeziehen würde, im Sinne meines Lehrers Hermann Ammann "die Männer der Wissenschaft zu bestimmen, dass sie sich ernsthaft mit dem Problem beschäftigen, statt das Ganze mit einer Handbewegung abzutun"!

ЭСПЕРАНТО И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

Герман М. Эльберг

В статье, представляющей собой доклад на научной конференции, посвященной столетию эсперанто, говорится об интерлингвистических и эсперантологических традициях в университетах Австрии и в немецком языкознании. Автор рассматривает три аспекта эсперанто, важных, по его мнению, для теоретической лингвистики: соотношение между системой, нормой и речью, которые в эсперанто носят более регулярный характер, чем в этническом языке; продуктивность словообразовательных серий от одного корня (при ограничениях, характерных для этнических языков); наличие в эсперанто таких типологических черт, которые присущи многим разноструктурным языкам (например, падежное выражение), вплоть до черт, имеющих характер универсалий (срав. частеречное оформление).

К СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭСПЕРАНТО

О.Б. Траченко

Созданный 100 лет назад, эсперанто продолжает успешно развиваться в отличие от других плановых языков, оставшихся на стадии проектов (реже — малоразвитых языков) и в таком виде вышедших из употребления или близких к этому. Вместе с внутренним совершенствованием происходит неуклонное распространение этого языка и расширение его функций, что говорит о его больших потенциях и открывающихся перед ним перспективах. Уникальность лингвистического эксперимента, который представляет собой возникновение и столетнее развитие эсперанто, требует осмысления причин его успеха, выяснения предопределившего этот успех внутреннего и внешнего своеобразия эсперанто, взаимосвязанных вопросов его типологического и социолингвистического места среди языков мира.

В настоящее время наука еще не готова дать исчерпывающий ответ на эти вопросы. Если структура эсперанто, хотя и не исследованная в достаточной степени, все же представлена с надлежащей полнотой в существующих словарях и грамматиках, то относительно социолингвистического положения эсперанто и языковой общности его носителей в разных странах мира сделано мало. Соответствующая работа, требующая прежде всего сбора социолингвистического материала, только начинается. Ввиду этого недостаточно достоверны даже наиболее элементарные данные, оценки числа возможных носителей эсперанто: 1) 500 тыс. — 1 млн. чел.: "Число знающих и практически использующих эсперанто не может быть точно установлено. Наиболее часто его оценивают в границах от 500.000 до 1 млн. говорящих в 80 странах" (3, 99); 2) 30 млн.: "В настоящее время во всем мире имеется, пожалуй, 30.000.000 эсперантистов..." (6, 322);

3) 72.086.486 чел.: "О числе сочувствующих идее вспомогательного международного языка в мире можно судить по числу подписавшихся под обращением УЭА (Всеобщей эсперантской ассоциации — У.Т.) к ООН. Его подписали через свои организации 71.165.532 человека и индивидуально 920.954 человека". (1, 20). Видимо, хотя речь идет только о сочувствующих, подав-

ляющее большинство из них должны были быть, хотя бы пассивно, знакомы с эсперанто, чтобы судить о нем и, вследствие этого, сочувствовать идее его распространения. Следовательно, и эта цифра в какой-то степени может быть ориентиром при установлении числа знающих эсперанто. Очевидно, причиной столь разных оценок стали не столько ошибки в определении пользующихся эсперанто, сколько разные критерии языковой компетентности, лежащие в основе оценок. Следовательно, даже в этих данных, исходных при социолингвистическом анализе функционирования эсперанто, нет желательной точности. Тем более не может ее быть при выяснении более сложных явлений. В связи с этим все, что теперь можно сказать по поводу социолингвистической характеристики эсперанто, будет невольно носить только общий, во многом предварительный, характер.

Сугубо лингвистический анализ эсперанто позволяет обнаружить в нем сходство с целым рядом языков мира, как индоевропейских, так и других, не связанных с ними. По основам своей лексики это язык романский. Однако многочисленные включения из других языков, прежде всего германских и славянских, большое количество латино-греческих международных элементов и интернационализмов другого происхождения лишают его романской исключительности, делая доступным большинству носителей европейских языков и знающих хотя бы один из них у неевропейских по происхождению народов (60-70% потенциально понятной лексики). Еще более интернациональным характером обладает грамматическая структура эсперанто, система его словопроизводства. Здесь обнаруживается связь не только с индоевропейскими языками Европы, но и с другими языками мира - уральскими и алтайскими (агглютинативность), семитскими (корень как основа лексики), китайским (отсутствие резкого деления морфем на корневые и аффиксальные: всюду, в сущности, имеем дело с корнями, только тяготеющими к одной из этих ролей, однако способных выполнить обе) и т.д. Тем самым эсперанто в наибольшей степени среди других плановых языков оправдывает свое назначение быть международным языком. Именно международный характер эсперанто и открытость его лексики для заимствования новых интернационализмов самого различного происхождения вместе с простотой и четкостью основ его фонетики (с орфографией) и грамматики приобрели ему сразу же сторонников во всем мире. В немалой степени этому способствовала и убедительная демонстрация его органичности и возможностей в оригинальном и переводном литературном творчест-

ве уже в первой книге на эсперанто.

Успех эсперанто зиждется на том, что его основоположник Л.Л. Заменгоф из всех создателей международных вспомогательных плановых языков в наибольшей степени учел потребности, которым должен удовлетворять подобный язык, и нашел для их отражения и выражения наиболее адекватную языковую форму. Именно максимальный учет требований международной языковой практики, - в том числе и опыта неудач предыдущих проектов, авторы которых недостаточно с этой практикой считались, - помог ему избежать излишней теоретической предвзятости составителей других проектов. Сочетая теоретическое конструирование нового планового языка с одновременной разносторонней практической проверкой своего проекта, - чему помогла и несомненная одаренность Л.Л. Заменгофа как оригинального писателя и переводчика, - он смог найти наиболее оптимальное сочетание его элементов.

Конструируя свой язык, его инициатор исходил из нескольких наиболее важных в данном случае постулатов: 1) нейтральность и интернациональность языка; 2) его демократизм (доступность); 3) универсальность функций; 4) гибкость и способность к беспрерывному обогащению как за счет внутренних ресурсов, так и заимствований; 5) (в связи с последним) открытость лексики для заимствований; 6) эстетичность (благозвучие); 7) неизбежность основ. Дальновидность основоположника эсперанто проявилась, однако, не только в конструировании своего языка в соответствии с возможными требованиями к нему его будущих носителей. Много такта и чуткости к запросам потенциальных носителей языка, не расходившихся в то же время с требованиями к условиям его нормального развития, было обнаружено им и при введении языка в жизнь. Это проявилось, в частности, в том, что Л.Л. Заменгоф: 1) заложил только основы языка, предоставив его развивать в дальнейшем всей общности его носителей; 2) с самого начала отказался от каких-либо особых прав на него, передав его в распоряжение человечества; 3) согласился подвергнуть свой проект обсуждению, результатом которого было принятие первоначального проекта (1887 г.), а не поступивших предложений, собираемых Л.Л. Заменгофом в течение трех лет (1890-1893 гг.) и поставленных на голосование (в 1894 г.); 4) установил после этого вместе с другими носителями языка принцип неприкосновенности (*netusebleco*) его основ, что обеспечило нормальное естественное развитие языка, его непрерывную преемственность.

При определении социолингвистического статуса эсперанто допустимо исходить из того, что при всей его уникальности он имеет определенные аналоги и предпосылки в истории целого ряда языков мира. Эсперанто задуман как своего рода общий для всех народов мира нейтральный иностранный язык. В более узких границах употребление подобных нейтральных языков этнического или вторичного креолизированного происхождения уже наблюдалось в прошлом и частично имеет место в настоящем: применение латыни в странах Западной Европы, церковнославянского языка у восточных и южных славян, румын и молдаван, санскрита и пали в Индии и смежных странах Юго-Восточной Азии, возникновение и употребление креольских языков (типа пиджин-инглиша, ток-писина и некоторых других) в Азии и Америке и т.п. Билингвизм и полилингвизм был характерен и в прошлом для целого ряда народов и регионов, вызывая потребность в подобных языках. В связи с насущной необходимостью в появлении и использовании, в качестве международного, нейтрального планового языка, - функцию которого не может успешно выполнять ни один национальный живой или нейтральный мертвый язык типа латыни как в основном ограниченные зонально или функционально, - возник эсперанто, в наибольшей степени могущий удовлетворить эту потребность. Общность эсперантистов, рассеянных по всему миру, представляется той частью человечества, которая первая, ощутив эту необходимость, взяла на себя миссию поддержания, развития и распространения нового типа двуязычия, не национально-зонального, - связанного с так называемыми мировыми (живыми или мертвыми) языками этнического происхождения, - а национально-интернационального. Именно в плановом характере языка и масштабах его применения, в качестве средства международного общения тяготеющего к роли общемирового и универсального по функциям, заключается беспрецедентность социолингвистического явления эсперанто, хотя, как видим, известные предпосылки для его возникновения имелись уже в прошлом. Эсперанто - это только новая, в настоящее время наиболее высокая, ступень, достигнутая человечеством в интернационализации его языковой жизни.

Социолингвистическая специфика эсперанто в значительной степени связана со своеобразием его функции в целом как нейтрального вспомогательного международного языка среди языков мира. Как всякий язык, эсперанто имеет общее, связывающее его с другими языками, и свою специфику, вытекающую из свое-

образия его функции среди них, обусловленную в том числе и характером обслуживаемой им общности его носителей. В качестве нейтрального международного языка, на почве которого представители всех народов могут ощущать себя совершенно равноправно, эсперанто способствует сближению народов, возникновению чувства братства между ними. Это чувство поддерживается и демократичностью эсперанто, его доступностью для широких масс, а не только для элитарных слоев, имеющих возможность посвящать много времени и средств изучению языков. Видимо, именно чувство общечеловеческого братства, связывающееся с эсперанто и вытекающее из его функции нейтрального вспомогательного международного языка, и побудило Л.Л. Заменгофа говорить о присущей эсперанто некоей особой внутренней идее, содержанием которой являлось это чувство. Впрочем, не исключена и противоположная связь, поскольку инициатор эсперанто, еще начиная работу на нем, мыслил его как средство, способствующее миру и гармонии между народами. Внутреннюю идею человеческого братства, стоящую выше этнических, расовых, языковых и религиозных предубеждений, разделяющих народы, он пытался развить в нейтральную общечеловеческую религию — гомаранизм (или гилелизм), связанную с эсперанто. Хотя замысел создания подобной религии в отличие от самого языка не оказался жизнеспособным, — так же, впрочем, как и другие попытки связать эсперанто надолго или исключительно с какой-либо другой религиозной или утопической идеологией (язык явно не вмещался в их рамки)*, — все же в обобщенном виде идея эсперанто как языка дружбы между народами, их братства, способствующего развитию мирных контактов между ними, продолжает существовать в эсперантском движении. Разумеется, разные политические группы в эсперанто-движении вкладывают в эту идею неодинаковое содержание, но тем не менее она объединяет и до сих пор значительную часть эсперантистов. Этим, по-видимому, объясняется и то обстоятельство, что эсперантское движение с самого своего начала до сих пор выступает как активная миролюбивая сила.

* Ср. такие течения религиозной мысли, прибегавшие к эсперанто, как христианское учение мариавитов, возникший из ответвления мусульманства бахаизм, японское религиозное движение оомото или антинационально-нигилистическое политическое течение сennaицизма ("безнациональности"), развивавшееся французским деятелем рабочего движения Пьером Ланти (5, 37, 359, 423-424, 488).

Наряду с чисто практической полезностью знания эсперанто эта его несколько "туманная"^{*}, но тем не менее несомненная, внутренняя идея являлась и является едва ли не наиболее важной притягательной силой, способствующей появлению все новых его сторонников. Именно она оказалась наиболее действенным достоинством эсперанто в глазах сторонников языка в первый период его развития, когда практическое его значение по сравнению с наиболее распространенными мировыми этническими языками было совершенно ничтожно. Только с течением времени, когда в результате развития и распространения эсперанто становилась все яснее практическая применимость и ценность этого языка, процент эсперантистов, увлеченных относительно бескорыстно (идейно) его достоинствами как языка братства и дружбы между народами, стал постепенно снижаться. Так, если вначале, очевидно, практически все эсперантисты должны были быть подобными энтузиастами, то, например, уже в 1928 г. анкетирование по США дало следующую картину: эсперанто изучали в связи с причинами, связанными с международными делами (дело мира, человеческое братство и т.п.), 29%, с целью знания как языка - 24, для переписки - 14, для путешествий - 13, для политической и религиозной пропаганды - 8, для развлечений - 4, коллекционирования - 3, радио - 2, с другими целями - 3% (5, 301). Хотя цифра 29% еще достаточно велика (свыше четверти всего числа), все же она отражает явное меньшинство. Однако до сих пор потребность в определенном энтузиазме среди эсперантистов сохраняется, так как знание языка эсперанто не стало еще настолько массовым и практически важным во всех областях, чтобы могло привлечь только непосредственной практической полезностью. В связи с этим сохраняется и известная замкнутость эсперантизма как движения, позволяющая неэсперантистским кругам воспринимать его в известной степени, особенно в странах, где оно мало распространено, как род какой-то языковой секты. Ср. выражение "странная секта маленькая" ("stranga sekto eta"), которое известный эсперантский поэт К. Калочай в стихотворении "En amara horo" ("В горький час") приводит как характеристику эсперантского движения со стороны скептически по отношению к нему настроенных неэсперантистов (2, 87).

* Выражение "туманная внутренняя идея" (nebula interna ideo) взято из содержательной статьи (4, 174-179), с частью положений которой автор данной работы солидаризируется.

По-видимому, развитие эсперанто, завоевывающего себе общее признание в качестве международного языка, и в данном случае (с известными оговорками) можно сравнить с функциональным развитием других языков. Для любого этнического языка, не получившего общепризнанного статуса официального (литературного), свойствен, видимо, вначале известный уклон в сторону той функции, которая в наибольшей степени для него типична на фоне других языков, в частности, в области экономики данного народа, носителя языка (наибольшее применение его в земледелии, скотоводстве, мореходстве, торговле и т. п.). Только с превращением языка в общепризнанный официальный (литературный) функции его постепенно расширяются, распределяются более равномерно (и в связи с внутренним развитием соответствующего народа, и как следствие контактов с внешним миром), и он становится все более универсальным. Нечто подобное происходит и с эсперанто с той разницей, что если этнические языки шли от отражения конкретной жизни к развитию все более абстрактных сфер, то эсперанто проделывает во многом противоположный путь. По мере того, как этот язык применяется все шире для отражения конкретных областей бытовой, деловой и научной жизни народов разных стран, он все больше выходит за рамки первоначальных невольных абстракций и банальностей, связанных с отражением жизни отдельных народов и их контактов в самых общих чертах. Все это делает эсперанто все более живым и полнокровным языком, что находит выражение как в эсперантской научной и публицистической, так и в оригинальной и переводной художественной литературе. Тем самым все более ясной становится эффективность этого языка как гибкого орудия для передачи конкретных мыслей и чувств в самых разнообразных областях человеческой жизни и деятельности, что не может не привлекать к нему все более широкие круги людей, в особенности в связи со все большей интернационализацией повседневной языковой жизни мира. Их работа в области языка эсперанто, заключающаяся прежде всего в разнообразном его использовании, не может не способствовать, в свою очередь, как его усовершенствованию, так и — как следствие этого — привлечению к нему внимания тех, кто до того им еще не интересовался и не пользовался. Тем самым эсперантизм, находя все большее применение в языковой практике народов мира с их многообразными интернациональными связями и выходя далеко за рамки породившей его во многом идеи обще-

ловеческого братства (гомаранизма)^{*}, все больше приближается к его определению, данному в специальной декларации еще во время первого конгресса эсперантистов в Булони-сюр-мер (1905 г.): "Эсперантизм является стремлением распространить во всем мире употребление нейтрально-человеческого языка ... Всякая другая идея или надежда, которую тот или иной эсперантист связывает с эсперантизмом, будет его сугубо частным делом, за которое эсперантизм не отвечает" (5, IOI).

В случае широкого распространения эсперанто в мире, — а на подобную перспективу указывают все факты его истории, особенно ее последних десятилетий, — эсперантисты должны будут полностью утратить характер своеобразной секты, что вызывалось историческими обстоятельствами развития их движения, которое было вынуждено постепенно преодолевать инерцию сложившихся стереотипов языкового развития человечества, одновременно все больше выходя из своей временной изоляции. Тем самым должно будет измениться и социолингвистическое положение эсперанто так же, как и содержание и форма связанного с ним эсперантского движения.

Л и т е р а т у р а

1. Исаев М.И. Язык эсперанто. — М.: Наука, 1981.
2. Baza literatura krestomatio. — Budapest, 1986.
3. Blanké D. Pri la stato de la internacia aplikado de Esperanto. — In: Esperanto. Lingvo, movado, instruado. Berlin, 1977.
4. Corsetti R., La Torre M. Celoj kaj politikoj en la Esperantomovado. — In: Hungara vivo, Budapest, 1982, N 5.
5. Enciklopedio de Esperanto. I-II. — Budapest, 1986.
6. Szerdahelyi I. Babeltől a világnyelvig. — Budapest, 1977.

* В этом можно найти известную аналогию с таким нейтральным мировым языком, как латынь. В начале Средневековья всецело связанная с католической церковью и ее идеологией, в конце Средних веков и во времена Ренессанса она стала приобретать все более универсальный характер, служа выражению самых разнообразных, иногда диаметрально противоположных, мыслей и идейных направлений.

AL LA SOCIOLINGVISTIKA KARAKTERIZO DE ESPERANTO

Orest B. Tkaĉenko

La centjara ekzisto de Esperanto devigas serĉi la kialon de ĝia unika sukceso kaj ĝian tipologian kaj sociolingvistikan lokon inter aliaj lingvoj. La lingvistika analizo aperigas en ĝi ligojn kun la plej genetike kaj tipologie malsamaj lingvoj de la mondo. Ĝuste la internacieco kun la simpleco akiris tuj al Esperanto ĝiajn adeptojn. Kontribuis ĉi-tion ankaŭ konvinka demonstro de ĝiaj ŝblecoj en la verkoj de la unua Esperanta libro. La unikeco de Esperanto kiel mondscale uzata planlingvo ne ekskluzivas certajn analogiojn en la neŭtraleco inter ĝi kaj aliaj lingvoj, naciĉevenaj kaj kreolaj. Multe por la komenca vivigo de Esperanto signifis ligita kun ĝi t.n. "interna ideo" de interhoma tutmonda frateco, kiun L.L. Zamenhof provis transformi en siaspecan neŭtralan religion. Estis ankaŭ aliaj provoj ligi Esperanton kun difinita religio aŭ ideologio. Tamen kune kun ĝia perfektigo kaj disvastigo Esperanto ĉiam pli multe eliras el kiaj ajn religiaj, religisimilaj kaj ideologiaj limoj, igante kiel ĉiuj aliaj lingvoj ĉiam pli universala kaj ideologie neŭtrala lingvo. Se Esperanto disvastiĝos large en la mondo (kio estas plene ebla), la Esperanto-movado devos perdi tute sian nevolan izolecon. Tiam aliigos ankaŭ la sociolingvistika situacio de Esperanto.

ЭСПЕРАНТСКОЕ ПРИЧАСТИЕ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕЙ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПАРТИЦИПОЛОГИИ

В.А. Корнилов

Язык эсперанто вступил во второе столетие своего существования. С точки зрения общего языкознания сам факт непрерывного столетнего функционирования международного искусственного языка как вспомогательного средства общения сотен тысяч добровольно его избравших разноязычных людей в разных странах мира представляет собой уникальный лингвистический и социолингвистический эксперимент, учет результатов которого может оказать заметное влияние на постановку и решение многих актуальных общезыковедческих проблем.

Вызывает интерес, в частности, проблема становления грамматической системы языка подобного типа в процессе постепенного перерастания лингвопроекта в собственно язык. Каждая отдельная грамматическая подсистема, представленная в лингвопроекте, в процессе своего развития проходит через этапы столкновения и интерференции соответствующих грамматических подсистем этнических языков, являющихся родными для активных сторонников лингвопроекта, а затем преодоления этой интерференции и закрепления результирующей грамматической подсистемы на новом этапе развития.

Наиболее ярким примером такого процесса в языке эсперанто может служить история складывания подсистемы причастий и многолетняя бурная полемика вокруг нее. Особенно непримиримыми были споры относительно страдательных причастий настоящего и прошедшего времени — пресловутая "проблема *ata/ita*". Об этой проблеме знает хотя бы понаслышке любой эсперантист, мало-мальски знакомый с историей эсперанто. О ней написано много разного рода работ. Крупнейшие эсперантисты Европы в течение многих лет отстаивали знамена "итистов", чьим коллективным кредо стал "Симпозиум" (I2), в то время как другие, не менее известные эсперантисты, были убежденными "атистами", наиболее умеренная ветвь которых представлена глубокими и обширными исследованиями Т.Юнга (II).

Сверхупроценно — для неэсперантистов — основные расхождения между "итистами" и "атистами" можно показать на приме-

ре перевода на эсперанто русской фразы "Дом был построен в прошлом году". Перевод "итистов" - *La domo estis konstruita pasintjare* - использует, как и в русском языке, страдательное причастие прошедшего времени. "Атисты" считают, что в переводе подобной фразы следует использовать страдательное причастие настоящего времени, а приведенный выше перевод трактуют как выражение завершенности действия к моменту какого-то другого действия, как предшествование другому действию в прошлом. С точки зрения "итистов" перевод, предлагаемый их оппонентами, соответствует русской фразе "Дом строился в прошлом году".

"Атисты" утверждают, что они отстаивают сугубо временной характер эсперантского причастия, в то время как "итисты" якобы сбиваются на "видовое" понимание пассивных причастий под влиянием категории вида у славянских глаголов и причастий. "Итисты" упрекают "атистов" в попытке провести в грамматику живого языка эсперанто "с черного хода" присущее некоторым германским языкам "нелогичное" понимание системы причастий. Принятое Академией эсперанто решение в пользу "итистов", по-видимому, не поставило последней точки в многолетнем споре.

Подобная ситуация дает возможность глубже понять процессы интерференции грамматических систем различных этнических языков, помогает сравнительно-сопоставительному языкознанию дать более адекватную оценку аналогичным грамматическим подсистемам в различных языках.

Раздел общего и сравнительного языкознания, связанный с изучением причастных (партиципальных) подсистем в различных языках мира, назовем общей и сравнительное партиципологией. Подобно таким "глагольным" разделам лингвистики, как аспектология, темпорология и др., партиципология строится с использованием понятия поля с центром и периферией. Если кодифицированные формы причастий считать центром партиципологического поля, то на периферии его следует рассматривать в русском языке отглагольные прилагательные на -лый, -чий, -мый и др., а в эсперанто прилагательные с суффиксами -ebl-, -ind-, -end-.

Занимаясь партиципологическими проблемами эсперантологии, необходимо прежде всего рассмотреть грамматическую систему причастий в первоначальном эсперанто, как она представлена в лингвопроекте Л.Заменгофа. Затем необходимо исследовать практику использования причастий в сочинениях ав-

тора языка, продолжив тем самым исследования Тео Юнга. Очень большой интерес могут представить исследования текстов разноязычных эсперантистов, использующих причастия языка эсперанто не без влияния родных языков. Материалы дискуссий по эсперантским причастиям достойно завершают круг важнейших источников партиципологических исследований языка эсперанто. Сопоставление реальной партиципологической системы эсперанто и ее узуса с партиципиальными системами этнических языков — необходимое условие для получения валидных выводов общелингвистического характера.

Л. Заменгоф построил систему причастий в языке эсперанто из шести форм: причастия могут быть двух залогов и трех времен в каждом залоге. Сказуемое в пассивном обороте выражается с помощью глагола *esti* "быть" и пассивного причастия от необходимого глагола. Суффикс причастия начинается одним из трех гласных *-i-*, *-a-*, *-o-*, которые и в личных формах глагола указывают на прошедшее, настоящее или будущее время; в пассивных причастиях вторым и последним элементом суффикса служит согласный *t*, а в активных причастиях заключительному согласному *t* предшествует согласный *n*.

Внешне такое строение системы причастий выглядит очень стройным, логичным, априорным, но в то же время формы суффиксов активного причастия настоящего времени и пассивного причастия настоящего времени очень напоминают суффиксы причастий латинского языка и находят закономерные соответствия в ряде индоевропейских языков. При этом сходство с некоторыми индоевропейскими языками оказывается иной раз более полным, чем с латинским. Так, суффикс активного причастия настоящего времени в латинском языке имеет форму *-nt-/-ent*, звуковой комплекс *ant-* получался лишь в причастиях, образованных от глаголов первого спряжения за счет сочетания суффикса причастия с конечным гласным основы инфекта (с. 31, 98). В то же время в древнеперсидском языке суффикс соответствующего причастия именно *-ant-* (7, 54). Эсперантский суффикс активного причастия настоящего времени совпадает и с соответствующим санскритским суффиксом (8, 185). Суффикс *-at-*, характерный для пассивных перфектных причастий латинского языка, образованных от глаголов первого спряжения, фактически является не причастным суффиксом, а суффиксом основы супина. Говоря об эсперантском причастном суффиксе *-it-*, не следует забывать о русских причастиях страдательного залога прошедшего времени с суффиксом *-т-*, часто встречаю-

щимся после гласных *-и/-ы-*: сбитый, выпитый, забытый, вымытый.

Таким образом, можно говорить о достаточно высокой степени апостериорности основных суффиксов эсперантских причастий. Впрочем, об априорности/апостериорности в подобных случаях следует говорить с учетом уровня абстрагирования от опыта конкретных индоевропейских языков.

Нередко объектом критики со стороны интерлингвистов являются эсперантские причастия будущего времени. Говорят об их явной априорности, поскольку причастий будущего времени нет в основных современных индоевропейских языках, или даже об их ненужности в международном языке, поскольку, например, английский и немецкий языки обходятся всего двумя формами причастий, а в испанском фактически используется единственная форма причастия - страдательное причастие прошедшего времени. Нередко утверждают, что Л. Заменгоф ввел в свой язык причастия будущего времени лишь из-за стремления к большей стройности глагольной системы в целом, к полному темпоральному параллелизму причастий и деепричастий с глаголами изъявительного наклонения.

Вполне возможно, что соображения логики занимали важное место в лингвопроектировании Л. Заменгофа. Но не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что указанные априорно-логические мотивы автора языка эсперанто подкреплялись фактом существования причастий будущего времени во многих языках мира (например, в литовском, в грузинском, в корейском, а в монгольских языках причастия будущего времени встречаются даже чаще, чем формы остальных времен (2), причастия будущего времени имеются в ряде тунгусо-маньчжурских языков: в эвенкийском, эвенском, югидальском, удэгейском, ороцком, в одном из диалектов нанайского языка (5, 7)).

Само собой разумеется, что Л. Заменгоф не знал подавляющего большинства перечисленных языков, но уж с литовским языком ему сталкиваться доводилось. Но в данном случае как раз мог повлиять русский язык. Б. Г. Колкер, изучая "вклад русского языка в структуру эсперанто", обращает внимание на то, что Л. Заменгоф "любил русскую литературу и мастерски перевел на эсперанто пьесу Н. В. Гоголя "Ревизор" (3, 77). А в "Мертвых душах" Л. Заменгоф мог встретить фразу: "... буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявляющий никаких свидетельств и паспортов, то задержать его немедленно". И подобная форма - предъявляющий - могла

оказать на автора эсперанто большее влияние, чем указания в учебниках русского языка о существовании причастий лишь настоящего и прошедшего времени.

Следует заметить, что несмотря на категорические запрещения различных руководств по стилистике и редактированию, современные русские писатели и журналисты продолжают использовать образуемые ими формы причастий будущего времени.

Ограничимся лишь несколькими наиболее яркими и авторитетными примерами: "Я мог бы привести здесь сотни отрывков из книг Грина, взволнующих каждого, не потерявшего способности волноваться перед зрелищем прекрасного, но читатель найдет их сам" (К. Паустовский); "Федос имел вид лихого, бывалого матроса, сумеющего найтись при всяких обстоятельствах" (К. Станюкович); "На поляне, впереди за дымом, в жарком безмолвии без единого выстрела извивалось пламя, горело лесничество, справа и слева от пожара звучали весело-злые голоса пехоты, видимо, обрадованной своему завершённому броску к дому, нереальные осколочные звуки существ с другой планеты, не понимающих, что случилось, никогда не поймуших, что случилось сейчас в мире" (Ю. Бондарев); "Уж, наверное, найдутся благоразумные, как дважды два сумеющие доказать, что вряд ли изменит что-либо этот перевод" (газ. "Правда", 3 декабря 1986 г.).

Итак, взволнующий, сумеющий, не поймуший - примеры некодифицированных форм причастий действительного залога будущего времени. Добавим другие встретившиеся формы: заинтересующийся, попадающий, не прекращающийся, постарающийся, пожелающий, примнувший, откроющийся, поедущий, сядущий.

Не вдаваясь в тонкости ситуации с причастием будущего времени в русском языке, заметим, что речь идет о явлении чрезвычайно редком: одно употребление действительного причастия будущего времени приходится на десятки тысяч соответствующих форм настоящего и прошедшего времени. Вряд ли бы положение существенно изменилось в случае отказа от запрета по отношению к причастиям будущего времени со стороны ортологов и пуристов. По-видимому, существуют какие-то объективные тенденции, определяющие более редкое использование форм будущего времени по сравнению с формами настоящего и прошедшего: хорошо известно, что и среди личных форм глагола в русском языке формы будущего времени заметно уступают остальным формам, хотя, разумеется, не в такой степени, как среди причастий.

Лингвостатистические исследования на материале эсперантоязычных текстов могут сыграть чрезвычайно полезную роль для решения различных вопросов общего и сравнительного языкознания. В частности, анализ употребительности причастий будущего времени у различных авторов, пишущих на эсперанто, может существенно помочь в решении партиципологических проблем этнических языков.

Анализ статистики аффиксов, приведенный в "Энциклопедии эсперанто" (IО, 566), показывает, что в оригинальных произведениях Л.Заменгофа, подвергнутых исследованию, суффикс *-ant-* встречается 1986 раз, занимая четвертое место среди аффиксов, суффикс *-int-* используется 322 раза (21-ое место), суффикс же *-ont-* встречается 204 раза (27-ое место). Таким образом, суффикс активного причастия будущего времени используется Л.Заменгофом в 9,7 раза реже, чем соответствующий суффикс настоящего времени. У других авторов преобладание форм настоящего времени над формами будущего более внушительно: У Э.Прива - суффикс *-ant-* встречается чаще, чем *-ont-* в 45 раз, у Ю.Баги - в 19,5 раз. Правда, частота указанных аффиксов не отражает подлинного соотношения в текстах именно причастий, поскольку эти аффиксы функционируют также в деепричастиях и в отпричастных существительных. Тем большую ценность представляет статистический анализ частоты глагольных и причастных форм в 14 произведениях Л.Заменгофа, проведенный Т.Юнгом (II, 131). Суммируя его данные, мы получаем иное распределение суффиксов *-ant-/-int-/-ont-*: 2392 - 861 - 149, а отношение суффикса настоящего времени к суффиксу будущего времени составляет 16,1, а не 9,7, как в предыдущем источнике. Данные Т.Юнга позволяют дифференцировать приведенные цифры для собственно причастий - без деепричастий и отпричастных существительных - эти четыре цифры будут выглядеть так: 1174 - 534 - 97; 12,1. Для атрибутивных причастий - за вычетом случаев использования причастий в сложных глагольных формах: 1099 - 301 - 28; 39,25. При сопоставлении с русским языком наиболее важны именно последние цифры, так как для русского языка не характерны сложные глагольные формы с действительными причастиями, а деепричастия образуются по иному принципу. Во всяком случае при оценке частоты русских форм причастий будущего времени полезно иметь в виду именно тот факт, что в языке эсперанто - по крайней мере в идиостиле Л.Заменгофа - одно активное причастие будущего времени приходится почти на 40 соответствующих

причастий настоящего времени и II – прошедшего времени.

Для типологических исследований немаловажен и тот факт, что в сложных глагольных формах языка эсперанто причастие активного залога преобладает в сочетаниях со связкой прошедшего времени; в частности, более двух третей количества собственно причастий с суффиксом $-at-$ встречается именно в таких сочетаниях и вместе со связкой служит для выражения значения будущего в прошедшем.

Реальный язык эсперанто – совокупность созданных на нем текстов в широком смысле слова, письменных и устных, – достаточно противоречив, как и любой живой этнический язык. Тексты на эсперанто могут весьма существенно различаться, если их авторы даже полностью придерживаются заменгофовского "Фундаменто". Различия эти могут зависеть прежде всего от особенностей этнических языков, являющихся родными для авторов. Если говорить о проявлениях этого рода в использовании причастий, то очень существенным представляется наблюдение А.В. Корженкова (4, 12): у русскоязычных эсперантистов суффиксы причастий действительного залога встречаются примерно в два раза чаще, чем у нерусскоязычных. При этом суффикс настоящего времени встречается в 2,4 раза чаще, прошедшего времени – в 1,6 раза, будущего – в 2,5 раза. В использовании форм страдательных причастий картина иная: суффикс $-at-$ у русскоязычных авторов встречается лишь в 1,5 раза чаще, чем у нерусскоязычных, а суффикс $-it-$ даже в 1,1 раза реже. Чтобы делать какие-то серьезные выводы из такого сопоставления, лингвостатистические исследования нужно провести на обширном и вполне убедительном материале, но определенные тенденции просматриваются отчетливо. Русскоязычные эсперантисты используют деривационные аффиксы заметно чаще, чем – в среднем – зарубежные. Это относится и к причастным суффиксам, прежде всего суффиксам действительных причастий.

Однако самое сложное в оценке степени интернациональности того или иного текста на эсперанто, в оценке соответствия грамматических особенностей текста духу языка и интернациональному узусу и, в частности, в оценке целесообразности использования партиципиальных форм состоит в правильном выборе точки отсчета, в выборе критериев оценки. Ведь нередко в критических замечках по поводу того или иного произведения на эсперанто, оригинального или переводного, можно встретить, наряду со справедливыми упреками по поводу ошибочного словоупотребления или неправильных грамматических форм, и

несправедливые нарекания в связи с германизмами, славянизмами, галлицизмами авторов, хотя беспристрастный анализ показывает, что сами критические замечания сделаны под влиянием родного языка критика.

Возвращаясь к проблеме *ata/ita* заметим, что, хотя обе стороны постоянно апеллировали к общечеловеческой логике, во многих рассуждениях и доказательствах без труда можно обнаружить влияние логики родного языка. Болгарский эсперантолог А.Д. Атанасов справедливо обратил внимание на тот факт, что представители "атизма" преимущественно жили в Голландии, Дании, в скандинавских странах и Финляндии (9, 55). Любопытно, что русские и другие славянские эсперантисты почти не участвовали в дискуссиях по этой проблеме, поскольку для них проблем в использовании страдательных причастий прошедшего и настоящего времени не возникало: в подавляющем большинстве случаев автоматический, без размышлений, перевод русских страдательных оборотов с глаголами несовершенного вида конструкциями с *-ata*, а со страдательным причастием совершенного вида - конструкциями с *-ita* обеспечивал полное соответствие замэнгофовскому употреблению страдательных причастий и логике "титистов". Тот факт, что большинство разноязычных эсперантистов признало славянскую партиципологическую концепцию интернациональной, соответствующей духу языка эсперанто, является чрезвычайно важным в свете проблем общей и сравнительной партиципологии. Этот факт является проявлением сложного процесса взаимостолкновения различных этнических партиципологических подсистем в пределах складывающейся на основе лингвопроекта Л.Замэнгофа современной партиципологической системы международного языка эсперанто.

Таким образом, многие, казалось бы, сугубо внутренние проблемы, связанные с причастиями в языке эсперанто, приобретают большую значимость при исследовании партиципологических подсистем этнических языков в сравнительно-сопоставительном аспекте или в плане общезыковедческих проблем.

Чем шире круг привлекаемых к сопоставлению языков, тем чаще оказывается, что причастиям одного языка соответствуют отглагольные прилагательные другого языка, что между причастиями и прилагательными весьма различно распределяются модальные, аспектуальные и иные значения. Вопрос о разграничении центра и периферии партиципологического поля даже при описании одного конкретного языка оказывается достаточно сложным. Поэтому весьма небесполезным может оказаться в та-

ких случаях привлечение партиципологической периферии языка эсперанто.

В эсперанто имеются суффиксы, образующие от глаголов прилагательные с различными модальными оттенками. Это суффиксы *-ebl-*, *-ind-*, *-end-*. Их значения можно показать путем перевода на русский язык прилагательных от глагола *legi* "читать": *legebla* - могущий быть прочитанным, читабельный; *leginda* - достойный быть прочитанным, заслуживающий прочтения; *legenda* - долженствующий быть прочитанным, такое (произведение), которое обязательно должно быть прочитано, которое следует прочитать. Уже из перевода очевидна связь прилагательных с указанными суффиксами с пассивными страдательными причастиями. Такой авторитетный словарь, как "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" в обширном примечании к толкованию *-ind-* указывает на тесную связь этого суффикса с суффиксом страдательного причастия будущего времени *-ot-* и с суффиксом *-end-*, поскольку все эти суффиксы способны передавать различные оттенки долженствования в сочетании с темпоральным оттенком отнесения к плану будущего. Интересно, что в русском языке эсперантским прилагательным с суффиксом *-ebl-* обычно соответствуют отглагольные адъективы с суффиксом причастного происхождения *-им-*. В отличие от кодифицированных страдательных причастий с этим суффиксом, образуемых от глаголов несовершенного вида, русские соответствия эсперантских прилагательных с *-ebl-* обычно образуются от основ глаголов совершенного вида и зачастую имеют приставку *не-*: непобедимый, неповторимый, нерастворимый, хотя могут быть и без *не-*: достижимый, растворимый, ранимый. Заметим, что английские соответствия эсперантских прилагательных с суффиксом *-ebl-* (слова на *-able/-ible*), рассматриваются некоторыми исследователями "как своеобразные модальные причастия, представляющие собой наряду с активным и пассивным причастиями часть грамматической системы глагольного словоизменения" (I, 149).

Для сопоставительной партиципологии существенным следует считать тот факт, что русские слова типа почернелый, устарелый, усталый, облезлый переводятся на другие этнические языки и на эсперанто при помощи страдательных причастий прошедшего времени - точно так же, как кодифицированные русские причастия почерневший, устаревший и т.д. Впрочем, проблема правильного определения места форм на *-лый* в русской партиципологии заслуживает специального рассмотрения.

Язык эсперанто - апостериорный язык, он опирается на ценный опыт, накопленный этническими языками, в нем происходит процесс своеобразной переплавки различных грамматических подсистем этих языков. Партиципологическая система эсперанто представляет собой достойный объект общей и сравнительной партиципологии.

Л и т е р а т у р а

1. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. - М.: Высшая школа, 1979.
2. Дамбинова В.Д. Причастие будущего времени в монгольских языках. АКД. - Элиста, 1983.
3. Колкер Б.Г. Вклад русского языка в структуру эсперанто. - In: Interlinguistica Tartuensisa, 3. История и современное состояние интерлингвистики. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 671). Тарту, 1984.
4. Корженков А.В. Характерные морфологические особенности у русскоязычных эсперантистов. (Машинопись). - Свердловск, 1987.
5. Недялков И.В. Причастия в тунгусо-маньчжурских языках. АКД. - Л., 1973.
6. Покровская Э.А., Кацман Н.Л. Учебник латинского языка. - М.: Высшая школа, 1963.
7. Расторгуева В.С. Древнеиранские языки. - Языки народов Азии и Африки. Том II. М.: Наука, 1978.
8. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. - М.: Высшая школа, 1974.
9. Atanasov A.D. (ADA) La lingva esenco de Esperanto. - Rotterdam: UEA, 1983.
10. Enciklopedio de Esperanto. Represo de la unua eldono. - Budapest: HEA, 1979.
11. Jung T. La Esperanta konjugacio. - Scheveningen: Heroldo de Esperanto, 1965 (parto I) - 1966 (parto II).
12. La Zamenhofa Esperanto. Simpozio pri -ata/-ita. - La Laguna (de Tenerife), 1961.
13. Plena Ilustrita Vortaro de Esperanto. Represo de la dua eldono. - Paris: SAT, 1981.

ESPERANTA PARTICIPO. KIEL PROBLEMO DE GENERALA
KAJ KOMPARA PARTICIPOLOGIO

Vladimir A. Kornilov

La centjara seninterrompa evoluo de Esperanto estas grava fonto por seriozaj studoj, direktantaj al solvo de aktualaj lingvaj problemoj. Inter ili estas problemoj pri formado de gramatika sistemo en aposteriora artefarita lingvo dum poŝoma transiro de lingvoprojekto al vera viva lingvo. Unu el la plej interesaj tiurilate gramatikaj subsistemoj de Esperanto estas la participa. Esplori ĝin signifas interalie proksimiĝi al solvo de participaj problemoj en etnaj lingvoj. La aŭtoro proponas distingi en ĝenerala kaj kompara lingvoscienco specialan dividajon pri diverslingvaj participoj kaj nomi ĝin participologio (analogie kun "verbaj branĉoj" kiel aspektologio, tensologio kaj aliaj). Oni konsideru participojn kiel centro de participa kampo, kies periferio estas deverbaj adjektivoj proksimaj al participoj.

En la artikolo la fama problemoj -ata/-ita estas traktata kiel kolizio de diverslingvaj participaj komprenejoj. Similaj kolizioj estas normalaj kaj neeviteblaj dum formado de rezultasub sistemo. Indas rimarki, ke rusaj (kaj - entute - slavaj) esperantistoj preskaŭ ne partoprenis la diskuton, ĉar por ili ne ekzistis la problemoj: ili nature estis itistoj. Pli grava estis la fakto, ke plimulto da esperantistoj akceptis nome la slavan participologian komprenon kiel internacia. La problemoj -ata/-ita ne estas nur interne esperantologia: ĝi estas grava ĝenerallingva problemoj.

Atentinda estas demando pri futuraj participoj en Esperanto. Iutempe oni asertas, ke L. Zamenhof sin direktis per pure aprioraj konsideroj, kiam en sian lingvoprojekton li enkondukis participojn futurajn. Tamen ekzisto en multaj lingvoj (litova, kartvela, korea, mongolaj kaj aliaj) de futuraj participoj dubigas la suprajn asertojn. Tute eble estas, ke L. Zamenhof influis tiuokaze krom litova ankaŭ rusa lingvo kun ĝiaj maloftaj, sed tamen emfazaj futuraj participoj, kiujn oni povas renkonti sur paĝoj de verkoj de diversaj rusaj aŭtoroj komence de N. Gogol ĝis Ju. Bondarev.

Kiel periferio de participa kampo en Esperanto la aŭtoro analizas adjektivojn kun sufiksoj -ebl-, -ind-, -end-, komparante ilin kun analogiaĵoj en rusa kaj angla lingvoj. En la lasta vortojn kun -able/-ible iuj lingvistoj traktas kiel modala participoj.

ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ БОЛЬШОГО РУССКО-ЭСПЕРАНТСКОГО СЛОВАРЯ

Е. Г. Шевченко

I. Общие положения

Составление Большого русско-эсперантского словаря (БРЭС) должно базироваться на двух основных источниках: на теории и практике советской общей и переводной лексикографии и, непосредственно, на опыте русской, советской и зарубежной лексикографии эсперанто.

Современная лексикографическая традиция эсперанто опирается на положение, впервые выдвинутое Э. Грожан-Мопеном (1910), о принципиальном различии национально-эсперантского и эсперанто-национального словарей (по: 5, 142-143). Эсперанто-национальный (а также эсперанто-эсперантский толковый) словарь при составлении своего словника (эсперантской части) должен исходить из имеющегося материала, давать ключ к пониманию всех существующих текстов на эсперанто независимо от их отношения к языковой норме. Такой словарь должен быть в первую очередь регистрирующего, описательного типа. Функции нормирования он может выполнять только с помощью системы предупредительных, запретительных и подобных помет, но не путем исключения ненормативных слов из словаря. С другой стороны, составитель не может включать в словарь собственные, не зафиксированные в текстах нововведения: словарь должен быть направлен на прошлое, т.е. содержать слова, уже употребленные в прошлом.

В национально-эсперантском словаре, напротив, в первую очередь подается рекомендуемая лексика (в эсперантской его части), он должен и не может не быть словарем нормативного типа. Ограничение, налагаемое нормативным характером словаря, не относится к включению в него лексики и фразеологии сниженных стилей как национального языка, так и эсперанто, слов необщеупотребительного языка. Кроме того (в первую очередь это относится к большому словарю), он может включать некоторое количество новых слов, предложенных его авторами для заполнения лагун в эсперанто при переводе слов с национального языка. Это очень ответственная задача, требующая от

составителей строго научного подхода, компетенции и такта. В таком случае он направлен на будущее и является словарем языкового планирования.

Другой важный момент в развитии эсперантской лексикографической традиции связан с лексикографическим кодифицированием словарной единицы. В первых словарях эсперанто за словарную единицу принимался корень, который переводился на национальный язык полноценным словом, принадлежащим к определенной грамматической категории. В современных словарях эсперанто словарной единицей считается слово.

По-разному на протяжении истории эсперантской лексикографии решался вопрос отношения к неологизмам. Современные словари — это, как правило, результат компромисса двух противоборствующих тенденций — они не пытаются ограничить число корней, но в то же время стремятся не слишком увеличивать число неологизмов.

Рассматривая принципы построения эсперантских словарей на примере конкретных лексикографических источников, можно прийти к выводу, что современные эсперантские одноязычные и эсперантско-национальные словари строятся по гнездовому или алфавитно-гнездовому принципу, а национально-эсперантские — по алфавитному или алфавитно-гнездовому в зависимости от структуры переводимого языка.

Включение грамматического очерка или каких-либо сведений по грамматике эсперанто является чертой большинства двуязычных эсперантских словарей.

Приступая к составлению словаря, необходимо определить его объем, назначение, ориентацию на читателя определенной национальности и профессии, характер литературы, которую можно будет читать или переводить с помощью этого словаря. Каждый из этих факторов имеет практическое определяющее значение при разработке словника, построении словарной статьи и других видов лексикографической работы, так как даже при совпадении некоторых из этих факторов разные словари имеют принципиальные различия. "Составление словарей не может ограничиваться их переписыванием с соответствующим расширением, сокращением или обновлением материала. Лексикограф должен заново переосмысливать все лексико-логические категории, прежде всего разграничение омонимов и многозначных слов, выделение значений и установление их иерархии, выделение фразеологических единиц" (3, 24).

Планируемый словарь двуязычный переводной русско-эспе-

рантский. Предполагаемый объем словаря порядка 50 тыс. слов.

При составлении БРЭС следует руководствоваться положением советской лексикографии о четырех типах словарей для каждой пары языков в зависимости от ориентации на читателя — носителя одного из этих языков*. Обобщая опыт советской практической лексикографии, Н.И. Сукаленко, кроме отмеченного выше типа двуязычного словаря, ориентированного на носителя одного из двух языков, выделяет тип словаря, предназначенного одновременно для представителей обоих языков, и третий тип, ориентированный в основном на носителя одного языка, но в какой-то степени пытающийся удовлетворить и запросы носителя другого языка (8, 26).

БРЭС должен в первую очередь ориентироваться на русскоязычных читателей, так как они будут составлять подавляющее большинство всех пользующихся словарем. Тем не менее, не исключается возможность пользования таким словарем эсперантистами, изучающими русский язык. Принимая во внимание нецелесообразность создания отдельного русско-эсперантского словаря для этой категории читателей, представляется необходимым по возможности учитывать их интересы в составляемом словаре, не усложняя его основного текста. Такая дополнительная ориентация может выразиться в приложении грамматического очерка русского языка к словарю, постановке ударения в русских словах и т.п.

Второй вопрос, который необходимо решить, — это определение профессиональной категории будущих читателей, назначения, целей и задач словаря.

В определении назначения русско-эсперантского словаря мы должны прийти к компромиссу, чтобы удовлетворить запросы нескольких категорий читателей (русскоязычных). Основная задача — перевод профессиональный и учебный, письменный и устный. Он должен служить пособием при переводе общественно-политической (газетно-журнальные материалы, книги, брошюры, выступления), художественной (проза и поэзия), научно-технической (популярной) литературы. Для перевода специальной научно-технической литературы необходимо создание специальных словарей по соответствующим областям.

Широта охвата материала, предназначенного для перевода,

* Имеется в виду иноязычно-русский и русско-иноязычный словари, предназначенные для русского читателя, и иноязычно-русский и русско-иноязычный словари, предназначенные для иноязычного читателя.

требует максимальной полноты словника (при заданном объеме) и равномерности распределения слов по языковым стилям и тематическим группам. При этом, в целях экономии, следует учитывать возможности русской синонимии, в первую очередь синонимию общенародных и диалектных слов. Также следует учитывать параллелизмы русского и эсперантского словообразования и по возможности опускать регулярно образуемые русские и эсперантские производные слова. С другой стороны, переводческие задачи словаря требуют детальной разработки словарной статьи: подачи эсперантской синонимии и сочетаемости.

БРЭС может служить пособием для изучения эсперанто только на продвинутом этапе обучения. Предполагается, что обучающийся уже владеет основными знаниями по грамматике и словообразованию эсперанто. Поэтому грамматические характеристики эсперантских слов используются только в наиболее трудных случаях, например, при определении переходности-нерепереходности глагола. Учебным задачам служит также подача сочетаемости.

Кроме того, словарь может служить предметом научного исследования, например, при изучении закономерностей перевода на эсперанто русских слов и фразеологизмов. Решение этой задачи не требует использования дополнительных лексикографических средств.

Таким образом, предполагаемая сфера использования словаря русскоязычными читателями ограничивается переводческими и учебными задачами. БРЭС должен быть предназначен для переводчиков, научных работников, преподавателей, а также изучающих язык эсперанто на продвинутом этапе обучения.

Важнейшим качеством словаря, как отмечал Л.В. Щерба, является его идеологическая ориентация (10, 8). Поэтому в БРЭС следует внимательно подойти как к отбору общественно-политической лексики и терминологии, слов, обозначающих реалии советской действительности, так и к нахождению для каждого из этих слов перевода, адекватного по содержанию и оптимального по форме.

2. Проблемы словника

Одной из основных лексикографических проблем, возникающих в связи с работой над словарем, является проблема составления словника, т.е. исходного списка опорных единиц (слов и словосочетаний) входного языка, включаемых в словарь в качестве подлежащих переводу единиц. Предполагаемый количест-

венный состав словника БРЭС - 50- тыс. словарных единиц. Необходимо определить его качественный состав, принципы включения и соотношение различных групп лексики в словаре.

Советскими лексикографами неоднократно отмечалась нецелесообразность составления словника на входном языке специалистами по выходному языку, притом каждым в отдельности (I; 7; 9). Не имея универсального словника - эталона для двуязычного словаря, лексикографы-практики при составлении словника создаваемого ими словаря обычно берут за основу словники уже существующих толковых и переводных словарей.

За основу словника БРЭС можно принять русскую часть русско-французского словаря Л.В. Щербы (II). Однако при составлении словника русско-эсперантского словаря необходимо учитывать два ограничения. Следует иметь в виду неизбежное влияние французского языка на русскую часть словаря, так как "известная часть словника определяется спецификой выходного языка словаря" (I, 26). Это касается, во-первых, различия набора экзотизмов, слов-реалий, включаемых в русско-французский и русско-эсперантский словари. Очевидно, нет необходимости включения в русско-эсперантский словарь специфически французских экзотизмов, таких, как "кавалер ордена Почетного легиона" (во Франции), и др. В то же время, учитывая международный характер языка эсперанто, следует широко включать в русско-эсперантский словарь слова-реалии, получившие международное значение, такие, как бундестаг, душман, зеленые (политическая партия), и др. Во-вторых, различие грамматического строя французского языка и эсперанто обуславливает включение или невключение в словарь определенных производных слов и словосочетаний. Например, в русско-французском словаре включаются в словник уменьшительные и увеличительные существительные, если они переводятся на французский язык с помощью суффикса или особым словом. В эсперанто все уменьшительные и увеличительные существительные образуются регулярно, поэтому нет необходимости включения в словник таких слов, как кабинка, канавка, капелька и под. В русско-французский словарь включается большое количество примеров, иллюстрирующих перевод русских слов в разных контекстах. В эсперанто перевод большинства таких словосочетаний регулярный, и включение их в словарь приведет только к перегрузке словарной статьи однотипными иллюстративными примерами, не несущими новой информации. За счет исключения части таких примеров, как "подъехать к городу", "подбежать к ребенку", "по-

дойти в окно", "приблизиться к городу" (иллюстрации на перевод предложения к), можно увеличить количество словосочетаний, представляющих трудности при переводе с русского языка на эсперанто, фразеологических и идиоматических оборотов, пословиц, крылатых слов и выражений, газетных штампов, штампов разговорной речи (типа с добрым утром!). Этого требует отсутствие русско-эсперантского фразеологического словаря.

Второе ограничение, связанное с использованием русско-французского словаря Л.В. Щербы и М.И. Матусевич, обусловлено временным фактором. Дело в том, что первое издание этого словаря вышло в 1936 г. Затем словарь перерабатывался, исправлялся и дополнялся его авторами. Девятое, исправленное и дополненное, издание вышло в 1969 г. Издания 10-е и 11-е (1983) – стереотипные. За 18 лет, прошедших со времени внесения последних дополнений в словарь, русский язык пополнился большим количеством новых слов, связанных с достижениями науки и техники, развитием общественно-политической сферы, появлением новых предметов быта, расширением популярности спорта и т.п. Очевидна необходимость включения таких слов в словарь. Источником такого рода материала могут служить словари новых слов 60-х и 70-х гг., ежегодные выпуски "Новое в русской лексике. Словарные материалы", "Банк русских неологизмов" Н.З. Котеловой (4). В настоящий момент мы имеем материалы по новой лексике, зафиксированные до 1983 г. Работа над пополнением словника русско-эсперантского словаря новыми словами должна продолжаться по мере выхода последующих сборников "Новое в русской лексике. Словарные материалы" до момента сдачи рукописи в печать.

Отбор новых слов для словника БРЭС является одной из самых трудных проблем. При этом, во-первых, необходимо различать неологизмы и окказионализмы и последние в словарь не включать. Они, с одной стороны, не отвечают критерию общепотребительности, а с другой – обычно являются производными и поэтому могут быть легко переведены. Во-вторых, следует учитывать вариантность новых терминов и включать в словник только те из них, которые получили окончательную форму. В-третьих, надо иметь в виду недолговечность некоторых понятий, с исчезновением которых исчезают и слова, их обозначающие, из неологизмов превращаясь в архаизмы. Во всех других случаях следует придерживаться общих принципов отбора лексики для большого двуязычного словаря.

Учитывая вышеизложенные требования, предполагается вклю-

читать в словник новые слова и словосочетания следующей тематики:

наука и техника (африканионный, биозащитный и др.),
медицина (аллергия, валидол),
техника в быту (аэрозоль, видеозапись),
общественно-политическая лексика и терминология (война в эфире, выкручивание рук, апартеид),
реалии советской действительности (агропромышленный, ин-терклуб),
спорт (аэробика, биатлон),
культура (киноконцертный зал, мюзикл),
название новых профессий (анестезиолог, дизайнер),
одежда и другие предметы быта (бижутерия, джинсы),
продукты питания (аджика, кока-кола), а также некоторые другие разряды лексики.

Особое внимание следует обратить на появление у слов новых значений, например: боев (член комсомольско-молодежного отряда), вахта (вахта мира), группа (инструментальный или вокально-инструментальный ансамбль – разг., проф.), артерия (о трубопроводе), автомат (агрегат, работающий по заданной программе без участия человека), конвергенция (в политическом значении); на замену некоторых слов и терминов другими, например, народный депутат вм. депутат трудящихся.

Особого подхода требует включение специальных слов, диалектизмов и других необщепотребительных слов, которые нужно рассматривать с точки зрения наибольшей распространенности. Отбор терминов должен производиться при непосредственном участии специалистов по соответствующим областям.

Рассматривая грамматический состав словника, необходимо обратить внимание на исчерпывающее включение в него служебных слов, в том числе составных союзов и производных предлогов. Включение всех производных наречий не обязательно. Представляется целесообразным включать в состав словника наиболее продуктивные словообразовательные элементы – префиксы и корни сложных слов [агро-, авто-, мото-, мини-, супер-, в-(во-); с-(со-), при- и под.].

3. Принципы построения словарной статьи и размещение слов в словаре

В соответствии со сложившейся на практике лексикографической традицией, оптимальным принципом расположения материала для БРСС является алфавитно-гнездовой. При этом в одну

словарную статью могут входить однокоренные слова, образованные суффиксальным способом, а приставочные производные помещаются на своем алфавитном месте. С целью ограничения объема статьи сложные, а также некоторые производные слова включаются в отдельные словарные статьи.

В словарной статье могут использоваться грамматические, тематические, функционально-стилевые, эмоционально-стилевые, хронологические и другие пометы, а также краткие пояснения курсивом в скобках для русских и эсперантских слов. Представляется целесообразным пометы и пояснения к русскому слову, а также одновременно к русскому слову и его эквиваленту, давать на русском языке, а к эсперантскому слову - на эсперанто.

В глагольных статьях, как правило, должно указываться управление и сочетаемость эсперантских глаголов. Важную роль при разработке предложных статей играет подбор иллюстративных примеров.

Наиболее сложной проблемой является выбор способа размещения устойчивых сочетаний. Существует несколько критериев выделения опорного слова словосочетания: синтаксический, порядка компонентов, семантический, частотности слов, слова-константы, связанности значения. Проанализировав литературу по данной проблеме (1; 2; 6), мы пришли к выводу, что каждый из них имеет свои недостатки. Мы предлагаем следующий, с нашей точки зрения, наиболее удобный для читателя способ размещения фразеологических единиц: фразеологические сращения помещаются под связанным компонентом, все остальные словосочетания - в статьях на каждое из значимых слов с переводом или отсылкой к статье на другое слово словосочетания. Например, фразеологическое сращение "бить баклуши" достаточно поместить в статье на слово "баклуши". А пословицу "любишь кататься, люби и саночки возить" необходимо поместить в статью на каждый из компонентов. Вопрос о том, давать перевод в каждой статье или только в одной (а в остальных - отсылку к данной статье), решается в зависимости от объема, занимаемого этим переводом. Если сочетание переводится несколькими синонимами, в целях экономии места используются отсылки. Если же оно имеет один эквивалент, он может даваться в статьях на каждое слово словосочетания. Например, перевод фразеологизма "лиха беда начало", имеющего в эсперанто несколько эквивалентов (*la plej granda potenco kuŝas en la komenco*; *fari la unuan paŝon, tio estas la gravaĵo* и дру-

гие), целесообразно поместить в словаре только один раз, прибегая к отсылкам в словарных статьях на другие компоненты.

4. Вопросы перевода слов в словаре

Задача двуязычного словаря — прежде всего дать наиболее точное соответствие лексем входного и выходного языков. Кроме того, необходимо указание на сочетаемость слов-переводов в контексте и демонстрация синонимии, позволяющая переводчику выбрать наиболее точный эквивалент. Следует соблюдать принципы адекватности перевода и стилистической принадлежности русских слов и их эквивалентов.

При этом словарные статьи на разные части речи несколько различаются между собой. Оптимальная подача предлога достигается путем детального разграничения его значений и описания каждого из них при помощи переводов, иллюстраций и пояснений. При глаголах можно давать в скобках ряды сочетаемости. При словах-реалиях целесообразно давать не только перевод, но их краткое определение на эсперанто (курсивом в скобках). Оно может быть использовано как переводчиком с русского языка на эсперанто, так и иностранцем, изучающим русский язык.

При переводе словарного материала на эсперанто возникают следующие проблемы. Слова, имеющиеся в предшествующих русско-эсперантских словарях, требуют грамматической и морфологической обработки, отбора наиболее употребительных вариантов, т.е. подведения итогов языковой эволюции на современном этапе. Например, в русско-эсперантских словарях термин "народной хозяйство" переводится как *popola (nacia) ekonomio*. В современном языке наиболее употребительной является форма *landa ekonomio*, что и следует отразить в БРЭС.

Лексика, имеющаяся в русско-французском словаре Л.В.Щербы, но отсутствующая в русско-эсперантских словарях, включает слова, устоявшиеся в русском языке и имеющие эквиваленты на иностранных языках. При переводе таких слов мы можем основываться на зарубежных словарях эсперанто, а также на иноязычных эквивалентах соответствующих русских слов. Например, такие термины, как "кабельтов", "освинцованный кабель", отсутствуют в русско-эсперантских словарях, но зафиксированы "Полным иллюстрированным словарем эсперанто".

Наибольшую трудность представляют неологизмы, отсутст-

вующие в современных русско-иностраных словарях. Источником для их перевода являются в первую очередь тексты на эсперанто (в том числе брошюры издательства АПН). Это такие лексико-фразеологические единицы, как *limigita nuklea milito* "ограниченная ядерная война", *nuklea ŝarĝo* "ядерный заряд", *(unua) nuklea atako* "(первый) ядерный удар", *mezdistanca raketo* "ракета средней дальности", *efikradiuso* "радиус действия" и под. При этом следует иметь в виду, что первые переводы новых слов имеют еще неустоявшуюся форму и, возможно, в будущем они будут претерпевать изменения. В одних случаях это связано с проблемой языка-источника (*misiloj* и *raketoj*, "ракеты"), в других случаях это отражает процесс выбора и практической проверки оптимальной формы термина (например, "крылатые ракеты": *flugilhavaĵaj raketoj* - *flugilaj raketoj* - *flugilraketoj* (*krozraketoj*)).

При отсутствии эквивалентов русских неологизмов в текстах на эсперанто составители словаря должны предложить свои переводы для заполнения лакун, руководствуясь переводами на иностранные и другие плановые языки.

Одной из сложных проблем является перевод фразеологизмов, крылатых слов и выражений, пословиц и поговорок. Источником таких переводов может служить сборник пословиц в переводе Л. Заменгофа "Proverbaro Esperanta"; художественные тексты.

5. Соотношение грамматического очерка и грамматических характеристик слов

Грамматический очерк при словаре должен быть дополнением к основному корпусу словаря и давать основные грамматические сведения, которые не дублируются в словарных статьях.

Грамматический очерк эсперанто должен давать основные сведения по произношению, словообразованию, морфологии, синтаксису. Он должен включать таблицу коррелятивных местоимений и наречий, список грамматических и словообразовательных элементов. В результате единственной грамматической трудностью, разрешаемой непосредственно в словарной статье, становится категория переходности-непереходности глагола. Поэтому все эсперантские глаголы должны снабжаться пометой *vt* (глагол переходный) или *vn* (глагол непереходный), кроме глаголов с суффиксами *-ig-*, *-ig-*, являющихся соответственно всегда переходными или всегда непереходными (возможны и другие способы обозначения переходности-непереходности). Заметим, что

в существующих русских словарях эсперанто категория переходности-непереходности помечается только эсперанто-русскими словарями, что заставляет читателя делать двойную работу: сначала искать перевод русского глагола в русско-эсперантском словаре, а затем уточнять его грамматические свойства по эсперанто-русскому словарю.

Грамматический очерк русского языка, предназначенного для иностранных эсперантистов, изучающих русский язык, также должен содержать сведения по произношению; словообразованию, морфологии и синтаксису. В него должны войти таблицы склонений и спряжений, степеней сравнения, причастий и деепричастий. Принадлежность к определенной части речи русского слова определяется по грамматической категории его эсперантского эквивалента, которая, в свою очередь, определяется по окончанию. Пометами, обозначающими часть речи, снабжаются только те русские слова, которые имеют в эсперанто производные эквиваленты (служебные слова, количественные числительные, производные наречия), а также субстантивированные прилагательные и причастия (для разграничения грамматической омонимии). Кроме того, указывается род существительных. На всех русских словах ставятся ударения - это не усложняет работу с текстом словаря.

Л и т е р а т у р а

1. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии (словник). - Л., 1973.
2. Берков В.П. Решение вопроса об опорном слове в двуязычных словарях. - Ученые записки ТомскГУ. № 93, вып. 3. Томск, 1975, с. 16-25.
3. Гак В.Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии. - В кн.: Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978, с. 13-24.
4. Котелова Н.В. Банк русских неологизмов. - В кн.: Новые слова и словари новых слов. Л., 1983.
5. Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. - М., 1987.
6. Малаховский Л.В. Размещение фразеологизмов в словаре. - В кн.: Теория и практика современной лексикографии. Л., 1984, с. 157-164.

7. Мартиневский В.И. К проблеме словника в двуязычной лексикографии. - В кн.: Вопросы романо-германской и славянской лексикографии. Минск, 1976, с. 122-129.
8. Сукаленко Н.И. Двуязычные словари и вопросы перевода. - Харьков, 1976.
9. Фельдман Н.И. О специфике небольших двуязычных словарей. Вопросы языкознания, М., 1952, № 2, с. 62-64.
10. Щерба Л.В. Предисловие ко второму изданию. - В кн.: Л.В. Щерба, М.И. Матусевич. Русско-французский словарь. П-е изд., М., 1983, с. 6-9.
11. Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. Изд. П-е, стереотип. - М., 1983.

PROBLEMOJ DE KOMPILADO DE LA GRANDA RUSA-ESPERANTA VORTARO

Elena G. Ševčenko

En la artikolo estas pritraktataj tiaj problemoj de kompilado de la Granda rusa-esperanta vortaro, kiel kompilo de vortlisto (rusa parto), principoj de organizado de vortartikolo kaj dislokigo de vortoj en la vortaro, tradukaj problemoj en la vortaro, rolo de gramatika artikolo kaj gramatikaj indicoj.

Kompilado de la Granda rusa-esperanta vortaro devas esti gravparte bazata sur du jenaj fontoj: sur la teorio kaj praktiko de la sovetia ĝenerala kaj traduka leksikografio kaj, senpere, sur la sperto de la rusa, sovetia kaj eksterlanda leksikografio de Esperanto.

Unu el la ĉefaj principoj de la moderna esperanta leksikografio estas la tezo de E. Grosjean-Maupin (1910) pri la principa diferenco inter naci-esperanta kaj esperanta-nacia vortaroj.

La sovetia leksikografio klasifikas dulingvajn vortarojn laŭ ilia orientiĝo al la certa lingvo-kolektivo. La Granda rusa-esperanta vortaro devas esti ĉefe orientita al la ruslingva legantaro, sed ĝi povas servi ankaŭ por eksterlandaj esperantistoj, studentaj rusan lingvon, kaj enhavi prigramatikan artikolon de rusa lingvo kaj kelkajn bezonatajn gramatikajn indicojn.

La vortokvanto estos ĉirkaŭ 50 mil. En kompilado de la vortlisto gravas, ke ĝi estu ĝisdatigita, t.e. enhavu novajn

vortojn kaj vortkunojn, tiajn, kiel informadiko, popola deputito, mezdistancaj raketoj ks. En dislokigo de la materialo pleje taŭgas alfabet-nesta principo. Frazologismoj estu lokigataj en la vortaraj artikoloj por ĉiu el iliaj komponantoj, tio faciligos laboron por leganto.

En elektado de esperantaj vortoj-tradukoj devas esti uzataj ĉefe la plej optimumaj variantoj. Plejan atenton postulas novaj vortoj, kiuj ne estas stabilaj.

Prigramatika artikolo devas servi kiel helpil-aldono por la vortaro, ebliganta malpezigi vortaran artikolon. En la vortaro devas esti indikita transitiveco-netransitiveco de ĉiu verbo (krom tiuj kun la sufikso -ig-, -iĝ-).

О ПОНЯТИИ "ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ" В ЯЗЫКЕ ЭСПЕРАНТО

Н.Л. Заиченко

Нет необходимости доказывать, что фразеология стала ныне одной из широко разветвленных отраслей лингвистической науки (ср.: "ФРАЗЕОЛОГИЯ англ. phraseology. I. Раздел языкознание, изучающий лексико-семантическую сочетаемость слов языка". (1, 504); "ФРАЗЕОЛОГИЯ (от греч. phrasis, род. падеж phraseos - выражение и ...логия), I) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка (см. ФРАЗЕОЛОГИЗМ) в его совр. состоянии и ист. развитии." (2, 610). Библиографические указатели литературы по вопросам фразеологии содержат тысячи названий больших и малых работ по самым различным проблемам, фразеологических словарей и справочников разных типов на материале самых различных языков, за исключением языка эсперанто.

Возникает вопрос: не вызвано ли такое положение дел тем, что в языке эсперанто вообще нет фразеологического материала? Казалось бы, эсперанто, как язык, не знающий исключений и нерегулярностей, как язык однозначных соответствий, не должен иметь и вторичных языковых знаков с осложненной структурой и семантикой, составляющих ядро фразеологического материала. В некоторых работах встречается именно такой вывод (см., например; (3, 44), где одной из существенных черт эсперанто называется отсутствие "сложных оборотов речи (выражений)" - "keine komplizierten Redewendungen". Однако высказывания ряда ведущих эсперантистов, теоретиков-интерлингвистов (сделанные, как правило, попутно, при рассмотрении иных, не сугубо фразеологических проблем), наши собственные наблюдения над фактическим языковым материалом эсперанто и сопоставление его с фразеологическим материалом ряда национальных языков, в частности, русского, немецкого, английского, свидетельствует о наличии в языке эсперанто (по крайней мере в его письменной форме) богатейшего фразеологического материала, до сих пор не введенного в научный оборот, не зарегистрированного и (почти) не описанного ни в лексикографических, ни, тем более, во фразеографических пособиях (сло-

варях) языка эсперанто. Нам неизвестны и теоретические работы, посвященные исследованию фразеологии эсперанто. В первых четырех выпусках библиографического указателя по вопросам фразеологии нам встретилось название только одной небольшой статьи по исследуемой теме (4). В книге М.И. Исаева вопросам фразеологии уделено немногим более одной страницы текста (5, 29-30), нет никаких упоминаний о работах по фразеологии эсперанто и в довольно обширной библиографии, приводимой в конце этой книги, а также в библиографии А.Д. Дуличенко (5а).

Отдельные высказывания о фразеологичности, идиоматичности и афористичности в эсперанто имеются в статьях А.И. Вайтилавицуса (6), М.М. Копыленко (7, 65-76), В.А. Корнилова (8, 39-49), в книге Н.Ф. Дановского (9). При этом наблюдается разное понимание и толкование некоторых основополагающих, базовых терминов фразеологической науки. Например, А.И. Вайтилавицус, как это следует из приводимой ниже цитаты, неправомерно отождествляет "крылатые слова" и "фразеологию": "En Esperanto ne estas solvita la problemo de t. n. flugilhavaĵaj vortoj (frazeologio)" (6, 16). Наиболее явно некорректность употребления терминов "фразеологический", "фразеологичность" проявилась в книге Н.Ф. Дановского (9). Отнюдь не желая умалять значение этого в высшей степени полезного для эсперанто и эсперантологии труда, мы вынуждены после подробнейшего изучения книги констатировать, что ее автор смешивает понятия "фразеологический" и "фразовый", или во всяком случае понимает под "фразеологическим" не совсем то, что традиционно принято во фразеологической науке, каких бы теорий, концепций, классификаций ни придерживался тот или иной исследователь-фразеолог [ср. название главы 3 книги "Фразеологическое соответствие" и содержание этой главы (9, 64-106)].

Думается, что подобные факты можно отчасти объяснить как проявление "болезни роста" фразеологии эсперанто как науки. Однако теоретические неверные посылки, незнание или игнорирование аналогичных тенденций развития фразеологического фонда этнических языков могут привести (и иногда приводят) к неверным практически важным для бытования эсперанто выводам, например о том, что "по мере дальнейшего развития эсперанто также станет языком широкой и д и о м а т и ч н о с т и" (9, 109) (разрядка моя - Н.З.), о коммуникативной роли устойчивых словесных комплексов разных типов и устной и письменной речи и т.п.

Не ставя своей задачей углубиться в дискуссию об объеме

фразаологии, отголоски которой не стихают и до сегодняшнего дня, попытаемся высказать собственное мнение по этому принципиально важному вопросу. Анализ фактического языкового материала на эсперанто приводит нас к выводу о том, что наиболее приемлемо определение единиц фразеологического фонда на основе признака их воспроизводимости в готовом виде, независимо от семантической слитности или членимости компонентов устойчивого словесного комплекса (УСК) и независимо от номинативной или коммуникативной ценности УСК, т.е. максимально широкое понимание объема фразеологии, допускающее в качестве объекта фразеологического исследования как коммуникативные УСК (поговорки, афоризмы, иначе — устойчивые фразы), так и УСК, образуемые по типовым моделям со связанным значением слов-компонентов. Тем самым в сферу интересов фразеологии попадает не только собственно идиоматика как ядро фразеологического фонда любого языка, но и его периферийные пласты, преобладающие в количественном отношении и не менее ценные функционально, чем ядро.

В связи с вышеизложенным требует первоочередного рассмотрения и непростой вопрос о номенклатуре типов УСК, имеющих в эсперанто. Оставляя в стороне терминологические расхождения в классификации фразеологического материала этнических языков у различных авторов, примем за основу терминологические обозначения разных типов УСК, употребляемые во многих работах по фразеологии русского языка, как наиболее близкого автору данной статьи. Несомненно, что в связи с таким исследовательским подходом большой интерес может вызвать в дальнейшем наряду с другими и вопрос о "конкурирующем давлении... со стороны разноязычных специалистов эсперанто" (Ю, Ю) и в сфере фразеологии. Однако начинать приходится с основного (и наиболее очевидного), ибо пока вся сфера фразеологии эсперанто — *terra incognita* для фразеологической науки.

То, что определение объема фразеологии того или иного языка является важнейшей и изначальной проблемой фразеологической науки, показал весь ход развития фразеологических исследований на материале разных этнических языков (в первую очередь славянских, романских, германских). От решения этого, казалось бы, сугубо теоретического вопроса зависит и практический отбор единиц для включения их во фразеографические пособия языка эсперанто. Именно поэтому мы не можем полностью согласиться с выводом А.И. Вайтилавичуса о том,

что решение проблемы фразеологии в эсперанто требует в первую очередь (разрядка моя. — Н.З.) издания фразеологических словарей — "Por solvi la problemojn ... estas necesa serioza laboro de niaj lingvistoj, unuavice — eldono de vortaroj por ... frazeologio" (6, 16).

Как известно, традиционно различаются 4 типа фразеологических единиц (ФЕ): 1) фразеологические сращения (ФСр) — ФЕ с полностью переосмысленным компонентным составом и немотивированным значением; 2) фразеологические единства (ФЕд) — с трансформированной семантикой, но с мотивированным значением; 3) фразеологические сочетания (ФСоч) — ФЕ, имеющие в своем составе слово (слова) с фразеологически связанным значением; 4) фразеологические выражения (ФВ) — ФЕ, представляющие собой УСК постоянного состава, как правило, с предикативной структурой, но непереосмысленного значения. В терминологическом аппарате фразеологической науки бытует, однако, намного больше названий ФЕ. Например, словарь О.С. Ахмановой дает в алфавитном порядке 23 синонима — от "автоматизированная фраза" до "фракционированный знак" — при термине "фразеологическая единица" (I, 503), что, по нашему мнению, отражает не только многообразие классификаций ФЕ, но и практические трудности отнесения того или иного фразеологизма к конкретному типу ФЕ. Трудности эти, порождаемые рядом факторов и не в последнюю очередь несовершенством лексикографических пособий (словарей) этнических языков, еще больше усугубляются для фразеолога-эсперантолога, так как "... семантическая структура многих эсперантских слов еще не описана достаточно строго и бесспорно. Разные словари по-разному представляют значения одного и того же слова; объем его значений далеко не всегда совпадает в разных описаниях" (I0, I2). Тем не менее, оставаясь в рамках этих четырех типов ФЕ, попытаемся соотнести их с фразеологическим материалом языка эсперанто. Прежде всего попытаемся ответить на вопрос: какие из этих типов ФЕ имеются в эсперанто и каково хотя бы приблизительное количественное соотношение ФЕ разных типов в нем?

1) ФСр, как это вытекает из особенностей их семантики (немотивированное значение), не свойственны рационально мотивированному языку эсперанто (под ФСр имеются в виду ФЕ русского языка типа "сбоку припека", "ни в зуб ногой", "собаку съел на чем-л.", "точить лясы" и т.п.). Дело в том, что в эсперанто практически нет подобных корней (непроизвод-

ных) лексем с немотивированным значением, могущих стать компонентами ФСр /^нзаконченных реликтов" по образному выражению Н.Ф. Дановского (9, 90)7. К таким словам мы могли бы отнести только глагол *krokodili* (прост.) "говорить на национальном языке среди эсперантистов" (10, 242-243). Что же касается идиоматичности нескольких десятков (максимум - сотен) производных слов типа *lanceto*, *laŭtlegi*, о которых говорит В.П. Григорьев (10, 14), то это явление совершенно иного порядка, не имеющее ничего общего с порождением идиоматичности УСК типа ФСр, где немотивированность является продуктом многолетнего (если не многовекового) процесса демотивации образной мотивированности УСК, появившихся на основе переменных (свободных) сочетаний, обозначавших первоначально некие конкретные обычаи, явления жизни какого-либо народа (носителя этнического языка), вышедшие с течением времени из употребления.

2) ФЕд характеризуются таким же механизмом образования значения, как и ФСр, - на основе семантического переосмысления (сдвига) компонентного состава, но без демотивации, без потери образной мотивированности УСК, что, впрочем, не влияет ни на экспрессивность, ни на функционально-стилистическую принадлежность ФЕд по сравнению с ФСр. Этот тип ФЕ представлен в эсперанто довольно широко, по крайней мере, сотнями (если не тысячами) единиц, из которых мы ограничимся лишь единичными примерами, с указанием их письменных источников как доступных нам лексикографических, так и текстовых (оригинальных и переводных), чтобы одновременно продемонстрировать и некоторые особенности их речевой (текстовой) актуализации: *rompi la kapon super io* (5, 30); *(rompi al si kapon pri io* (11, 285)); *de kapo ĝis piedoj* (10, 211); *(de l'kapo ĝis la piedoj, de kapo ĝis piedoj* (11, 285)); "Mi ne havis la intencon ... krei ... la tutan lingvon de l'kapo ĝis la piedoj" (13, 149); *naĝi kontraŭ la fluo auch übertr.* (11, 417); *eviti la kaptilon* ("En la ĉi lastaj verkoj li sukcese evitis la kaptilon de la troa didaktikeco, ... " (12, 270); *verŝi akvon en la muelejon de iu* ("... ili kuniĝas kun la malamikoj de la esperantista movado, verŝante akvon en la muelejon de la malamikoj de Esperanto" (13, 48); *serĉi elirejon el io* ("Serĉante elirejon el la nuntempa malbono ..." (13, 137)).

3) ФСоч присущ частичный семантический сдвиг, проявляющийся в сохранении компонентов УСК относительной семантической автономности и, тем самым, аналитичности значения ФЕ. В отношении количества ФСоч допустимо, на наш взгляд, предположение о том, что это самый малочисленный тип ФЕ из всех четырех анализируемых, если не считать глагольных аналитических конструкций (УСК с серийной сочетаемостью десемантизованного глагольного компонента типа *doni ordonon = ordoni*; *fari viziton = viziti*; *porti utilon = utili* и т.п.), заслуживающих отдельного рассмотрения из-за их высокой частотности и функциональной значимости. В приводимых примерах ФСоч знаком ⁺помечены компоненты ФЕ с фразеологически связанным значением: ⁺*blinda sorto* ("... ni ne lasas ... al blinda sorto la estiĝon de la ŝerco, sed ..." (14, 10)); ⁺*akra tono/voĉo* (10, 40) ("... ŝi diris kun iom akra tono" (14, 35)); ⁺*nigraj pensoj* ("Pri kio? li marmuris en nigraj pensoj antaŭ si" (14, 74)); *genealogia arbo* (10, 168) ("Li ... estis ... vera, inda branĉo sur la glora genealogia arbo de la reganta dinastio ..." (15, 29)); ⁺*seka mieno* ("Ŝi detale, kun virina observemo, notis lian senkoloran sekan mienon ..." (15, 35) ; ⁺*infera bruo* (10, 194), (15, 43; 15, 59); ⁺*tomba silento* (11, 209) ("Tomba silento regis." (15, 52)).

4) ФВ - наиболее многочисленный и гетерогенный тип ФЕ как в этнических языках, так и в эсперанто. Одновременно это и самый "древний" пласт эсперантской фразеологии, основы которого были заложены самим Л.Заменгофом в его (малодоступном ныне) "Proverbaro" (16). Сюда можно отнести: 1) пословица и поговорки а) из "Proverbaro" б) новые, вошедшие в эсперанто позднее; 2) "крылатые фразы" и афоризмы античного, мифологического и религиозно-библейского происхождения, а также из художественной литературы и публикаций на разных этнических языках, вошедшие в фонд общемировой языковой культуры; 3) воспроизводимые УСК междометного и модального характера, многие формулы речевого этикета и др. Учитывая, что сам Л.Заменгоф дал в вышеназванном труде 2630 пословиц и поговорок (5, 29) и что обогащение фразеологии шло на протяжении всех ста лет существования эсперанто, а также сопоставляя лексикографические, фразеографические и текстовые данные эсперанто и ряда этнических языков, следует согласиться с выводом о том, что "по-видимому, пословично-поговорочный фонд эсперанто не уступает ни одному из развитых

национальных языков" (5, 29). Соответственно, ФВ - самый многочисленный тип ФЕ, исчисляемый тысячами единиц. Приведем ряд примеров ФВ с учетом вышеназванных разновидностей ФЕ этого типа:

1) а) пословицы и поговорки Л. Заменгофа, процитированные по словарю Э.-Д. Краузе, в котором помета *Zam* [*Ausdruck stammt von Zamenhof* (II, 594) = выражение принадлежит Заменгофу] употреблена более 260 раз: *Nova balailo bone balaas* (11, 82); *Trio plaĉas al Dio* (11, 117); *Mensogo malproksimen ne kondukas* (II, 311) и др.; пословицы и поговорки, относимые Н.Ф. Дановским к новым (9, 100-102): *Kiu serĉas, tiu trovas*; *Julia, sed alia!*; *Tajloro tajloron rekonas defore*; *Laboro ne estas leporo* (11, 36).

2) ФВ данного раздела приводятся со ссылкой на их первоисточник, независимо от того, ввел их в эсперанто Л. Заменгоф или кто-то другой: *Okulon pro okulo, denton pro dento* (библейск.): *La kuboĵ jam falis!* (Цезарь); *Dum manĝado venas apetito* (Ф. Рабле); *Okazo kreas ŝteliston* (Ф. Бэкон); *Malfermiĝu, Sezam!* ("Тысяча и одна ночь"); *Cu esti aŭ ne esti?* (Шекспир); *Proletoj de ĉiuj landoj, unuĝu!* (К. Маркс, Ф. Энгельс); *Esperanto servu Pason!* (лозунг "Движения эсперантистов за мир" - MEM).

3) *(La bona) Dio scias. . .* (17, 7); *Dank' al Dio!* (17, 9); *Je via sano!* (17, 12); *Ĉion (plej) bonan!* (17, 25); *Bonan tagon!* (17, 32); *Scias la diablo, . . .* (17, 62); *Kio okazis, tio okazis!* (17, 123); *For el la vojo!* (17, 139); *Ĉio estas en ordo!* (17, 170); *Kia vento vin alportis!* (17, 207).

Таким образом, уже первые наблюдения над фразеологическим материалом языка эсперанто, типологический анализ ФЕ показали, что в эсперанто имеется обширная фразеологическая система, представленная разнообразными структурно-семантическими типами ФЕ. Этот факт позволяет расширить и уточнить вывод М. И. Исаева (5, 29) и говорить о том, что не только пословично-поговорочный, но и весь фразеологический фонд эсперанто не уступает (ни количественно, ни по своей функциональной значимости для бытования языка) ни одному из развитых этнических языков. Отсюда закономерно вытекает необходимость дальнейшего углубленного исследования фразеологической системы эсперанто и выделение "фразеологии языка эсперанто", так же, как, например, "фразеологии русского языка", "фразеологии немецкого языка" и т.п., в самостоятельное направление лингвистического исследе-

дования с соответствующим кругом тем и вопросов, подлежащих изучению. Такое направление фразеологии необходимо не только в плане развития фразеологической теории, но и как основа для нормативной фиксации и описания ФЕ в современной фразеологии языка эсперанто (совокупности фразеологических словарей, справочников и т.п.), начало которой было положено изданием "Proverbaro" Л.Заменгофа, для того, чтобы "продолжить коллективными усилиями важное дело нормализации языка эсперанто" (Ю, I7).

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1966. - 608 с.
2. Телия В.Н. Фразеология. - В изд.: БСЭ. 3-е изд., 1977, т. 27, с. 610-611.
3. Rez.: Die internationale Sprache Esperanto. - Schwerin, 1974. - 21 S. - In: Der Esperantist, 1974, N 3/4, S. 44.
4. Gutmans T. Some ideas about idiom in Esperanto. - In: La Monda lingvoproblemo, vol. 2, Den Haag, 1970, N 6 (8) p. 165 - 170.
5. Исаев М.И. Язык эсперанто. - М., 1981. - 86 с.
- 5а. Дуличенко А.Д. Советская интерлингвистика. (Аннотированная библиография за 1946-1982 г.). Под ред. акад. П.Аристе. - Тарту: ТартуГУ, 1983. - 88 с.
6. Vaitilavičius A. Riĉeco de Esperanto kompare kun naciaj lingvoj. (IV). - En: Der Esperantist, 1973, N 57/58, p. 13 - 16.
7. Копыленко М.М. О выразительных средствах эсперанто. - In: Interlinguistica Tartuensis 2. Теория и история международного языка (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 644). Тарту, 1983, с. 65-76.
8. Корнилов В.А. Лингвострановедческая теория слова и апостериорные языки. - In: Interlinguistica Tartuensis 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 38-49.
9. Дановский Н.Ф. Вводное слово в искусство перевода. - Рига-Харьков, 1983. - 174 с.

10. Григорьев В.П. От редактора. - В кн.: Е.А. Бокарев. Эсперанто-русский словарь. Около 26000 слов, с приложением краткого грамматического очерка эсперанто. 2-е изд., стереотип. - М.: Русский язык, 1982. - 488 с.
11. Krause E.-D. Wörterbuch Deutsch-Esperanto. - Leipzig, 1983. - 596 S.
12. Szatmári S. Kain kaj Abel. - Budapest: HEA, 1977. - 290p.
13. Socipolitika aspektoj de la Esperanto-movado, Red. D. Blanke. - Budapest: HEA, 1978. - 228 p.
14. Immermann K.L. La karnavalo kaj la sommambulino. Leŭtenanto kaj fraŭlino. - Rickmansworth: Heronsgate. - 104 p.
15. Dorno F.V. Satiroj. La aventuroj de L.R.M. Stultulof la X-a. Levu la manojn! Gaja komedio en tri aktoj. 2-a eldono. - Budapest: HEA, 1977. - 140 p.
16. Zamenhof L. Proverbaro esperanta. - P.: Hachette, 1910. - 82 p.
17. Santa F. Dudek horoj. Kroniko. [Budapest]: Corvina, 1966 - 235 p.

PRI NOCIO "FRAZEOLIECO" EN ESPERANTO

Nikolaj L. Zaiĉenko

La aŭtoro starigas demandon pri la esploro de frazeologio en E. Analizo de diversaj vidpunktoj montras, ke ekzistas diversaj komprenado kaj pri traktado de terminoj "frazeologio", "frazeologia". La aŭtoro esploras je vidpunkto de ruslingvano la tipologion de esperantlingvaj frazeologiaj unuoj kaj nomas kelkajn tipojn de fr. unuoj: 1) fr. kunmetoj (plene nemotivitaj unuoj) ne ekzistas en E.; 2) fr. unuecoj (unuoj kun motivita kaj semantike transformita senco), ekz.: rompi al si kapon pri io; de kapo ĝis piedoj; 3) fr. kombinaĵoj (unuoj kun parta semantika ŝoviĝo kaj analitika signifo), ekz.: blinda sorto, seka mieno, infera bruo; 4) fr. esprimoj (unuoj kun stabilaj vortkonsisto kaj senco), ekz.: 1) proverboj kaj parolturnoj: Nova balailo bone balaas; Julia, sed alia!; 2) aforismoj kaj flugilhavaĵoj vortoj, ekz.: Dum manĝado venas apetito; Ĉu esti aŭ ne esti?; Esperanto servu Pacon!; 3) reprodukteblaj interjekciaj kaj modalaj unuoj, formuloj de parolada etiketo ktp., ekz.: Dank' al Dio! Scias la diablo, ...; Bonan tagon! Ĉion bonan! En E. ekzistas frazeologia sistemo. Frazeologia fonduso de E. ne malsuperas laŭ la nombro kaj funkcia graveco la fondusojn de naciaj lingvoj.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СБОРНИКЕ Л.Л. ЗАМЕНГОФА

Л.Н. Мясников

По замечанию Л.И. Ройзенсона, "фразаология является своеобразной языковой универсалией: там, где существует язык как коммуникативное средство..., его функционирование не может не привести к появлению в нем устойчивых словесных комплексов" (4, 78). Плановые языки, т.е. искусственные социализированные коммуникативные системы, не являются исключением из этого правила, что наиболее убедительнейшим образом можно подтвердить на примере эсперанто.

Необходимо, однако, отметить, что необходимость в знаках вторичной номинации, каковыми являются фразеологизмы, либо подвергалась сомнению, либо резко ограничивался объем фразеологии в плановом языке, либо отрицалась сама возможность существования фразеологизмов в них, в частности, в эсперанто (8, 29; 7, 165-170; 12, 13).

В этой связи представляется уместным привести слова А.Д. Дуличенко из выступления на интерлингвистической конференции 1987 г. в Тарту: "для того, чтобы быть языком, искусственный язык не должен иметь функциональных ограничений". Одной из функций языка является эстетическая, выполнять которую язык не может без наличия знаков вторичной номинации. Сейчас высказывается мнение, что по своей функционально-стилевой дифференциации эсперанто не уступает развитым этническим языкам (3, 77-78), кое в чем, возможно, и превосходит их. Одним из критериев развитости языка является, по нашему мнению, наличие в нем большого корпуса кодифицированных фразеологических единиц.

Эсперанто, как язык литературный, не мог не выработать своего собственного фразеолофонда. Этот фразеолофонд зафиксирован в целом ряде словарей, пособий и справочников (6; 9; 10; 11; 13; 16). Однако теоретическая разработка фразеологии практически отсутствует, хотя составление фразеологических словарей уже требует осознания хотя бы основных положений теории. На сегодняшний день существует несколько десятков журнальных заметок, так или иначе затрагивающих фра-

зеологию эсперанто, и одна дипломная работа, выполненная под руководством И. Сердахеи (14). В целом же фразеология эсперанто шагает далеко впереди фразеологии как теории.

Учитывая данный факт, представляется необходимым рассмотреть известный заменгофовский сборник "Proverbaro Esperanta". Заметим, что если в этнических языках основной фразеолофонд - результат многовекового развития, то в эсперанто основы фразеологии были введены в языковой узус самим автором языка на начальных этапах функционирования эсперанто. Заменгоф, в отличие от некоторых интерлингвистов, предвидел появление в языке так или иначе знаков вторичной номинации, фразеологизмов, слов-метафор и под. Интересен и тот факт, что позднейшие фразеологические работы других авторов в значительной мере построены на моделях Заменгофа или же просто копируют их.

"Proverbaro Esperanta" включает 2630 устойчивых словесных комплексов разного типа: паремии (el popolo serbo venas la proverbo), собственно фразеологизмы, т.е. устойчивые словосочетания непословичного типа с полностью или частично переосмысленным значением (kalkuli miŝojn), глагольно-пропозиционные структуры (la haroj distarigis), слова-метафоры (cindrulino), слова без метафорического значения (amiko-intimulo). Значительное место занимают в сборнике фразеологические единицы (ФЕ) со структурой словосочетания, т.е. такие, которые обычно причисляются к собственно фразеологизмам. Таких ФЕ насчитывается около трех сотен, приблизительно девятая часть. Во фразеологии этнических языков, даже в основном фонде, преобладают, очевидно, не паремии как в эсперанто, а собственно фразеологизмы.

Рассматривая ФЕ сборника, обратим особое внимание на компонентный состав, структуру, семантику и источники ФЕ. Как одну из особенностей компонентного состава фразеологизмов любого языка исследователи отмечают ограничения тех лексических слоев, единицы которых могут участвовать в качестве компонентов ФЕ. Наиболее богатыми во фразеологическом отношении являются следующие лексические слои: соматизмы, зоонимы, флорализмы, название инструментов и некоторые другие. Чисто интуитивно Заменгоф угадал эту особенность фразеологии и отразил ее в своем сборнике; к примеру, соматизмы участвуют в образовании около 60 ФЕ, т.е. приблизительно 20% от общего количества ФЕ со структурой словосочетания. При-

близительно такое же количество указывается и для многих этнических языков разных ареалов (2, 159).

Если для фразеологической системы этнического языка особенностью является широкое использование в качестве компонентов ФЕ так наз. некротизмов, и фразеология, очевидно, любого языка является своего рода "некрополем" нигде более не употребляющихся лексем, то в рассматриваемом сборнике практически все компоненты-слова - свободного словоупотребления. Этот факт резко выделяет фразеологию эсперанто среди фразеологических систем этнических языков и подчеркивает еще раз неоднократно отмечаемый исследователями факт, что некротизмы и прочие "экзотические" слои лексики в качестве компонентов ФЕ не создают фразеологичность, а лишь сопутствуют ей. Впрочем, отметим, что среди компонентов ФЕ сборника есть две псевдолексемы - "en la trijanda semajno", "en la tago de sankta Neniamo", однако прозрачность логической и морфологической структур этих лексем делает их легко понятными и мотивированными на всех уровнях (ср. с русскими: играть в бирюльки, лить пули и др., где компоненты демотивированы).

Более половины всех ФЕ в "Proverbaro Esperanta" представляют собой глагольные УСК различных синтаксических моделей. Наиболее распространенными типами глагольных ФЕ являются следующие: 1) "глагол + существительное" (имеется несколько вариантов) - "melki kaprovivon", "serĉi la tagon rasintan" и др.; 2) "глагол + существительное + предлог + существительное" - "ĉerpi akvon per kribrilo" - и др.; 3) "глагол + kiel + существительное" - "turnigadi kiel serpento" и др.; и ряд других. Интересно, что во многих языках глагольные ФЕ занимают особое место как в чисто количественном, так и в качественном отношении, что объясняется их структурно-семантической двуплановостью.

Субстантивные ФЕ представлены в основном моделями: 1) "прилагательное + существительное" - "hunda vivo" и др.; 2) "существительное + предлог + существительное" - "fabeloj por infanoj" и некоторыми менее частотными моделями. Адвербиальные ФЕ образованы в основном по модели "предлог + прилагательное + существительное" - "en luma tago" и др. Адъективные ФЕ представлены главным образом двумя моделями: 1) "прилагательное + kiel + существительное" - "obstina kiel kapro" и др.; 2) "прилагательное + прилагательное" - "frotita kaj polurita". Очевидно, бросается в глаза тот факт,

что отмеченные характеристики синтаксической структуры и компонентного состава ФЕ сборника в целом ориентированы на так наз. интернациональную фразеологию или, точнее, на такие особенности данных сторон фразеологии, которые в этнических языках показывают тенденцию к универсализации.

Семантика ФЕ всегда представляла собой поле борьбы различных учений и школ в фразеологии. Представляется необходимым высказать некоторые соображения относительно семантической стороны ФЕ в эсперанто. Не подлежит сомнению тот очевидный факт, что практически все ФЕ эсперанто построены на основе свободных словосочетаний того же компонентного состава, т.е. они апплицируемы, по терминологии В.П. Жукова. Это позволяет утверждать, что эсперантские ФЕ обладают образностью, которая создается взаимодействием двух планов - свободного словосочетания и ФЕ. Разумеется, это не следует понимать так, будто бы абсолютно все ФЕ обладают образностью. Да и само понятие "образность" трактуется по-разному различными исследователями.

Далее, все ФЕ в эсперанто мотивированы, причем характер мотивировки различен: 1) образная мотивировка - *karesi kontrau la haroj*; 2) структурно-семантическая мотивировка - *pelki kaproviron*; 3) структурно-синтаксическая мотивировка - *mizero sur mizero*. Отметим, что многие ФЕ обладают мотивированностью на всех трех уровнях. Указанные три вида мотивированности эсперантских ФЕ относятся к внутриязыковому плану, но если учитывать, что все говорящие на эсперанто по меньшей мере двуязычны, то, очевидно, можно говорить и о межязыковой мотивированности (хотя бы в пределах языков европейского ареала), т.е. практически каждая эсперантская ФЕ соотносится у говорящего или пишущего с однотипной по своим структурным и семантическим характеристикам ФЕ родного языка. Для примера приведем ФЕ - *ĵeti polvon en la okulojn*, которая ассоциируется у русских, немцев, англичан, французов, венгров с соответственно "пускать пыль в глаза", *jd Sand in die Augen streuen*, *to dust smb's eyes*, *jeter de la poudre aux yeux*, *port hint a szemébe*.

Учитывая сказанное выше, трудно говорить о полной идиоматичности, т.е. полной невыводимости значения ФЕ из значений ее компонентов или же полной смысловой неразложимости фразеологических единиц в эсперанто. Если исходить из семантической классификации В.В. Виноградова, то необходимо признать отсутствие в эсперанто и, вероятно, в любом плановом языке фразеологических срощений типа "бить баклуши" и др.

Особо заметим, что на определенном этапе развития языка такие единицы (сращения) все же могут появиться.

Разумеется, в целом идиоматичность не противопоставлена и плановым языкам, все дело в степени ее. Так, если мы рассмотрим такие ФЕ из замэнгофовского сборника, как *melki kaproviro, konstrui kastelojn en aero* и другие, то легко заметим, что их значение не выводится из значения их компонентов; дословно — "дойти козла" и "строить замки в воздухе; значение же — "заниматься бессмысленным, бесполезным делом" и "предаваться несбыточным мечтам" соответственно.

Придерживаясь традиций и терминологии школы В.В. Виноградова, мы выделяем следующие три типа фразеологических единиц, зарегистрированных в сборнике

- фразеологические единства: *melki kaprovi, sarumi la okulojn* и др.;

- фразеологические сочетания: *droni en detaloj, formeti en arkivon* и др.;

- фразеологические выражения: *mizero sur mizero, en luna tago* и др.

Для ФЕ первой группы характерна невыводимость значения и вместе с тем его мотивированность в основном через образ или структурно-семантическую модель (на внутриязыковом и межъязыковом уровнях). У фразеологических сочетаний степень идиоматичности ниже, один компонент употреблен в своем прямом значении, другой имеет фразеологически связанное значение. Выражения же семантически разложимы, образностью не обладают, мотивированы на структурно-семантическом уровне.

В "Proverbaro Esperanta" широко представлена синонимия и вариативность. Но следует сказать, что синонимы сборника различаются в основном по оттенку значения, различия же стилистические, хотя и отмечаются, но редки. Впрочем, для планового языка с высоким уровнем нормированности это, вероятно, закономерность. Для примера приведем один ряд синонимов с общим значением "задать нагоняй, дать взбучку": *fari al iu bonan lavon - ordigi al iu la kapon - doni lecionon de moroj, etc.*

Помимо синонимичных ФЕ, сборник содержит и значительное количество вариантных ФЕ, причем типы вариантности различны:

- компонентная: */ĵeti/ŝuti polvon en la okulojn;*

- морфологическая: *Ii havas la kapon sur (la) ĝusta loko;*

- конструктивная: *sidi (kiel) sur pingloj;*

- лексико-конструктивная: *batadi la venton, ludi vento-batadon.*

Фонетическая вариатность, характерная, например, для русской фразеологии в сборнике, не отмечается (ср. "между двух огней - меж двух огней").

Наличие широко развитой вариантности подводит нас к одной характерной особенности фразеологии планового языка да и вообще языка, а именно: фразеологическое значение реализуется через посредство целого ряда актуальных и виртуальных вариантов, за которыми можно проследить инвариант, т.е. речь здесь уже должна вестись о фразеологических универсалиях, точнее фразеосемантических универсалиях.

Касаясь конкретных источников ФЕ сборника, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что большинство их были смоделированы под влиянием немецких и, особенно, русских ФЕ. Так, несмотря на явно интернациональный характер ФЕ *esti sub la ŝo* (рус. "быть под башмаком", нем. *unter dem Pantoffel sein*, англ. *to be under smb's heel*, фр. *être sous le pantoufle*), можно, вероятно, утверждать, что эсперантская ФЕ была смоделирована под влиянием именно русской ФЕ (обратим внимание на некоторые расхождения в компонентном составе в немецкой, английской ФЕ, неполное знание Заменгофом французского языка). Существенно и то, что в дальнейшем на основе этой ФЕ автор языка образовал слово *subŝua* (ср. рус. "подбашмачник"). Впрочем, в сборнике есть и более явные соответствия: *vivi kiel ĉe la brusto de Dio* ("жить как у Христа за пазухой"), *(veturi) sur sia paro da kturoj* ("на своих двоих"), *nutri per promesoj* ("кормить обещаниями"), *batadi kiel fiŝo kontraŭ glacio* ("биться как рыба об лед") и многие другие. Обратим внимание на то, что Заменгоф всегда подчеркивал тот факт, что русский язык значил для него несравненно больше других языков (I5, IO5-II5).

Говоря об источниках ФЕ сборника в более широком плане (ср. исток и источник у Э.М. Солодухо; 5, I27), мы особо отметим библейские и евангельские сюжеты и римско-греческую античность (*propeka kapro, komenci de Adamo, trafi de Scilo al Haribdo, formeti ĝis grekaj kalendoj*, etc). Эти же источники дают значительную часть интернациональной фразеологии в европейских языках.

Интересной особенностью ФЕ сборника является особая организация их формы, при этом широко используются рифма, ассонанс, аллитерация, другие средства: *frotita kaj polurita*,

miZERO sur miZERO, en fido kaj konfido, sate kaj glate и т.д. Эти формальные средства имеют исключительное значение для эсперантской фразеологии, их значение выходит далеко за рамки чисто формальных средств, затрагивает сам план содержания, создает в целом ряде случаев образность, да и саму фразеологичность. Эти средства являются своего рода компенсаторами в целом небогатой ассоциативной системы эсперантского слова (как компонента ФЕ), очевидно, они компенсируют и отсутствие в эсперантской фразеологии слов-компонентов типа некротизмов и прочих.

Подводя итог, можно сказать, что уже на начальном этапе функционирования эсперанто обладал сравнительно развитым фразеофондом, который был смоделирован Заменгофом по образцу интернациональной части фразеофонда европейских языков, причем ощущается заметное влияние русского языка, фразеология которого, скорее всего, и явилась своеобразной моделью порождения для ФЕ сборника "Proverbaro Esperanta". В дальнейшем ФЕ сборника сами послужили и продолжают служить образцом для порождения все новых и новых фразеологических единиц.

Мы не коснулись здесь вопроса о функционировании заменгофовских ФЕ и попытались не выходить за рамки самого сборника. Нужно отметить, что уже на уровне описания значения заменгофовских УСК позднейшими авторами возникали различные несуразности. Так, К. Минор в своем сборнике (13), построенном на основе заменгофовского, дает для двух немецких ФЕ с в целом противоположным значением — *Jemand Sand in die Augen streuen* и *Jemand die Augen öffnen* — один и тот же эсперантский эквивалент — *zarumi al iu la okulojn*, то есть мы получаем тот редкий даже для этнических языков случай, когда семантика одного слова совмещает антонимические значения. Эту очевидную ошибку К. Минора повторяет в начале семидесятых годов и К. Кесслер (9). Не исключены, конечно, и какие-то неизвестные нам ассоциативные связи двух немецких ФЕ.

Остался без рассмотрения и вопрос о конкретных, частных методах образования ФЕ Заменгофом, т.е. самой его "кухни". Известно, что "Proverbaro Esperanta" является дополнением к работе М.Ф. Заменгофа, отца автора эсперанто, "Сравнительная русско-польско-французско-немецкая фразеология, или сборник пословиц, изречений и поговорок на этих четырех языках" (Варшава, 1905), но вопрос о том, как конкретно создавались

ФЕ, остается пока невыясненным. Можно наметить предварительно несколько приемов, использованных Л.Л. Заменгофом: 1) калькирование одной ФЕ из ряда однотипных: рус. "обить пороги у кого", фр. assiéger la porte de quelqu'un, нем. J-m die Tür einlaufen, эсп. siegi ies pordon; 2) нейтрализация одного элемента: рус. "как у Христа за пазухой" - эсп. kiel ĉe la brusto de Dio; рус. "мерить на свой аршин" - эсп. mezuri laŭ sia propra metro и др.; 3) контаминация: - рус. "мух ловить" + "ворон считать" - эсп. kalkuli maŝojn и др.; 4) интернационализация элемента: - рус. "сколько душе угодно" - эсп. kiom la koro deziras (русской "душе" как компоненту ФЕ во фразеологии многих языков соответствует "сердце" - Herz, heart и др.).

И, наконец, если целиком выйти за рамки сборника, обратиться к функционированию ФЕ, рассмотреть дальнейшее развитие фразеологических идей Заменгофа, то, несомненно, откроются любопытные явления, исследование которых может оказаться плодотворным не только для фразеологии эсперанто, но и для общей фразеологической теории.

Л и т е р а т у р а

1. Бодуэн де Куртене И.А. Вспомогательный международный язык. - В кн.: И.А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. П. М.: АН СССР, 1963.
2. Вайнтрауб Р.М. Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках (к вопросу о сравнительном изучении славянской фразеологии). - В сб.: Вопросы фразеологии. Вып. IX. Самарканд, 1975.
3. Кузнецов С.Н. Направления современной интерлингвистики. - М., 1984.
4. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Ч. I. - Самарканд, 1973.
5. Солодухо Э.М. Особенности фразеологической интернационализации по линии заимствования. - В сб.: Активные процессы в области русской фразеологии. Иваново. 1984.
6. Cziszar A., Kalocsay K. 6000 frazeologiaj esprimoj hungaraj-esperantaj. - Budapest, 1975.
7. Gutmans T. Some ideas about idiom in Esperanto. - In: La Monda lingvoproblemo, vol. 2, Den Haag, 1970, N 6(8).

8. IALA. Some criteria for an international language and commentary. - New York, 1937.
9. Kessler C. Deutsche Redensarten und Redewendungen in Esperanto. - In: Der Esperantist, Berlin, 1970-1973.
10. Lentaigne L. Kiel diri ...? - Agenais, 1983(1-a eld. 1980).
11. Lentaigne L. Tiel diru! - Agenais, 1984.
12. Miĥajlov L. La frazeologiaj esprimoj kaj Esperanto. - In: Bulgara Esperantisto, Sofio, 1986, N 1.
13. Minor K. Deutsche Redensarten in Esperanto. - Berlin, 1922(2-a eld.: Saarbrücken, 1983).
14. Varga K. Frazeologio kaj artefarita lingvo. Diplomalaborajo. - Budapest, 1986.
15. Zamenhof L.L. Letero al Michaux (21.11.1905). - In: Leteroj de L.L. Zamenhof, vol. 2. P.: SAT, 1948.
16. Zamenhof L.L. Proverbaro Esperanta. - La Laguna, 1961.

LA FRAZEOLGIAJ UNUOJ EN "PROVERBARO ESPERANTA" DE
L.L. ZAMENHOF

Leonid N. Mjasnikov

Frazeologio ŝajnas esti la plej nekonata tereno en multaj etnaj lingvoj kaj sendube en Esperanto. Ĝis nun sporade skribis pri frazeologia sistemo de Esperanto, plejparte pri paremioj, t.e. pri proverboj kaj samtipaj esprimoj. Frazeologiaĵoj, t.e. vortkonstruoj kun plene aŭ parte ŝanĝita signifo de la tuto ricevis tiom malmulte da atento, ke oni vidas antaŭ si "teron nekonatan", preskaŭ virgan.

La aŭtoro de la artikolo provas prilumi kelkajn flankojn de frazeologio en la artefarita lingvo Esperanto surbaze de la konata verko de Zamenhof "Proverbaro Esperanta". Oni esploras strukturon, komponentaron kaj semantikon de frazeologiaj unuoj. Semantike la aŭtoro dividas zamenhofajn esprimojn je: 1) frazeologiaj unuecoj; 2) frazeologiaj kombinaĵoj, 3) frazeologiaj esprimoj. Demando pri sinonimoj kaj variaĵoj ankaŭ trovis prilumon.

Oni skizas kelkajn metodojn uzitaj de Zamenhof en procedo de kreado. Temas ankaŭ pri lingvaj kaj kulturaj fontoj de zamenhofaj frazeologiaĵoj.

ESTONA LITERATURO EN ESPERANTO

Jaan Ojalo

Grandan utilon portas al la
Internacia Lingvo tiuj, kiuj
pliriĉigas ĝian literaturon.

L.L. Zamenhof

Esperanto naskiĝis literaturfavora. L. Zamenhof (1859 - 1917) provis verkadon jam en sia frua juneco. Lia revo estis "fariĝi granda rusa verkisto". Estante ankoraŭ lernanto en Varsovio kaj kompilinte la unuan varianton de sia "lingve universale" li komencis provi ĝin ankaŭ por uzado en literaturo.

Kiam en 1887 aperis la unua libro de D-ro Esperanto "Lingvo Internacia" en ĝi estis ankaŭ du versaĵoj de la aŭtoro kaj unu traduko el H. Heine. Poste, en 1895 li skribis: "Agadi per lernolibroj, anoncoj ktp. estas tre bone kaj necese; sed tio ĉi devas havi lokon apud la literaturo kaj ne anstataŭ la literaturo".

Esperanto atingis Estonion en 1892. En 1893 aperis en Tartu la unua E-lernolibro por estonoj kiel aldono de la gazeto "Eesti Postimees". En 1895 aperis en Nürnberg la unua "Esperanto-estona vortaro" kaj en 1899 la unua kiel aparta libro eldonita "Rahvusvahelise keele täielik õpetus" ("Pena lernolibro de la internacia lingvo"), kies aŭtoro estis Hermann Stahlberg. Tiuj estis la unuaj E-eldonaĵoj por estonoj.

La unua E-periodaĵo estis "La Esperantisto" (1889 - 1895) en Nürnberg. En tiu revuo aperis ankaŭ la unuaj tradukoj el la estona literaturo en la numeroj 5/6 1894. Ili estis du fragmentoj el "Kalevipoeg" de Fr. R. Kreutzwald ("Nuboj", "Herooj en la ĉielo") kaj "Ondoj kaj roko" de Jakob Tamm, tradukitaj fare de Villem Vaher. En 1896 en "Lingvo Internacia" (Uppsala, 1895 - 1914) aperinta fragmento el "Kalevipoeg" "Ĉjo kaj malĉjo", "Juneco" de Jakob Tamm kaj "La lasta amo" de K.E. Sööt estis tradukoj de V. Vaher. Laŭ la kvalito la tradukoj ne respondas al la nuntempaj postuloj.

V. Vaher naskiĝis en Otepää (1873 - 1950). En 1893 li finis la kurson de la instruista seminario en Tartu kaj laboris kiel instruisto ĝis 1905. Partopreninta en la okazintaĵoj de la 1905a jaro, forlasis la hejmlandon, revenis tien en 1910, estis 2 jarojn en malliberejo. Post tio laboris en

Tallinn kiel estro de la telefona centro, kiel fakestro de la kleriga ministerio kaj direktoro de la vespera lernejo. Li estis prezidanto de EAE (Esperanto-Asocio de Estonio) kaj direktoro de EIE (Esperanto-Instituto de Estonio).

En la periodo antaŭ la Unua mondmilito aperis ankoraŭ en la aldono "Espero" de la Petrograda gazeto "Vestnik Znaniĵa" 1908/3, rakonto de Juhan Liiv "Sur Peipsi" en traduko de iu K. R-d. En 1908 aperis ankaŭ la unua estona E-revuo "Estlanda Esperantisto" (6 numeroj). En la duobla numero 3/4 aperis de F. Tuglas "Al la propra suno", tradukita de la redaktoro J. A. Rahamägi (1883 - 1914). En la du lastaj numeroj de "E. E." (5, 6) aperis ankoraŭ rakonto de E. Peterson (Särgava) "Höiskama Jagup", kiu tamen restis nefinita. La traduko estis kolektiva, neadekvata al la originalo.

J. A. Rahamägi naskiĝis en Maidla (distr. Rapla). Li estis profesia ĵurnalisto, aŭtoro de Esperanto-lermolibroĵ. Baldaŭ li transloĝiĝis al Petrogrado, kie fariĝis unu el la unuaj diplomitaj esperantistoj de Ruslando. En 1914 li veturis al la X Universala Esperanto-Kongreso en Parizo, kiun li ne atingis. Li perdiĝis en Germanio senpostsigne.

En 1911 aperinta "Esperanta Legafaro" de Jakob Rosenberg troviĝas fragmento de la rakonto "Sur Peipsi" de J. Liiv kaj 4 estonaj fabeloj de Fr. R. Faehlmann. La tradukinto ne estas indikita, do verŝajne li estis J. Rosenberg mem.

J. Rosenberg (1881 - 1937) naskiĝis en Soosaare (apud Kolga-Jaani), agadis kiel komercisto kaj estis unu el la plej gravaj aktivuloj de la E-movado. Li gvidis kursojn, kompilis la unuan legafaron (1911, 1931) kaj vortarojn.

Entute aperis antaŭ la Unua mondmilito en Esperanto 11-foje de 7 aŭtoroj verketoj de la estona literaturo. Laŭ mia opinio ili estis almenaŭ iuj el la plej unuaj tradukoj el la estona literaturo ĝenerale.

Konsiderinde pli fruktodona okazis dua periodo - inter la du mondmilitoj, kiam verkoj de la estona literaturo aperis en Esperanto 350-foje, inter ili tradukoj de Hilda Dresen (1896 - 1981) 231-foje. En tiu periodo aperis kiel apartaj libroj "Kvin noveloj" de F. Tuglas en la traduko de Henrik Seppik (1924), "Elektitaj versaĵoj" de Marie Under (1929, 36 versaĵoj) kaj "Horizontoj" de Johannes Barbarus (1931, 24 versaĵoj) tradukitaj de Hilda Dresen. En 1932 aperis la unua volumo de "Estona Antologio".

Preparojn por la antologio oni komencis en 1924. La verkon oni intencis 600-paĝa. Al la tradukista grupo apartenis Hilda kaj Helmi Dresen, H. Seppik, Paul Ariste (Berg), Ni-

kolai Karotamm (Tohvri) k.a. En 1931 la tradukoj estis pre-
taj, sed tiam evidentiĝis, ke mankas mono por eldoni la ver-
kon. Por subteno oni turnis sin al la registaro, sed senre-
zulte. Tiam oni alvokis al esperantistoj por prunto kaj an-
taŭmendoj. Oni decidis eldoni la antologion en tri volumoj.
En decembro 1932 aperis la 136-paĝa unua volumo. En ĝi oni
konatigis la folkloron kaj la plej malnovan literaturon ĝis
"Noor-Eesti". La unua volumo restis ankaŭ la lasta, kiun oni
kapablis eldoni.

Sume dum la periodo inter la du mondmilitoj aperis es-
perantigitaj verkoj de la estona literaturo de 47 aŭtoroj.
La unuan lokon okupas M. Under per 54 versaĵoj, J. Barbarus
per 30, Juhan Liiv 15, G. Suits 16, A. Haava 14, L. Koidula
11 kaj F. Tuglas per 10 verkoj. Folkloro aperis 59-foje.

Originalan Esperanto-poezion kaj prozon verkis Hendrik
Adamson (1891 - 1946) kaj Hilda Dresen. De H. Adamson aperis
originala rakonto "Auli" (Budapest, 1934) kaj 53 versaĵoj,
de Hilda Dresen 60 versaĵoj en diversaj E-periodaĵoj kaj
lernolibroj, ĉefe en "Literatura Mondo".

H. Adamson naskiĝis en Helme kiel filo de malriĉa vi-
laĝa tajloro-kabanulo. Li fariĝis instruisto, sed pro mal-
sano devis en la 30-aj jaroj rifuzi la laboron kaj daŭrigi
kiel kabanulo sian mizeran vivon de poeto-verkisto.

Hilda Dresen, je kies konto estas 2/3 de la aperintaj
tradukoj, naskiĝis en Kolga (distrikto Harju), lernis en
Tallinn, kie ankaŭ laboris kiel radio-telegrafisto, poste
kiel tradukistino el la rusa kaj germana lingvoj. Ŝi akiris
grandan internacian rekonon kiel originala E-poetino kaj
tradukistino.

Aliaj pli elstaraj tradukistoj de tiu periodo estis Hel-
mi Dresen (1892 - 1941) per 31 kaj H. Seppik per 20 tra-
dukoj.

Recenzoj kaj kritiko pri la aperintaj libroj aperis 33-
foje, inter ili 18-foje pri la "Elektitaj Versaĵoj" de M. Un-
der.

La paŭzo en nia movado pro la Dua mondmilito, ties an-
taŭ-kaj postperiodo daŭris preskaŭ 20 jarojn. El esperantaj
literaturaj revuoj aperis en tiu periodo nur "Malgranda Re-
vuo" en Svedio. Post la milito denove ekaperinta "Literatu-
ra Mondo" devis baldaŭ fini aperadon. Novan periodon kaj
konsiderindan plueniron kunportis "La Nica literatura revuo"
de G. Waringhien, en kies 6-a n-ro de 1958 aperis 6 versa-
ĵoj de M. Under. Precipe fruktodonaĵoj fariĝis la 60-aj kaj
70-aj jaroj dank' al daŭra aktiveco de Hilda Dresen. Sume

dum la periodo 1958 - 1986 aperis en apartaj libroj kaj en E-periodaĵoj estona literaturo 724-foje de 84 aŭtoroj, inter ili tradukoj de Hilda Dresen 504-foje de 67 aŭtoroj.

Ekde 1971 la eldonejo "Esti Raamat" eldonas verkojn de estonaj verkistoj en Esperanto-traduko. Dume aperis 12 verkoj, el ili 3 ankaŭ en brajlo. La unuan lokon okupas Juhan Liiv per 145 verkoj, sekvas D. Vaarandi per 104, M. Under per 35, L. Promet 28, J. Smuul 22, M. Raud 20, A. Haava 19 verkoj, aliaj aŭtoroj malpili.

Estona originala esperantlingva literaturo aperis post la Dua mondmilito en 4 apartaj libroj. Ili estas "Vesperkanto" (1967, 80 versaĵoj) kaj "Auli" (1983 en Saarbrücken) de H. Adamson, "Norda Naturo" (1968, 105 versaĵoj) de Hilda Dresen kaj "Saluto" (1986 en Skotlando 36 versaĵoj) de Antonina Apollo. En periodaĵoj aperis originalaĵoj 215-foje (H. Dresen 118-foje, H. Adamson 34-foje), 63 verkoj apartenas al kelkaj aliaj. Recenzoj kaj kritikoj aperis 35-foje, inter ili pri Juhan Liiv 10-foje.

Esperanto-revuo, kie aperis la plejmulto de niaj verkoj post la Dua mondmilito estas "Hungara Vivo", "La Nica literatura revuo", "Norda Prismo" kaj "La Suda Stelo". Unuopaj verkoj aperis en Japanio, Ĉinio, Aŭstralio kaj Ameriko.

La nombraj indikoj en mia referaĵo ne povas pretendi je plena perfekteco kaj precizeco, ĉar multaj periodaĵoj, lernolibroj, legaĵaroj kaj aliaj eldonaĵoj nin ne atingas. Sed evidente ankaŭ en ili aperis iom post iom tradukoj aŭ originalaĵoj el la estona literaturo. Ni povas konkludi, ke dum la pasintaj 100 jaroj aperis en Esperanto estonaj literaturaĵoj 1600 - 1700-foje.

La bibliografio montras, ke la rolo de Esperanto kiel konatigilo de la kulturo daŭre kreskis. Pozitivaj taksoj okaze de la 100-jariĝo de Esperanto konkludigas, ke la internacia lingvo Esperanto iras laŭ ascenda vojo kaj ĝia rolo en la internacia kultura interŝanĝo pligrandiĝas.

ЭСТОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ЭСПЕРАНТО

Яан Ояло

Международный вспомогательный язык эсперанто стал использоваться в Эстонии с 1892 г., а в 1893 г. в Тарту был опубликован первый курс языка. В статье дается краткий обзор прежде всего переводов на эсперанто произведений эстонской литературы. Так, до первой мировой войны автор фиксирует 11 публикаций 7 авторов (что, вероятно, приблизительно), между двумя мировыми войнами — уже 350 произведений 47 авторов, причем большинство переводов (231 ед.) сделано выдающейся переводчицей Хильдой Дрезен; в послевоенный период — 724 произведения 84 авторов (из них переводы Х. Дрезен составляют 504 произведения 67 авторов). В целом, как полагает автор, за почти сто лет использования эсперанто в Эстонии было опубликовано примерно 1600—1700 единиц переводов.

ФОНД ХИЛЬДЫ ДРЕЗЕН В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ
ИМ. Ф.Р. КРЕЙЦВАЛЬДА АН ЭССР

Тийт Куки

Цель настоящей публикации - дать обзор материалов фонда выдающейся эстонской эсперантистки Хильды Дрезен (1896-1981), находящегося в Литературном музее им. Ф.Р. Крейцвальда АН ЭССР (г. Тарту). В литературном музее фонд Х.Дрезен стоит под номером 289.

Фонд Х.Дрезен, несомненно, заслуживает внимания, так как деятельность ее имеет большое значение как для эстонской культуры, так и для всего мирового эсперантского движения. В то же время в истории эстонской литературы деятельности Х.Дрезен до сих пор не уделено должного внимания. Причина этого, по-видимому, в том, что вся деятельность Х.Дрезен направлена за пределы Эстонии и имеет целью ознакомление других народов с эстонской литературой. Мало изучено ее творчество как эсперанто-поэтессы.

Прежде чем приступить к рассмотрению фонда, остановимся вкратце на литературной деятельности Х.Дрезен (подробнее см. 2). Отдельными книгами из переводов Х.Дрезен на эсперанто изданы стихи М.Ундер "Elektitaj versaĵoj" (Таллин, 1929), стихи Й.Барбаруса "Horizontoj" (Таллин, 1931), антология эстонской поэзии "Estona soveta poezio" (Таллин, 1977), стихи Ю.Лийва "Al abelujo ĝi flugas" (Таллин, 1980) и отрывки из эстонского национального эпоса "Kalevipoeg" (Таллин, 1975). Х.Дрезен была членом авторского коллектива, переведившего поэму В.Безкмана "Lumo de orienta Eŭropo" (Таллин, 1976) и нескольких антологий (в том числе и "Estona antologio", Таллин, 1932). Нельзя забывать и о другой стороне литературной деятельности Х.Дрезен. В 1968 г. был издан сборник ее оригинальных стихотворений на эсперанто "Norða naturo" (La Laguna, Tenerife). И все же значительная часть творчества Х.Дрезен до сих пор не опубликована.

Х.Дрезен умерла в 1981 г. При содействии ее родственников архив вскоре был сдан на хранение в литературный музей,

и в начале 1983 г. автор настоящей публикации приступил к систематизации архива. Ниже будет дан обзор фонда Х.Дрезен по трем видам документов: I. Переводы на эсперанто; II. Прочие переводы; III. Переписка. Ссылки на конкретные единицы хранения не приводятся, так как цель публикации - общее ознакомление с фондом Х.Дрезен.

I. Переводы на эсперанто

Х.Дрезен в основном переводила поэзию. В фонде имеются переводы стихотворений более чем 90 эстонских поэтов - от основоположников эстонской литературы (Кристиан Яак Петерсон, Лидия Койдула) до молодых поэтов, первые стихотворения которых увидели свет в последние годы жизни Х.Дрезен (Дорис Карева, Мари Валлисоо и др.). Значительная часть переводов опубликована в периодических изданиях. По данным самой Х.Дрезен, начиная с 1940 г., их вышло около двухсот (первым был перевод стихотворения Эрни Хийра "Dolorflugile" в журнале "Literatura observo"). Около 100 переводов вышло в отдельных книгах и сборниках (см. перечень, приведенный выше). Общее количество переводов стихотворений эстонских авторов в фонде около 400. Таким образом, неопубликованных переводов приблизительно 100.

Среди материалов Х.Дрезен имеется рукопись сборника сонетов выдающейся эстонской поэтессы Марие Ундер. Из этих переводов до сих пор увидели свет лишь некоторые сонеты, сборник в целом пока ждет своего издания.

Прозаические переводы Х.Дрезен почти не издавались (исключение составляют некоторые рассказы в антологиях). Среди рукописей имеются переводы повести Ю.Лийва "Ombro" повести Ю.Парийыги "Kiam mi estis ŝipkabo", коротких рассказов Ю.Пеэгеля "Biero de Saaremaa", "Odo al harmoniko", "Junulinoj de vilaĝo Võlla", "Malnova manĝotablo" и др., Фр. Тугласа "La lupro", "Noktaj meditoj", "Sur borda vojo" и др., А.Х. Таммсааре "Trans la limo", М.Метсанурка "Toho-oja Anton". Все эти произведения ждут своего издания.

Х.Дрезен переводила стихотворения на эсперанто также с русского языка (некоторые стихотворения А.Пушкина, И.Северянина, Е.Евтушенко и др.), с немецкого языка - это переводы для антологии "Svisa antologio" А.Эрисманна, П.ден Бреннера, Э.Гербера, Ф.Хофера и др. - всего более 100 стихотворений. Х.Дрезен переводила также с французского языка (Ш.Бодлер) и даже с ливского языка (К.Сталте; об этом см. подроб-

нее: I). Часть названных переводов опубликованы, часть пока еще в рукописи.

II. Прочие переводы

Прочие переводы составляют менее важную часть переводов Х.Дрезен, так как она была в первую очередь эсперанто-переводчицей. В основном эти переводы сделаны поэтессой в молодости.

С русского языка на эстонский Х.Дрезен переводила прозу и стихотворения; среди переведенных авторов имеются как известные, так и менее известные, напр., Н. Некрасов, А. Ставрацкий, Е. Капиев, П. Павленко, О. Туманян. Но все это лишь отрывки прозы и отдельные стихотворения.

Также имеются переводы с немецкого на эстонский (Э. Штриттматтер, Й. Бехер) и с эсперанто на эстонский (М. Эскайола, С. Гума, С. Сатмари, В. Владимир). По нашим данным, эти переводы до сих пор нигде не публиковались.

III. Переписка

В фонде имеется более 4500 писем и более 700 поздравлений. Х.Дрезен вела переписку не менее чем с 307 лицами. В их числе были и такие, с которыми переписка была очень короткой, но и такие, с которыми переписка длилась десятилетиями. Долгое время Х.Дрезен вела переписку с чешским эсперантистом Милошем Лукашем (273 писем с 1919 по 1950 г.), с югославским эсперантистом Йосифом Велебитом (178 писем с 1935 по 1967 г.). В числе ее корреспондентов и многие другие видные эсперантисты разных стран (К. Калоцай, Г. Варингьен, П. Проданов, В. Токарев и др.). Содержание этих писем — новости местного эсперантского движения; мнение о прочитанных литературных произведениях, как эсперантских так и других; вопросы эстонской литературы; советы, касающиеся чтения и перевода, а также личное.

Меньше Х.Дрезен получено писем от эстонских эсперантистов, что, конечно, объясняется возможностью непосредственного, личного общения. Из эстонских корреспондентов Х.Дрезен назовем таких известных эсперантистов, как Я. Ояло, Р. Йоасооне, Б. Кярт, литературовед Ю. Талвет и др.

От разных эстонских писателей Х.Дрезен получено по 1-3 письма, в которых обычно дается согласие на перевод того или иного произведения. Назовем имена лишь некоторых эстонских

писателей, с которыми Х.Дрезен вела короткую переписку: В.Безкман, А.Гайлит, Х.Леберехт, Р.Рохт, Д.Смуул, М.Ундер и др. Среди них и один эсперантист - Х.Адамсон.

Самой продолжительной была переписка с Энном Уйбо (правда, эта переписка велась на эстонском языке). Э.Уйбо был человеком трагической судьбы. Факты его жизни еще ждут уточнения.

Кроме перечисленного, среди документов Х.Дрезен имеются памятные тетради с посвященными ей стихами и записями, сделанными эсперантистами как нашей страны, так и зарубежных стран; собрание открыток с видами Эстонии; диплом международного эсперантского литературного конкурса в Севилье; похвальный лист за переводческую деятельность от издательства "Ээсти Раамат" и много других интересных документов.

В заключение можно сказать, что значение Х.Дрезен для эстонской культуры, вне всякого сомнения, намного больше, чем принято считать. Ее огромная заслуга - широкое ознакомление других народов мира с эстонской литературой и культурой. Переводы Х.Дрезен известны своим высоким качеством, поэтому предлагаем опубликовать и не изданные до сих пор ее переводы. Более подробное изучение переписки Х.Дрезен может дать новые интересные факты в распоряжение исследователей эстонской и эсперантской литературы.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Ariste P. Liva poezio en Esperanto. - In: *Interlinguistica Tartuensis*. 2. Теория и история международного языка. (Ученые записки ТартуIV. Вып. 644). Тарту, 1983, с. 83-88.
2. Eesti kirjanduse biograafilise leksikon. Toimetanud E. Nirk ja E. Sõgel. - Tallinn, 1975.

FONDUSO DE HILDA DRESEN EN LA LITERATURA MUZEO
FR.R. KREUTZWALD DE SCIENCA AKADEMIO DE ESTONA SSR

Tiit Kukk

Hilda Dresen (1896-1981) estis la plej grava estona esperanto-tradukisto kaj esperanto-poetino. En la artikolo estas prezentata revuo pri la fonduso de H. Dresen en la Literatura muzeo Fr.R. Kreutzwald de Sciencia Akademio de Estona SSR je la skemo: 1) tradukoj en Esperanton; 2) tradukoj en aliajn lingvojn; 3) korespondado.

ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Serta gratulatoria in honorem Juan Régulo. II. Esperantismo. -

La Laguna: Universidad de la Laguna, 1987. - 790 p.

После появления в 1985 г. фундаментальной монографии Д.Бланке "Международные плановые языки" ("Internationale Plansprachen", Berlin) и книги "Теоретические основы интерлингвистики" (1987) С.Н. Кузнецова предлагаемое издание - одно из крупнейших достижений современной мировой интерлингвистики. Огромный по формату и по объему том - один из трех томов, выпущенных университетом в Ла Лагуна на Канарских островах в честь 70-летия профессора этого университета Хуана Регуло, одного из виднейших интерлингвистов и эсперантологов XX в. Профессор Х.Регуло в течение нескольких десятилетий занимает уникальную по своей значимости кафедру эсперанто в Ла Лагунском университете и активно ведет издательскую деятельность, в частности, выпускает книги по интерлингвистике, эсперантологии и эсперантской литературе на языке эсперанто. Книги издательства "Stafeto" из Ла Лагуны хорошо известны каждому, кто занимается проблемами международной языковой коммуникации и, в частности, эсперанто как одной из "форм гуманизма" (в сборнике об этом специальная статья Клода Пирона "Esperanto, formo de humanismo").

В сборнике, являющемся международным по составу его авторов, содержится несколько десятков статей, написанных на испанском, английском, русском, немецком, французском языках, но более всего - на эсперанто. Круг вопросов необычайно широк - от теоретических вопросов интерлингвистики до частных грамматических вопросов, активно разрабатывающихся в эсперантологии.

Из общеинтерлингвистических работ содержательна и интересна в теоретическом плане статья Вернера Бормана о проблемах международного языка - этнического и искусственного (планового) - во времени ("Mondlingvo longperiode"), где рассматривается мировая языковая ситуация и возможности этих двух типов языков выполнять роль трансэтнического средства

общения. В статье Д.Бланке ("Pri la termino 'planlingvo") анализируются содержательный и формальный аспекты термина "плановый язык", используемого в последнее время в ряде работ вместо привычного "(международный) искусственный язык". Голландский интерлингвист В.А. Верлорен ван Темаат ("Kriterioj por la internacieco de la vortaro en planlingvoj") пытается определить основные критерии интернациональности слова в международном искусственном (плановом) языке. Несомненный интерес вызовет статья известного эсперантского поэта Рето Россетти о Бернардe Шоу и его позиции по отношению к международному языку, высказанной в переписке конца 40-х - начала 50-х гг. с автором ["Bernard Shaw on the Question of an International Language in Correspondence with Reto Rossetti (1949 - 1950)"].

Эсперантологическая тема в сборнике охватывает два аспекта эсперанто - как лингвосоциокультурного движения в современном мире, т.е. социолингвистический аспект, и как собственно языка, т.е. внутренний, структурно-функциональный, аспект. Первый аспект всесторонне рассмотрен в работах Андре Альбо - о создании и работе уникального лингвистического учреждения Академии эсперанто ("La Akademio de Esperanto: starigo kaj esenca rolo") и других институций (Alec Venture: "La historio de la Esperantaj lingvaj institucioj"), в статьях Вильяма Олда и Хемфри Тонкина - о культурно-исторической базе эсперанто-движения (соответственно "Kulturbazo historia de la Esperanto-Movado" и "Esperanto: kulturo, lingvo, historio"); ряд работ подробно представляют научную, литературно-художественную и издательскую деятельность профессора Хуана Регуло (Vilmos Benczik, Edwin de Kock, Miyamoto Masao, Gaston Waringhien и др.). Представлены в сборнике и пока еще слабо известные в "большом литературоведении" эсперантская литература и эсперантское литературоведение - статьи Джулиуса Балбина ("Kiel mi verkas Esperante"), Йиржи Коржинека ("Taskoj de nia literaturo beletra kaj faka"), Властимила Новобильского ("Kontribuo de ŝefaj verkistoj al la Esperanta literaturo") и др. Второму, внутреннему, аспекту эсперанто посвящено большинство работ сборника. Мишель Дюк Гониназ рассматривает методологические и терминологические проблемы описания эсперанто ("Kiel priskribi Esperanton"), Жеральдо Маттос - эсперантского глагола ("Lingvistika priskribo de la verbo"); вопросам, давно вызывающим горячие споры в эсперантологии, в частности, определенному ар-

тикло и причастиям на -ata/-ita посвящены статьи Т.Ф. Маккинка и Карола Пича (причастная проблема подробно рассматривается снова в статье В.А. Корнилова в настоящем выпуске серии). В ряде статей исследуются вопросы эсперантской лексики, собственных имен, специальных терминов разных наук, вопрос ценности эсперанто как языка-посредника машинного перевода и др. В сборнике представлены также три публикации советских интерлингвистов: акад. П.Аристе пишет о переводах ливской поэзии на эсперанто ("Liva poezio en Esperanto"), Б.Колкер - о русско-эсперантских связях ("Kontribuo de la rusa lingvo al la verba sistemo de Esperanto"), автор настоящего обзора - о теоретических аспектах лингвопроектирования в интерлингвистике ("К принципам создания истории лингвопроектирования").

Международный сборник в честь профессора Хуана Регуло - несомненно крупнейшее событие в интерлингвистической науке 80-х гг. Он как бы подводит своеобразный итог тем теоретическим исследованиям и практической работе, которые поддерживали в течение столетия процесс социализации одного из международных искусственных (плановых) языков. И в этом смысле его значение выходит за рамки интерлингвистики.

А.Д. Дуличенко

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ
ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ: СЕРИЯ "МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ"

Цель настоящей заметки - представить научную серию сборников под общим названием "Международная языковая коммуникация" - "Międzynarodowa komunikacja językowa" (роталпринт), которую с 1981 г. издает университет в польском городе Лодзь. Ответственный редактор серии - Тадеуш Эйсмонт. Серия состоит из материалов регулярно проводимых научных конференций под тем же названием. Первые три выпуска вышли без пагинации в 1981, 1982 и 1983 гг., четвертый вышел в 1987 г., а пятый и шестой - в 1986 г. Материалы публикуются на польском языке и, как правило, снабжены резюме на эсперанто, а также на латинском, немецком, французском, английском языках. Пятый выпуск содержит материалы только на эсперанто, причем часть работ в нем - это переводы из предыдущих выпусков. Помимо польских авторов, в серии участвуют также и специалисты других стран.

Основное направление серии – социолингвистические аспекты языковой жизни человечества: рассмотрение вопросов преодоления языковых барьеров, функциональная интернационализация этнических языков и возможности международных искусственных языков (МИЯ). Незначительный объем сборников составляют работы, трактующие отдельные внутривидовые аспекты МИЯ и, в частности, эсперанто.

Публикаций, затрагивающих методологические аспекты современной интерлингвистики, несколько. Видный интерлингвист из ГДР Детлев Бланке представляет плановые языки как предмет научных исследований [Blanke [I]]; статья является переводом работы этого автора "К научному занятию плановыми языками (1972)"*; недавно скончавшийся венгерский интерлингвист Иштван Сердахеи рассматривает соотношение эсперантологии и интерлингвистики, интерлингвистики и плановой лингвистики, а также вопрос о том, является ли интерлингвистика разделом языкознания и наука ли это вообще? (Szerdahelyi, [III]). Т.Эйсмонт продолжает тему о статусе интерлингвистики, представляя различные интерпретации понимания этой науки, ее предмета и задач, членение (Ejsmont, [I], VI).

Большая часть публикаций касается различных сторон международной языковой коммуникации (МЯК). В частности, Владислав М. Грабский рассматривает теоретические аспекты МЯК в эпоху научно-технической революции, Эдвард Шиманьский обращает внимание на языковые проблемы в современных международных организациях, американский интерлингвист Хемфри Тонкин – на право языка в международной коммуникации, Ян Шаловский – на вопросы "языковой экспансии" и расшатывание "языкового европоцентризма" за счет функциональной интернационализации ряда языков Азии и Африки (соответственно: Grabski, [I]; Szymanski, [II]; Tonkin, [III]; Szałowski, [II], а также V). Ряд материалов посвящен вопросам соотношения и взаимосвязи личности и международного языка (МЯ), культуры и МЯ. Т.Эйсмонт касается первого аспекта (Ejsmont, [II]). Славомир Штобрин рассматривает проблему интеграции культуры и положение МЯ, а В.Грабский – развитие МЯ и проблему универсальной культуры (Sztobryn [II]; Grabski, VI). Интересный материал для размышлений дают публикации Т.Эйсмонта – о многоязычии как пер-

* В тексте в скобках указываем только фамилию автора и выпуск, в котором помещена его работа; подробные библиографические сведения в конце обзора.

спективе мира и В.Грабского, занимающегося прогнозированием процессов МЯК (Ejmont, IV; Grabski, IV). Аспектам языкового планирования и плановых языков посвящена работа Д.Бланке (Blanke, [II]). К этому руслу исследований примыкают также статьи, в которых рассматриваются функциональные и внутренние характеристики языков, реально имевших или имеющих статус международных. Так, Т.Эйсмонт останавливается на основных этапах истории латинского языка как международного, Стефан Освенцимский сопоставляет функциональные аспекты эсперанто и латыни, а Божена Каминьская пишет о санскрите в древней Индии (Ejmont, [II]; Oświęcimski, [II]; Kamińska, VI).

Ряд публикаций посвящен анализу спорных вопросов, связанных с выбором МЯ (об этом пишет Анджей Сускин, см.: Suskin, [II], [III], а также перевод в У, IV), Ромуальд Липницкий пытается установить общие принципы создания универсального языка и даже предлагает своеобразный проект универсального алфавита (Lipnicki, [III], а также перевод в У, IV).

Слабо разработанную в языкознании и в интерлингвистике в частности проблему сознательного воздействия человека на язык затрагивает Д.Бланке. Автор видит проявление такого воздействия по крайней мере в выработке и утверждении литературного языка, в процессе описывания ранее бесписьменных языков, терминотворчестве и в языковом манипулировании в идеологических целях. Этот же автор рассматривает основные мотивы, которыми руководствуются лингвоизобретатели (Blanke, [II]; статья в У I в переводе на русский язык помещена в настоящем выпуске нашей серии). Пьер Жантон касается психологических аспектов восприятия МЯ (Janton, [III]).

Нельзя не сказать особо о серии работ Игнацы Данки. Сто лет назад Х.Шухардт предлагал, чтобы компаративисты занимались не только реконструкцией праязыка, но и конструированием МЯ. В этом аспекте ведется работа на кафедре классической филологии университета в Лодзи. Данка пытается установить типологические соотношения между реконструкцией индоевропейского праязыка и МЯ разных структур (Danka, [II], а также перевод в У). К этим поискам примыкает статья итальянского интерлингвиста Фабрицио Пеннакетти об изучении индоевропейских элементов в эсперанто в связи с вопросом о его международной (Pennacchetti, [III]). Это направление интерлингвистических, вернее сравнительно-историческо-интерлингвистических, разысканий следует считать весьма перспективным.

Полезными для интерлингвистов будут помещенные в некото-

рых выпусках серии библиографии по МЯК и интерлингвистике (см.: Н. Ejsmont [I]; Ejsmont, [II], [III]; Т. Ejsmont - Н. Ejsmont, V; Worsztynowicz, VI).

К сожалению, нам не удалось здесь коснуться всех помещенных в серии публикаций.

Серия Лодзинского университета "Международная языковая коммуникация" уже завоевала признание не только в Польше, но и за рубежом. По существу, перед нами целеустремленное направление в разработке актуальных социолингвистических проблем современного мира с позиций интерлингвистики. Важно при этом подчеркнуть, что функциональные аспекты МЯ рассматриваются в широком комплексе других вопросов, как, например, в связи с новым экономическим и информационным порядком в мире, национальной и общечеловеческой культурой, правами человека и т.д. До сих пор именно такого подхода не доставало в интерлингвистике.

✽

✽

✽

Помещаем здесь подробные библиографические данные о сборниках серии и статьях тех авторов, которые попали в настоящий обзор.

1) Międzynarodowa komunikacja językowa. Materiały poseminarijne. [I]. - Łódź, 1981. - 184 s.

Grabski W.M. Teoretyczne aspekty międzynarodowej komunikacji językowej czasów rewolucji naukowo-technicznej, s. 8 - 18; Ejsmont T. Język międzynarodowy jako problem społeczny i przedmiot badań naukowych, s. 95-106; Blanke D. Języki planowe jako przedmiot badań naukowych, s. 131-147; Ejsmont H. Wybór literatury wprowadzającej w problematykę międzynarodowej komunikacji językowej, s. 167-180.

2) Problemy międzynarodowej komunikacji językowej - Problemy de internacia lingva komunikado. Materiały konferencyjne. [II]. Łódź, 1982. - 286 s.

Szymański E. Organizacje międzynarodowe, a ich problemy językowe, s. 8 - 16; Ejsmont T. Wszechstronny rozwój człowieka a międzynarodowa komunikacja językowa, s. 48 - 67; Sztobryn S. Wybrane problemy integracji kulturowej z uwzględnieniem procesów międzynarodowej komunikacji językowej, s. 136 - 141; Szałowski J. Współczesne determinanty ekspansji języków międzynarodowych, s. 142 - 155; Suskin A. Unilingwa jako alternatywa wobec paninterlingwy, s. 166 - 179; Blanke D. O problemie planowego wpływania przez człowieka na rozwój ję-

zyka, s. 180 - 207; Danka I.R. Prajęzyk indoeuropejski a problem języka międzynarodowego, s. 208 - 225; Oświęcimski E. Esperanto a Yacina, s. 226 - 246; Ejsmont T. Yacina jako szczególny przypadek języka międzynarodowego, s. 247 - 261; Ejsmont T. Wybór literatury wprowadzającej w problematykę międzynarodowej komunikacji językowej, s. 271 - 282.

3) Międzynarodowa komunikacja językowa - Internacia lingva komunikado. Konferencyjne materiały - Konferencaj materialoj. [III]. Łódź, 1983. - 304 s.

Ejsmont T. Międzynarodowa informacja i komunikowanie jako potrzeba człowieka, s. 65 - 78; Tonkin H. Język a komunikacja międzynarodowa: Prawo do komunikowania, s. 79 - 89; Suskin A. Niedzowność rozwiązania problemu powszechnego języka międzynarodowego. Opinie i oceny, s. 125 - 138; Lipnicki R. System języka uniwersalnego (zarys idei przewodnich), s. 170 - 176; Suskin A. Pozytywne opinie o celowości internacjonalizacji powszechnej społecznego języka sztucznego oraz ich ocena krytyczna, s. 177 - 191. Janton P. Psychiczna rezystencja względem języków planowych ze szczególnym uwzględnieniem esperanta, s. 192 - 203; Szerdahelyi I. Interlingwistyka: pojęcie i fakt, s. 220 - 222; Pennacchetti F. Międzynarodowość esperanta i charakter indoeuropejskich elementów w nim zawartych, s. 223 - 235; Ejsmont T. Wybór literatury dotyczącej komunikacji językowej międzynarodowej, s. 293 - 300.

4) Międzynarodowa komunikacja językowa - Internacia lingva komunikado. Materiały konferencyjne - Konferencaj materialoj. IV. - Łódź, 1987. - 158 s.

Grabski W.M. Nauka i prognozowanie a perspektywy optymalizacji procesów międzynarodowej komunikacji językowej, s. 7 - 18; Ejsmont T. Wielojęzyczność świata jako inspiracja do optymalizacji procesów międzynarodowego komunikowania się ludzi i narodów, s. 56 - 67; Blanke D. Planowanie językowe a języki planowane, s. 68 - 78; Suskin A. Metoda wyboru kandydata na paninterlingwe spośród języków etnicznych, s. 79 - 92; Lipnicki R. System alfabetu uniwersalnego. (Zarys idei przewodnich), s. 93 - 96.

5) Internacia lingva komunikado. Konferencaj materialoj. V. - Łódź, 1986. - 165 p.

Ejsmont T. Ĉiufanka homevoluo kaj la internacia lingva komunikado, p. 27 - 44; Suskin A. Neceso urĝe solvi problemon de universala lingvo internacia. Opinioj kaj pritak-

soj, p. 77 - 88; Lipnicki R. La sistemo de universala lingvo. (Skizo pri la gvidideo), p. 89 - 94; Danka I. Hindeŭropa prelingvo kaj la problemo de lingvo internacia, p. 95 - 109; Ejsmont H., Ejsmont T. Enkonduka bibliografio al la problemo de la internacia lingva komunikado, p. 135 - 164.

6) Międzynarodowa komunikacja językowa - Internacia lingva komunikado. Materiały konferencyjne - Konferencjaj materialoj. VI. - Łódź, 1986. - 239 s.

Grabski W.M. Rozwój języka międzynarodowego jako problem kultury uniwersalnej (zarys problematyki), s. 34 - 43; Kamińska B. Rola sanskrytu jako języka nadrzędnego w dawnych Indiach, s. 62 - 69; Ejsmont T. Spór o metodologiczny status interlingwistyki, s. 122 - 136; Danka I.R. O związkach językoznawstwa historyczno-porównawczego z interlingwistyką, s. 137 - 142; Blanke D. Lingwofilozoficzne i ideologiczne motywy tworzenia języków planowych, s. 154 - 165; Danka I.R. Rekonstrukcja języka indoeuropejskiego a koncepcje budowy sztucznych języków międzynarodowych Volapüka i Esperanto, s. 166 - 181; Worsztynowicz E. Bibliografia katalogów i bibliografii esperanckich wydanych drukiem, s. 231 - 235.

А.Д. Дуличенко

С о д е р ж а н и е

Тартуская интерлингвистическая конференция "Плановые языки: итоги и перспективы" (22-24 октября 1987 г.)	3
--	---

ОБЩАЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИКА

<u>Дуличенко А.Д.</u> Интерлингвистика: сущность и проблемы	18
<u>Цыкун Г.А.</u> Языковая интеграция, языковая экология и языковые союзы	42
<u>Александрова О.В.</u> Единство интерлингвистической семио- тики и семиологических основ естественного чело- веческого языка	50
<u>Ткачев С.В.</u> К проблеме поиска универсалий разных форм мышления для возможного построения плано- вого языка	57
<u>Лешак О.В.</u> Взаимоотношения единиц языка и мышления и проблемы формализации	64
<u>Секирин П.В.</u> Плановый язык как язык-посредник в диа- логе "человек-компьютер"	71
<u>Мельников А.С.</u> Некоторые семантические проблемы выбо- ра и обработки лексики для международного плано- вого языка	76
<u>Губарев В.П.</u> К проблеме конструирования фразеологии в международном искусственном языке	91
<u>Бланке Д.</u> Лингвофилософские и идеологические мотивы создания плановых языков	95

ЭСПЕРАНТОЛОГИИ

(К столетию международного вспомогательного
языка эсперанто)

<u>Ölberg H.M.</u> Esperanto und die gegenwärtige Linguistik	108
<u>Ткаченко О.Б.</u> К социолингвистической характеристике эсперанто	114
<u>Корнилов В.А.</u> Эсперантское причастие как проблема общей и сравнительной партиципологии	123
<u>Шевченко Е.Г.</u> Проблемы составления Большого русско-эсперантского словаря	134
<u>Зайченко Н.Л.</u> О понятии "фразеологичность" в языке эсперанто	147
<u>Мясников Л.Н.</u> Фразеологизмы в сборнике Л.Л. Заменгофа	156
<u>Ojala J.</u> Estona literaturo en Esperanto	165
<u>Куук Т.</u> Фонд Хильды Дрезен в Литературном музее им. Фр. Р.Крейцвальда АН ЭССР	170

ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Serta gratulatoria in honorem Juan Régulo	174
Социолингвистический аспект современной интерлингвистики: серия "Международная языковая коммуникация"	176

ENHAVO

Interlingvistika konferenco "Planaj lingvoj: rezultoj kaj perspektivoj" en Tartu (22-24a oktobro de 1987)	3
---	---

ĜENERALA INTERLINGVISTIKO

<u>Duliĉenko A.D.</u> La Interlingvistiko: esenco kaj problemoj	18
---	----

<u>Tsykhun G.A.</u> The Language integration, language ecology and linguistic areas	42
<u>Aleksandrova O.V.</u> Unueco de interlingvistika semiotika kaj de semiologiaj bazoj de la natura homa lingvo	50
<u>Tkacev S. V.</u> Zum Problem der Suche nach Universalien verschiedener Denkformen für möglichen Schaffung der Plansprache	57
<u>Leščak O.V.</u> La rilatoj inter lingvounooj kaj pensado kaj problemoj de formalizado	64
<u>Sekirin P.V.</u> The Intermediate plan language and the problem of human-computer interaction	71
<u>Melnikov A.S.</u> Kelkaj semantikaj problemoj koncerne elekton kaj prilaboron de leksiko por internacia planlingvo	76
<u>Gubarev W.P.</u> Zum Problem der phraseologischen Konstruierung in der internationalen künstlichen Sprache ...	91
<u>Blanke D.</u> Lingvofilozofiaj kaj ideologiaj motivoj por la kreado de planlingvoj	95

ESPERANTOLOGIO

<u>Эльберг Г.М.</u> Эсперанто и современная лингвистика	108
<u>Ткаченко О.Б.</u> Al la sociolingvistika karakterizo de Esperanto	114
<u>Kornilov V.A.</u> Esperanta partícipo kiel problemo de ĝenerala kaj kompara participologio	123
<u>Ševčenko E.G.</u> Problemoj de kompilado de la Granda rusa-esperanta vortaro	134
<u>Zaičenko N.L.</u> Pri nocio "frazeologieco" en Esperanto ..	147
<u>Mjasnikov L.N.</u> La frazeologiaj unuoj en "Proverbaro Esperanta" de L.L. Zamenhof	156
<u>Ояло. Я.</u> Эстонская литература на эсперанто	165
<u>Kukk T.</u> Fonduso de Hilda Dresen en la Literatura Muzeo Fr.R. Kreutzwald de Scienca Akademio de Estona SSR..	170

INTERLINGVISTIKAJ ELDONAĴOJ

Serta gratulatoria in honorem Juan Régulo	174
Sociolingvistika aspekto de la moderna interlingvistiko: serio "Internacia lingva komunikado"	176

Ученые записки Тартуского университета. Выпуск 858. Общая ИНТЕРЛИНГВИСТИКА И ПЛАНОВЫЕ ЯЗЫКИ. *Interlinguistica Tartuensis* 6. На разных языках. Резюме на разных языках. Тартуский университет. ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18. Ответственный редактор А. Дуличенко. Подписано к печати 19.04.1989. Формат 60x90/16. Бумага писчая. Машинопись. Ротапринт. Учетно-издательских листов 11,17. Печатных листов 11,5. Тираж 700. Заказ № 346. Цена 2 руб. 20 коп. Типография ТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78. 6 - 2